

С.КАРА-МУРЗА

ЕВРЕИ,

**ДИССИДЕНТЫ И
ЕВРОКОММУНИЗМ**

С. КАРА-МУРЗА

**ЕВРЕИ,
ДИССИДЕНТЫ И
ЕВРОКОММУНИЗМ**

Москва

АЛГОРИТМ
2001

Кара-Мурза С. Г.

К 21 Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. (Серия: Тропы практического разума.) – М.: Алгоритм, 2001 – 256 с.

ISBN 5-9265-0046-3

Как утверждает С.Кара-Мурза, советскому обществу противостоял сложившийся в течение многих лет антисоветский проект, в котором участвовала часть советской интеллигенции – так называемые диссиденты и советские евреи, а также важное течение в среде левой западной элиты – еврокоммунизм.

Почему вся эта элита – и наша, и западная, стала противником советского строя и какую роль она сыграла в его гибели – об этом книга.

ISBN 5-9265-0046-3

© Кара-Мурза С. Г., 2001

© ООО «Алгоритм-книга», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно вышла в свет моя большая книга «Советская цивилизация» (М., Алгоритм, 2001). В ней сделана попытка «реконструировать» процесс зарождения советского «проекта» и становления советского строя, то есть воплощения его в реальных условиях, predetermined нашей исторической судьбой. Далеко не все из того проекта, который сложился в сознании и мечтах миллионов советских людей и их предшественников, удалось воплотить в жизнь. Наше общество не выдержало перегрузок, ряда наложившихся друг на друга напряжений и кризисов, которые усугубила тяжелая, плохо понятая нами "холодная война" с Западом. Советский проект был пресечен, а советский строй во многих своих важнейших проявлениях уничтожен.

Для понимания сути советского проекта и советского строя исключительно важным следует считать отщепление от них тех политических и культурных сил, которые ранее принимали активное участие в становлении советского общества как части мировой цивилизации, его защите от идейных и военных угроз. Более того, после Второй мировой войны произошло даже превращение ряда влиятельных групп и течений, как внутри страны, так и на Западе, в активных *противников* советского строя. В некоторых случаях можно говорить даже об их переходе на сторону *врагов СССР* в холодной войне.

Объем главной книги, и так уже чрезмерный, не позволял подробно останавливаться на некоторых более специальных вопросах, и было решено издать серию небольших книжек как спутников основного текста. Тому, кто интересуется каким-то одним вопросом больше, чем другими, будет легче выбрать себе нужный текст из такой россыпи книжек.

Может показаться странным, но на сущность советского строя важный свет проливает история созревания того, что можно назвать антиподом советского проекта или *антисоветским проектом*. Он сложился как целостная,

имеющая внутреннюю логику система обвинений и упреков в адрес советского общества и советского человека. Иногда они замаскированы тем, что акцентировались на политическую систему, идеологию, репрессивную политику и т.д. Но обычно, раскапывая более глубокие, не всегда ясно сформулированные основания этих обвинений и упреков, видишь, что недовольство вызывали фундаментальные расхождения интересов и идеалов. Поэтому антисоветский проект является хоть и кривым, но многозначительным зеркалом, отражающим советское общество.

Ранее выходила моя книга "Интеллигенция на пепелище России" (М., Былина, 1997), в которой обсуждались главные постулаты антисоветского проекта, созревшего в умах части нашей интеллигенции. В нынешней же книжке взят более узкий и более фрагментарный объект. Это две специфические группы внутри советской интеллигенции — т.н. диссиденты и советские евреи, а также важное течение в среде левой западной элиты — *еврокоммунизм*.

Может вызвать некоторое удивление тот факт, что евреи, составляющие особый народ и выделяемые по национальному признаку, рассматриваются здесь как культурное и поли-

тическое течение, сыгравшее важную роль в кризисе и гибели советского строя. Думаю, эта натяжка простительная, поскольку для нашей темы важны не этнографические факторы, а именно ход мысли и изменение установок советских евреев как влиятельной части советской интеллигенции. Известно, что подавляющее большинство советских евреев принадлежало к интеллигентным кругам, а не имеющее высшего образования меньшинство находилось под влиянием образованной еврейской элиты. Тот факт, что эта элита в значительной своей части заняла во время перестройки антисоветскую позицию, сыграл очень большую роль в исходе кризиса. Понятное дело, что речь идет лишь о части как евреев, так и интеллигенции вообще или западных коммунистов. Однако эта часть была столь влиятельной, что во всех случаях произошло изменение *вектора* политических идеалов и установок этих групп в целом.

БЕЗ АНТИСЕМИТИЗМА И ЮДОФИЛИИ

В том клубке противоречий, которые выродились в 80-е годы в кризис, приведший к гибели советского строя, было одно очень деликатное обстоятельство, о котором не принято было говорить,— культурные и политические установки советских евреев, которые были в СССР особым народом, но в то же время и особой, очень влиятельной социальной группой. Бурная кампания против «русского антисемитизма», проведенная в конце 90-х годов, имела полезную сторону: она узаконила открытое обсуждение еврейского вопроса. Этой возможностью мы обязаны воспользоваться, говоря об истории советского строя.

Подходить к вопросу приходится осторожно — табу, наверное, снято не для всех. Где получить лицензию, неизвестно. Даже мыслитель

такой величины, как Л.П.Карсавин, написавший в 1927 г. работу «Россия и евреи», начал ее с такого замечания: «Довольно затруднительно упомянуть в заглавии о евреях и не встретиться с обвинением в антисемитизме».

Да что Карсавин! Виднейший деятель сионизма В.Е.Жаботинский заметил в 1909 г.: «Можно попасть в антисемиты за одно слово «еврей» или за самый невинный отзыв о еврейских особенностях... Евреев превратили в какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и от этого обычаи теряют больше всего именно евреи, потому что, в конце концов, создается такое впечатление, будто и само имя «еврей» есть непечатное слово».

Почему я, по размышлении, принялся за эту тему? Потому, что не упорядочив наши мысли в этом вопросе, мы так и будем тыкаться, как слепые щенята, в углы экономики и политики. Вместо выхода из кризиса по тому узкому коридору, что нам остался, мы будем пребывать в беспорядочном броуновском движении. Что толку спорить о том, надо или не надо тратить все с кровью собранные деньги на спасение банковской системы, если забывается, что

это — еврейский вопрос? Об этом заявили сами «олигархи».

Почему я посчитал, что, взявшись за эту тему, я смогу протянуть ниточку хотя бы неявного диалога с евреями? Потому, что после долгого копания в самом себе я пришел к выводу, что я — не антисемит. Иначе бы не взялся. Конечно, никто не даст мне справки с печатью, и я объясню мой вывод.

Я не потому не антисемит, что имею друзей-евреев и люблю их. Это к делу не относится никак. Можно быть отъявленным расистом и влюбиться в мулатку. Да у меня, похоже, и нет уже друзей-евреев, я с ними разошелся в октябре 1993 г. А когда я с ними дружил, то любил их за их ум и нрав, а вовсе не за особые еврейские черты. Критерий «дружить с евреем» или «влюбиться в мулатку» верен для больших чисел, и по этому критерию русские — не антисемиты, это факт. Но я говорю о себе лично, и социология тут бессильна.

Наоборот, глупо считать антисемитом того, кто не любит особые еврейские черты и привычки, кому противна фаршированная щука. Это — обычная «неприязнь к иному», обычный этноцентризм, который необходим для сохранения народов. Не будь этой подсознательной

неприязни и отчужденности, все народы и культуры слились бы в один муравейник, все бы мы стали «приятно смуглявыми», и человечество угасло бы, потеряв разнообразие.

Так почему же я — не антисемит? Потому что, по мне, евреи — один из важных и необходимых корней России. И я не желаю, чтобы он засох из-за манипуляций Гусинского. Русский ум и взгляд — неповторимый плод культуры. Он возник и окреп в непрерывном диалоге и борьбе с еврейским умом и взглядом.

А.Межиров, «из еврейства», так сказал о наших двух народах:

Они всегда, как в зеркале, друг в друге
Отражены. И друг от друга прочь
Бегут. И возвращаются в испуге,
Которого не в силах превозмочь.
Единые и в святости, и в свинстве,
Не могут друг без друга там и тут
И в непреодолимом двуединстве
Друг друга прославляют и клянут.

Об этом двуединстве много думал В.В.Розанов, который самых рьяных «охотников на антисемитов» приводит в замешательство — то ли он юдофоб, то ли юдофил. Это, кстати, очень примечательно: как раз о выразителях сокро-

венных глубин русского духа евреи затрудняются сказать — антисемит или юдофил. Вот что пишется, например, в издаваемой в Израиле «Краткой еврейской энциклопедии» о Достоевском: «Глубокие противоречия, свойств. мировоззрению Д., приводили его одновременно и к слепой ненависти к евреям и к глубоким прозрениям, создавая в его уме образ еврейства, в к-ром карикатурные искажения сочетаются с глубоким пониманием экзистенциальных особенностей еврейского народа и его истории».

В.В.Розанов не исходил ни из какой установки, он просто писал о том, что видел — без антисемитизма и юдофилии. И он, между прочим, написал, выделив курсивом: «Я за всю жизнь никогда не видел еврея, посмеявшегося над пьяным или над ленивым русским. Это что-нибудь да значит среди оглушительного хохота самих русских над своими пороками». Конечно, В.В.Розанов не был на концертах Хазанова и не видел евреев новой формации, конца XX века, на вершине их власти в России. Но власть — дело временное, и она лишь прикрывает то, о чем говорил В.В.Розанов. Впрочем, раз прикрывает, об этом можно пока и не

говорить (но иметь в виду). Есть другие, явные вещи.

Кафка в одной из своих талмудических притч сказал: «Из настоящего противника в тебя вливается безграничное мужество». Русский дух всегда имел рядом, в рукопашной, как раз такого противника с равноценным мессианским накалом, русский дух «отталкивался» от иудейства. Иудей — это не добродушный немец с пивной кружкой. О немце не напишешь «Слово о Законе и Благодати».

За последние сто лет еврейский ум — важная часть культуры России, он соединен с русским умом по принципу дополнительности, как в симбиозе, а не в паразитизме. Вот случай из моей жизни. В 70-е годы возник глупый всеобщий энтузиазм в виде НОТ. И приходит ко мне старый еврей из большого отраслевого НИИ — зав. отделом НОТ. Он читал мои работы по социологии и позвал меня обследовать его НИИ. Я увлекся, составил программу, были в ней даже находки. Стали думать, как организовать работу, я сделал план, он согласился. Надо идти к директору НИИ, утверждать. Я, говорю, изложу ему план, а вы поддержите. Он замахал на меня руками: что вы, что вы, сидите уж и молчите.

Приходим к директору — нормальный мужик, программу одобрил. Стал ему мой покровитель излагать план действий, и я с ужасом слышу, что он порет дикую чушь, какой-то глупейший бред — от нашего имени. Поморщился директор, как от зубной боли, и говорит: «Вы, Евсей Соломонович, опытный работник, а такие глупости говорите. А дело-то несложное. Вот так надо делать,» — и он изложил в точности наш план. Евсей Соломонович заюлил: «Простите, Павел Васильевич, не додумали мы. Ведь верно, верно вы предложили, так мы и сделаем». Муторно мне было и жалко директора, но старик мне сказал: «Надо думать о деле, а не о престиже. Предложи мы нормальный план — любой директор его бы исковеркал».

Возможно, православный человек скажет, что лучше вообще не делать никакого дела, чем пользоваться такими методами. Так-то так, но все же иногда и дело делать надо. Научиться методам Евсея Соломоновича я не смог и не смогу — а в паре мог бы работать, пока милый мой Павел Васильевич, умный мужик и толковый химик, остается самодуром. А может ли он не быть самодуром? Ответ не очевиден.

Где ни копнешь, близ Павла Васильевича есть такой толковый Евсей Соломонович со своим складом ума. Так что дело не только в Канторовиче и Зельдовиче, но и в армии таких неизвестных тружеников. В годы перестройки я по службе имел дело с одним криминалистом, он прошел весь путь от рядового оперативника до крупного специалиста по организованной преступности. Каждая мало-мальски солидная банда — рассказывал он — имеет консультанта-еврея. Хоть какого-нибудь пенсионера, плановика или бухгалтера. Любое дело обсуждают с ним, слушают уважительно. Он советует скромно, сослагательно: «Не знаю, не знаю. Я бы сделал вот так...».

И не только эта гибкость еврейского ума нужна как особая нить в ткани российской рациональности. Нужна и ее обратная сторона — логическая жесткость. Талант русского ума поражает и восхищает, но когда речь идет о деле среднего размера, руки от этого таланта опускаются. Только о деле заговоришь, русский ум взмывает ввысь, из среднего дела выклеывается фундаментальное умозаключение, в котором подспудно есть и этика, и красота, и мистика. Когда рядом есть еврей, он загоня-

ет это парение в рамки дисциплины. Он надсмотрщик логики. Неприятно, но необходимо.

Думаю, позволительно вспомнить Ницше. Он, правда, недолюбливал евреев, да зато они его любят, так что цитировать его можно. Ницше, говоря о роли евреев в культуре Запада, объясняет, почему ученые, вышедшие из семьи протестантских священников и учителей, в своем мышлении не доходили до полного рационализма: «Они основательно привыкли к тому, что им верят, — у их отцов это было «ремеслом»! Еврей, напротив, сообразно кругу занятий и прошлому своего народа как раз меньше всего привык к тому, чтобы ему верили: взгляните с этой точки зрения на еврейских ученых — они все возлагают большие надежды на логику, стало быть, на принуждение к согласию посредством доводов; они знают, что с нею они должны победить даже там, где против них налицо расовая и классовая ненависть, где им неохотно верят. Ведь нет ничего демократичнее логики: для нее все на одно лицо, и даже кривые носы она принимает за прямые».

Конечно, и еврейство не приобрело бы его нынешней силы, если бы не росло, «обнявшись с русскими».

Еврейский ум на русской почве
Обрел подобие души...

Ведь не дряблым потомкам французских рантье, растворившимся в гражданском обществе, было дано создать государство Израиль. Это делали выросшие на державности, на духовном хлебе России Моше Даян и Голда Меир. Именно истощения связи с Россией и боятся сионисты того поколения:

Потомок богоизбранных евреев,
Питомец я России мессианской...

Впрочем, признавать это или нет — дело самих евреев, а мы поговорим о себе. Иметь дело с «настоящим противником» непросто и опасно. Если зазеваешься, он может тебя и придушить. Вопрос в том, настолько ли ты ослаб, чтобы желать «освободиться» от противника. Иными словами, сегодня антисемит тот, кто желал бы полного Исхода евреев из России, именно «чтобы и духу их здесь не было», — как молили об Исходе египтяне, радуясь даже тому, что евреи их при этом обобрали. Я этого не желаю, особенно чтобы обобрали.

Я именно хочу, чтобы еврейский дух и ум были в России, продолжали со мной и диалог, и борьбу.

Я не считаю, что мы сегодня настолько ослабли, что при этом диалоге и борьбе не выживем, что мы нуждаемся в стерильных условиях. Не говоря уж о том, что надежды устроить такие стерильные условия через исход евреев — иллюзия. Какая разница, управляют ли Гусинский НТВ, а Сорос финансовыми спекуляциями из своих московских квартир или из Парижа? Но даже не в этой «технической» проблеме дело. Главное — понять, почему же в России нет антисемитизма. А его нет, как ни старайся.

Русские голосуют за еврея Жириновского и еврея Явлинского, а докажи кто-нибудь, что и Лужков еврей — все равно будут за него голосовать. Они радостно хохочут самым диким антирусским шуткам Хазанова: «Во дает!». У Хазанова уже глаза страдающие — ничем не может русских разозлить, ведь это драма для артиста. Да что говорить, русские всего лишь вежливо, но равнодушно выслушивают жалобы наших любимых писателей на русофобию еврейских борзописцев. «Спор о Сионе» и дочитать никто до конца не может, а если и дочти-

тает, то через неделю все забудет — не трогает, все это и так знают. И ведь нет тут никакой апатии, никакой бесчувственности.

Напротив, комментарии, которые слышишь на улице, в очереди, в электричке, удивительно практичны и рассудительны. О телевидении скажут: «Что-то евреи распоясались, совсем чувство меры потеряли». Во время кампании против А.М.Макашова — еще глубокомысленнее: «Чего это они так развопились? Видно, где-то им на хвост наступили». И во всем этом — никакого антисемитизма (может быть, лишь грубость — в зависимости от состава собеседников). Никакого желания «изжить евреев». Только «окоротить» их, если «чувство меры потеряли».

Что за этим стоит? Видимо, неосознанное чувство, что евреи — это порождение самой России. Ее не всегда приятный, но неизбежный и необходимый продукт. Избавиться от него нельзя, да этого глупо и желать. Уедут, допустим, все евреи — завтра они сами зародятся в России, как перешла в иудаизм какая-то деревня в Воронежской области или как русский философ В.С.Соловьев (почти перешел в иудаизм). Таков уж артистизм русских — что где увидят, все у себя порождают, да еще

в преувеличенном виде. Так входят в роль, что переплюнут образец.

Кроме того, Россия — сложная и целостная цивилизация, которая последние два века росла, своими силами покрывая все социальные функции. Раз евреи встроились в эту сложную систему, устранить их уже невозможно. Тут можно привести аналогию с муравьями. В каждом муравейнике в строго заданной пропорции разделяются рабочие и боевые муравьи, у них разные повадки и даже строение тела. Если выловить всех муравьев одного сословия, то через какое-то время оно вновь появляется и достигает той же заданной пропорции.

Евреи и стали в России подобием «сословия», так что когда кто-то мечтает «окоротить» их, речь идет вовсе не о национальном противоречии. Сами же евреи любят говорить о себе, как о «дрожжах». Пусть так, дрожжи нужны. Но ведь нельзя же допускать, чтобы тесто перекисло. Так что антисемитизм — тупиковый путь. Стремиться надо к «экологическому равновесию».

ЕДИНСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ИЗРАИЛЯ

Я, кроме того, знаю, что «противник» не монолитен, и та его часть, что желает или допускает из корысти удушения России,— малая часть евреев. Малая, хотя и влиятельная. Антисемит, который превращает евреев в монолит, есть искренний и бесплатный помощник «душителей». Вспомню В.В.Розанова, который в момент революции так сказал о внутреннем разделении евреев: «Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства, может быть, и думают «в целом руководить потом Россией», то есть бедные жидки, которые и соотечественникам не уступят русского мужика (идеализированного) и ремесленника и вообще (тоже идеализированного) сироту». Так что есть магнаты еврейства — и есть советские «бедные жидки», которые даже своим

магнатам нас не уступят (хотя их, конечно, побавилось со времен Розанова). И разговаривать надо и с теми, и с другими.

Тут, кстати, встает трудная задача — как же назвать это влиятельное меньшинство в еврействе, этих «магнатов»? Как же подчеркнуть при этом, что речь не идет о евреях как народе? Каждая такая попытка вызывает шумную кампанию политиканов — как и сегодня. Ее пугается не только обыватель, но и «системная оппозиция». Она наперебой объясняет всем раввинам и послам, что «осудила высказывания Макашова», косвенно признавая тем самым, что эти высказывания содержат антисемитизм. Но ведь это неверно. А.М.Макашов употребил грубое слово «жиды» именно с целью отделить это меньшинство от евреев как народа. Стыдно должно быть тем образованным политикам и их прислужникам, которые делают вид, будто этого не понимают.

Отвлекусь немного на этот инцидент, пусть это и побочный вопрос. А.М.Макашов, хотя и говорил импульсивно, очень четко очертил объект — именно потому, что он в своем типично советском взгляде чужд антисемитизма. Во-первых, он предупредил, что говорит о «жидах», о меньшинстве «магнатов-душителей», — доба-

вив: «а настоящие евреи с нами». Да и само понятие «жид» имело у А.М.Макашова социальную, а не национальную окраску (можно говорить лишь о национальном оттенке — ввиду этнического состава нынешних «магнатов»). Он говорил: «Основные богатства, созданные трудом всего населения СССР, перетекли в руки жидов-кровососов, из которых четыре пятых — евреи по национальности». То есть, как минимум одна пятая жидов в России, по его мнению, — не евреи.

Во-вторых, в словах А.М.Макашова не было никакой агрессии даже по отношению к «жидам». Он лишь предупредил, что если его и его соратников будут убивать (как убили Рохлина — кстати, говорят, еврея), то они «утянут с собой в могилу» с десятков этих «жидов». По списку, значит, очень немного, «око за око». Тут и речи нет о том, чтобы идти «бить жидов». Речь лишь о том, чтобы «утянуть с собой» жидов, которые тебя придут убивать. Неужели и «убивающего меня» нельзя пальцем тронуть, если он с высокой вероятностью может оказаться евреем?

Наконец, в сумбурной перепалке с провокатором с НТВ Лобковым (надеюсь, что каждый логически мыслящий человек признает, что

Лобков, приставая к Макашову и издеваясь над ним, вел себя как хладнокровный и злорадствующий хулиган-provокатор) А.М.Макашов выразил важную установку. Узнав, что Лобков — русский, он сказал, что бессовестный русский, конечно, хуже честного еврея. Значит, ни в высказываниях (ни, полагаю, в мыслях) А.М.Макашова не было и намек на антисемитизм и «расизм», то есть на утверждение генетического превосходства одной нации над другой. Критерием оценки для А.М.Макашова является не национальность, не кровь, а совесть: честный еврей лучше нечестного русского.

Сравните это, например, с таким афоризмом Арона Гуревича, который в западной прессе отрекомендован как «известный на Западе историк, член Академии наук»: «в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба». Этот афоризм приводит, как авторитетную оценку, виднейший испанский поэт Хосе Агустин Гойтисоло. Арона Гуревича я не читал, но он почему-то считается на Западе главным знатоком истории России — на него ссылаются в своих монографиях самые уважаемые историки. В его афоризме как раз содержится чистый расизм, поскольку отрица-

тельная черта («ментальность раба») приписывается каждому русскому, как некоторое биологически присущее всем русским качество.

Я не для того это привел, чтобы огрызнуться: мол, «сами вы русофобы». Из сравнения, думаю, видно, что взгляды А.М.Макашова и А.Гуревича структурно различны. Те, кто замалчивает это различие — или извиняясь за А.М.Макашова, или «защищая» его контратакой на русофобию, объективно помогают провокаторам.

Вообще, сама возможность устроить шумную кампанию по поводу слова «жид» говорит о прискорбном снижении уровня общественного сознания. Как легко стало подменять важную суть самыми ничтожными мелочами. Ну какое вообще отношение имеет слово «жид» к национализму или расизму? Сами же евреи, ругаясь, обзывают друг друга жидами — они что, антисемиты? Как не стыдно интеллигенции клеветать на такую жеваную приманку?

Во дворе большого дома, где я жил в детстве, верховодил еврей. Он жил в полуподвале, бросил школу и промышлял мотоциклами, был не вполне законопослушен. Нисколько не скрывая и не стесняясь своего еврейства, он

врос в русскую хулиганскую среду. Я с ним общался — двор есть двор, к тому же я с детства увлекался мотоциклом. В нашем доме жил известный медик, родственник С.Я.Маршака. Его арестовали по «делу врачей». Потом он появился и как-то шел мимо нас к подъезду. Наш «атаман» спросил его: «Что, жид, отпустили?» Тот пристально посмотрел на хулигана, ничего не сказал и прошел в подъезд.

Мне было противно, и я спросил: «Почему ты его обозвал? Ведь ты сам еврей». Он выругался и сказал, что одно дело «жиды», а другое «евреи». Тогда я ничего не понял, подумал, что в нем просто говорит злость человека из полуподвала. Сейчас, уже по нынешним книгам, я вижу, что довольно темное «дело врачей» было использовано в еврейской среде для создания сильнейшего психоза (историк М.Гефтер даже считал то дело «пороговым» явлением). Судя по поведению «еврея из низов», далеко не все евреи были довольны этими действиями своих «верхов».

Конечно, евреи сейчас не видят для себя никакой реальной опасности, защитой от которой могла бы быть солидарность с русскими, но ведь плевать в колодец, из которого ты

пил еще вчера,— свинство. А свинство рано или поздно выходит боком. Старые евреи, помнящие войну и немцев, могут представить в своем воображении такую сцену: они убегают от немцев и стучатся в окна чужих домов с просьбой спасти их. Из одного окна выглядывает грубиян Макашов, из другого — сладкоречивый антикоммунист Сванидзе. Как ни крути, а всем ясно, что Макашов спрячет «жида» в своем погребе и, если не повезет, пойдет за него на виселицу. А Сванидзе — целуя еврея и обливаясь слезами — сдаст его в комендатуру (именно такой образ Сванидзе сам себе выстроил на телеэкране).

Кстати, раз уж разговор пошел о фашистах и слове «жид», вспомню еще эпизод из личного опыта. В 1961 г. я лежал в больнице с гепатитом. Хорошее дело — ничего не болит, лежишь и отдыхаешь. Палата была большая, и по очереди кто-то что-то рассказывал. Лежал у нас молодой пожарный, а рядом с ним — технолог с Московского мясокомбината, еврей. Пожарный рассказывал про свою жизнь. Родом он был из белорусской деревни, ее немцы сожгли, а его забрали партизаны. Вышло это, как он выразился, "из-за жидов". Они убегали

из города от немцев, пришли вечером, под дождем. Их спрятали. Соседи сообщили, немцы приехали, расстреляли взрослых и сожгли избу. Из леса в ту же ночь пришли партизаны, расстреляли соседей и сожгли их избу. На-завтра приехали немцы — и так всю деревню погубили «с двух сторон». Технолог слушал с интересом и сделал только замечание: «Нехорошо говорить «жиды», это евреям обидно». Пожарный согласился: "Это я по привычке. Так у нас евреев называли, я вас обидеть не хотел». Вопрос: считают ли евреи этого пожарного антисемитом? Он ведь и сегодня может по привычке это слово сказать.

Вот я и хочу обратиться к тому большинству и еврейских, и русских интеллигентов, которые, тайком ненавидя и боясь «магнатов еврейства» и их лобковых, вдруг оказались вместе с ними, возмущившись словом «жид» у А.М.Макашова. Что же их возмутило? Что не сумел А.М.Макашов ловко и ни для кого не обидно решить проблему различения «магнатов» и остальных евреев? Но разве эта проблема проста?

Здесь я тоже прибегну к сравнению. В издательстве «Наука», самом нашем академическом, вышла в 1994 г. книга «Русская идея и

евреи: роковой спор». На обложке подзаголовок: «Христианство — антисемитизм — национализм». То есть, авторы ставят вопрос фундаментально, дальше некуда. Первый раздел называется «Религиозная судьба России и Израиль» (под Израилем понимается не государство, а еврейство вообще). В этом разделе в качестве духовного противника антисемитизма выступает протоирей Сергей Булгаков, здесь напечатан его труд «Гонения на Израиль (Догматический очерк)», написанный в 1942 г.

Составители этой книги — самые радикальные и непримиримые противники «красно-коричневых», сатанизирующие их примерно так же, как западная пресса сатанизировала сербов во время войны в Боснии. Достаточно сказать, что они всецело на стороне тех, кто расстрелял из танков парламент в 1993 г. А те, кто погибал от танковых снарядов («сторонники путча октября 1993 г.»), для них просто вне закона и морали. То есть, их признание о. Сергия Булгакова противником антисемитизма есть оценка высшая, непререкаемая — оценка фундаменталистов. Засвидетельствовать почтение к Булгакову приходил на посвященные ему конференции даже очень авторитетный среди еврейской интеллигенции Е.З.Майминас.

С.Булгаков, великий русский мыслитель, конечно же, выше антисемитизма. Но он же жил не в вакууме! Как же он решил ту проблему, что встала перед А.М.Макашовым,— с вершины своего знания и своей мудрости, признанных еврейской элитой?

Как он ее решил, видно из его воспоминаний о февральской революции: «Я... знал сердцем, как там, в центре революции, ненавидели именно Царя, как там хотели не конституции, а именно свержения Царя, какие жиды там давали направление». Слово «жиды» выделено самим С.Н.Булгаковым, его он употребляет не раз.

Составители книги «Русская идея и евреи» говорят о русских и о Православии как победители, наступившие на грудь лежащему врагу. Возможно, это объясняет ту смелость, с которой они опубликовали труд С.Н.Булгакова. Дело в том, что С.Н.Булгаков с большой проникновенностью поставил тот самый вопрос, над которым мы бьемся,— о «разделении и единстве» Израиля, о том, что в нем скрыт и жизненно важный корень России, и ее удушение. Ведь если бы «жиды» и «евреи» легко разделялись, то не было бы и трудностей. Спиноза хороший — Шейлок плохой, Маркс

хороший — Троцкий плохой (таким простым разделением соблазняют видные деятели КПРФ А.Фролов в «Советской России» от 17 ноября 1998 г. в статье «Хабиру» и Ю.Белов в статье «Необычная война» от 10 декабря 1998 г.).

С.Н.Булгаков связал самое острое противоречие, которое мы наблюдаем в нашей современной жизни, с религиозной подосновой этой жизни. Тем самым он вывел проблему из ложной формы конфликта крови, расы, национальности (то же сделал А.М.Макашов в приземленных, грубо-житейских выражениях). Если бы С.Н.Булгаков был только религиозным мыслителем, только о. Сергием, труд его был бы чисто богословским. Но он был и общественным деятелем, одним из духовных творцов современности, так что связь религии с земной жизнью в его труде есть для многих из нас наставление. Вчитаемся в большую выдержку из этого труда:

«И самой таинственной стороной из судеб Израиля остается именно его единство. Благодаря ему вина одной лишь его части, его вождей, является судьбой для всего народа, и эта часть говорит от лица своего народа, призывая на себя проклятие христоубийства и христорочества. Но это же единство имеет

для себя и другую, положительную сторону: весь Израиль спасется силою спасения его «святого остатка», хотя до времени этот остаток и сокрыт в Израиле отпадением. Таким он и ныне предстоит пред лицом мира. В теперешнем его состоянии его самосознание выражается в еврейский расизм, национальное идолопоклонство, завистливую пародию на который представляет собой расизм германский...

Образ Израиля в этом состоянии является роковым и страшным. С одной стороны, он является гонимым именно со стороны христианских народов, причем это гонение принимает время от времени жестокие и бурные формы — преследования и ненависти до истребления, таковы еврейские погромы даже до сего дня, а с другой стороны, он сам остается явным или тайным гонителем Христа и христианства, до прямого и лютого преследования его, как в России. Но то и другое есть еще не самая тяжелая сторона в его судьбе. Худшая же заключается в том, что отвергший Христа Израиль вооружается орудием князя мира сего, занимает его престол. Вся неодолимость стихии еврейства, его одаренность и сила, будучи направленными к земному владычеству, выражается в культе золотого тельца, ведомого ему

изначально в качестве ветхозаветного искушения еще у подножия Синая. Власть денег, мамона являются всемирной властью еврейства. Этот неоспоримый факт не противоречит тому, что значительная, даже большая часть еврейства и донныне пребывает в глубокой нищете...»

Вот это единство и разделение Израиля, это упоение «всемирной властью еврейства», особенно в момент, когда «Россия лежит, всеми плюнутая, в грязи», и составляют главную трудность для диалога. Евреи-патриоты России не могут «сдать» Гусинского и потому молчат. Но они же здесь, среди нас.

В советское время обо все этом не говорили — не ворошили. Может быть, это и правильно в таких делах. Сегодня мы идем к разумному диалогу очень трудно. С одной стороны — крик о русском антисемитизме, с другой — попытки соединить национализм с марксизмом. Вот та статья А.Фролова под названием «Хабиру», которую я упомянул выше. Это документ, в котором вся первая часть является откровенно антиеврейской, но пафос второй части — выговор воображаемым русским антисемитам.

Главные установки статьи мне кажутся неверными. Хабиру — значит «пришельцы, чужеземцы, разбойники». А.Фролов утверждает,

что отсюда и произошло само слово «евреи». То есть, уже с заглавия автор берет не спокойный, а агрессивный тон. Куда наносит он удары и каков может быть результат? На мой взгляд, удары наносятся по самосознанию русских как народа; по православию; по русским как антисемитам и «черносотенцам». Кроме того, удар наносится по здравому смыслу. Все это — в оболочке стерильного, лабораторного антисемитизма, который должен привлечь читателя (якобы в душе антисемита). Выпишем содержательные тезисы статьи А.Фролова.

1. Евреи (хабиру) — вненациональная разбойничья корпорация. Сами они не являлись народом. Их история состоит из разбоя, массовых убийств и сексуальных извращений, другого у них не было. Главное для собирания евреев — не чистота крови, не этническое происхождение, а принадлежность к определенной идеологии, иудейскому вероисповеданию.

2. Евреям принадлежит «честь» изобретения геноцида не как средства борьбы за существование, а как особой идеологии. В доисторические времена они проводили крупномасштабный геноцид на практике. Но существует

закон исторического возмездия, который действует объективно и неотвратно.

3. Евреев надо строго отличать от иудеев (израильтитов). Эти — настоящий народ. Сегодня евреи и иудеи смешаны, но ни в коем случае (!) между собой не совпадают. Еврейство включает в себя как иудеев, так и неиудеев, равно как и среди иудеев попадаются евреи.

Спрашивается, как можно их «строго отличать», если главное для собирания евреев — иудейское вероисповедание? Не надо ломать над этим голову, эти странности, вольно или невольно, построены по образцу, который разработан именно для нагнетания антисемитизма в интересах т.н. «сионистов». Реальные современные противоречия в отношениях с евреями никак не связаны ни с историей двухтысячелетней давности, ни с доисторическими преданиями. В чьих интересах мистификация этих реальных противоречий? Никак не в интересах русских, и тем более трудящихся.

Известно, что в России антисемитизма нет, и его сейчас пытаются создать. По тем же образцам, что и на Западе. Статья А.Фролова с его седыми преданиями о «хабиру» — из той же серии. Даже если бы в этом предании был какой-нибудь современный смысл, никакой

практической пользы для политики из него вывести нельзя. Разделить еврейство на иудеев и евреев невозможно, сам А.Фролов никаких критериев не предлагает. Концепция деления еврейства на «евреев» и «иудеев» окончательно запутывается тем, что, по А.Фролову, «Гитлер, Гиммлер и Эйхман — те же самые хабиру». Даже идея Ю.Мухина называть хороших евреев «евреями», а плохих «жидами» более безобидна, чем «хабирология» А.Фролова.

Никакой разумный еврей этой постановки вопроса, думаю, не примет. По сути, вся эта теория А.Фролова, приводящая к подсказанной, как он утверждает, его учителем М.А.Лифшицем идее исторического возмездия, есть провокация против евреев. Предложение снабдить музеи холокоста цитатами из Ветхого завета, напоминающими о жестокости евреев-хабиру, выходит за всякие приемлемые рамки. Результат таких акций известен: сплочение евреев сионистами и навешивание ярлыка антисемитизма на «страну пребывания», здесь — на русских.

Замечу, что то описание «хабиру», которое дает А.Фролов, может быть перенесено и на русских. Русский народ, как и евреи, обладает мессианским религиозным сознанием. Это на-

род-«богоносец», а Россия — богоизбранная земля (святая Русь). Как и «хабиру» в изложении А.Фролова, русские собирались не по чистоте крови, а на духовной основе. Как и «хабиру», русские все время были в пути (по словам Ключева, «Россия — избяной обоз»). Эти три качества, три особенности, у А.Фролова выглядят как свойства, предопределяющие какой-то античеловеческий тип народа. Но ведь это совсем не так. Значит, не в этих особенностях дело.

Вернемся к тезисам статьи А.Фролова.

4. Современный Запад — новая версия евреев-хабиру. Протестанты-пуритане — их двойники-преемники. Учение о предопределенности — точный аналог еврейской идеи богоизбранности.

Все это — немыслимые натяжки. Сказать, что пуритане-это двойники того образа хабиру, что нарисовал А.Фролов (разбойники, убийцы и сексуальные извращенцы), — абсурд. Связь протестантизма с Ветхим заветом известна, но это связь тонкая и сложная. Когда зерно истины раздувается сверх меры, оно превращается в подлог. Идеолог, который взвешивает явления фальшивыми гирями, хочет он того или нет, становится провокатором. Если КПРФ

примет такую трактовку современного Запада, которая вытекает из тезиса А.Фролова, она себя изолирует от большинства здравомыслящих людей и на Западе, и в России.

Вообще, идея Лифшица-Фролова о законности «исторического возмездия» даже за доисторические деяния сразу ведет к логическому выводу: КПРФ несет полную ответственность за невинные жертвы коммунистов, погибшие совсем недавно, в 30-е годы. И почему, если к евреям-хабиру причисляются Гитлер и Гиммлер, нельзя коммунистов ассоциировать с фашистами, как это делает на телевидении какой-нибудь Сванидзе? КПРФ как рациональная, коммунистическая партия отвергает демагогические приемы Сванидзе в принципе, как преступную манипуляцию сознанием, а не потому, что он обижает именно КПРФ. Но ведь подход А.Фролова совершенно аналогичен методу Сванидзе.

Вот еще тезис А.Фролова:

5. Сионизм — явление чисто классовое, лишь замаскированное «маской иудейского национализма». В статье есть даже претензия вскрыть классовые корни сионизма.

Противореча сам себе, А.Фролов одновременно пишет: «Сионизм есть именно наслед-

ник ветхозаветного еврейства, эксплуатирующий в своих целях национальные чувства иудеев. Для него иудейство — лишь инструмент, от которого он легко может в случае надобности отказаться».

Это — нагромождение неверных утверждений. Во-первых, сионизм — радикальный противник «ветхозаветного еврейства» (которое в крайнем виде представлено хасидами, категорическими противниками создания государства Израиль — это государство должно было быть создано вместе с восстановлением Храма лишь по пришествии мессии). Сионизм — модернизаторское течение в еврействе, враждебное традиционной еврейской религиозной общине.

Во-вторых, в терминах классовой борьбы сионизм в основном исторически есть течение социалистическое. Более того, сионистская компартия Поалей Цион настойчиво пыталась вступить в Коминтерн, но была отвергнута потому, что не пожелала отказаться от еврейского национализма. То есть, сионизм — разновидность националистического социализма. Первый этап деятельности сионистов — создание в Палестине кооперативов (кибуцев) коммунистического типа, с полным запретом собственности и даже семейного питания (с

кибуцев в 1929 г. была «срисована» модель колхозов, которая привела к катастрофе на первом этапе коллективизации). Главная сионистская партия — Партия труда Израиля, лидерами которой были виднейшие сионисты (Бен-Гурион, Голда Меир, Ицхак Рабин и др.), с 1951 г. входит в Социалистический интернационал. Эта партия вобрала в себя марксистскую партию Поалей Цион. Из чего же следует, что сионисты — хабиру, а Маркс, наоборот, хороший иудей?

В третьих, из чего видно, что сионизм есть течение чисто социальное, что оно лишь носит маску национализма и в любой момент готово пожертвовать интересами еврейства? Никаких оснований для такого утверждения столетняя история сионизма не дает. Даже ООН квалифицировала сионизм как крайнюю форму национализма. Интересно, А.Фролов и нацизм считает чисто классовым явлением?

Скорее всего, в вопросе о сионизме А.Фролов с какой-то целью дурит читателей. Даже если он это делает с хорошей целью, результатом становится беззащитность одуряченного читателя перед манипуляцией его сознанием.

6. А.Фролов представляет Ветхий Завет как текст, возвеличивающий зверские преступления

ния «хабиру». Тем самым он вступает в неприемлемый конфликт с христианством, для которого Ветхий Завет — священная книга.

В политической демагогии нередко использование мест из Библии как понятных метафор. Иногда невозможно избежать дискуссии на этом поле, но желательно при этом выражать свою неприязнь к такому использованию Библии (особенно если она представлена в плохом свете). Нападение А.Фролова на Ветхий Завет столь же незаконно, как незаконно и антирелигиозно было уподобление СССР «Египту», сделанное главным раввином Москвы, исходя из Талмуда (Каббалы), для оправдания разрушения СССР.

Религиозный текст нельзя трактовать как текст исторический, он весь — иносказание. А.Фролов использует даже числа, приведенные в Библии: «Суммирование числа человеческих жертв, упомянутых в Ветхом Завете, рождает смешанное чувство отвращения и недоверия». Невероятное для коммуниста признание. Надо же, числа из Библии у него «рождают недоверие»! А то, что мир был создан 7 тысяч лет назад, у А.Фролова недоверия не вызывает? Число в религиозном тексте не имеет никакой связи с числом физическим — зачем же дея-

телю КПРФ, которая декларирует уважение к религии, делать такие заявления?

Далее от обличения «хабиру» А.Фролов переходит к борьбе с «черносотенной, фашистской и тому подобной идеологической заразой». Здесь — главный смысловой центр статьи. Сказки про «хабиру» объективно служат приманкой для выполнения той задачи, что в теории манипуляции сознанием называется «захват аудитории». Но об этом поговорим ниже.

В общем, создавать сегодня основу для диалога трудно. Но упускать шанс нельзя, и я выскажу ряд тезисов — хотя бы они и выглядели монологом. Чтобы уйти от ненужной ругани и легких деланных обид, я буду ссылаться только на надежно установленные, признанные видными еврейскими авторитетами факты и данные. Что-то я нахожу сам, что-то почерпну из основательных и кропотливых изысканий В.В.Кожина, который не только проявил в них высокую научную взыскательность, но и действительно имел диалог с видными деятелями современного сионизма.

Понятно, что разговор такого рода не может блистать острым словечком и кому-то покажется занудливым. Но я думаю, что именно такой разговор нам очень нужен.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ?

Начиная диалог с радикальными представителями еврейства, мы должны сначала осмыслить их первые заявления о России. Не будем трогать гротескные фигуры вроде Новодворской. Возьмем сугубо академическое издание — упомянутую книгу «Русская идея и евреи» (1994), выпущенную небывалым для издательства «Наука» тиражом в 15 тыс. экземпляров.

Первое, что бросается в глаза, это как раз уход от всякого диалога. В этой книге все оригинальные работы собраны в раздел «Христианство после Освенцима и ГУЛАГа». Здесь много говорится о Православии, но не дано слова ни одному православному священнику или писателю. Авторы — польский ксендз, еврейский богослов, историк Талмуда (христианин неизвестной конфессии), писательница из

диссидентов и историк западной науки XVI века. Возможно, православных и приглашали, но те, прочитав, что написано их соавторами, отказались. Итак, каковы же главные мысли?

Первая из них в том, что христианство по сути своей есть антисемитизм и юдофобия. Корень зла — в христианстве.

Эта мысль настолько непреклонна, что христианство представлено почти как непосредственная причина Холокоста (уничтожения евреев нацистами). Вот что мы читаем:

«Христианские теологи впервые задумываются над темой «антииудаизм в Новом Завете». Они обнаруживают юдофобский потенциал Нового Завета — потенциал, который сполна реализовался в истории Церкви».

«В евангелии Матфея мы находим... пароль христианского антисемитизма: «Весь народ сказал: пусть кровь Его будет на нас и на детях наших» (27:25). Что же касается евангелия Иоанна, то в нем есть текст, ставший ключевым для христианского варианта идеи жидомасонского заговора».

«Сегодня Освенцим надвигается на нас, как суд над самим христианством... Не будь юдофобии в самом христианстве, Освенцим был бы невозможен в сердце христианской Евро-

пы... Неспособность христиан противостоять нацистской юдофобии была обусловлена юдофобией целого ряда христианских святых, в том числе Иоанна Златоуста, Августина, Фомы Аквинского и Мартина Лютера».

Не будучи религиозным человеком, я все же скажу, что подобная прямая увязка социальных процессов XX века с Новым Заветом или Иоанном Златоустом — невиданная профанация религии. Тем более когда речь идет о Западной Европе, где, как давным-давно сказал Ницше, «Бог умер». Об атрофии «естественного религиозного органа» в среднем человеке буржуазного общества много писали богословы и историки культуры — к чему же обвинять христианство? Европейец давно уже не выводит из него свои политические и социальные идеи.

И потом, почему же христиане Европы виновны, что не пошли на смерть, защищая евреев, если сами евреи не стали защищать ни друг друга, ни даже свои семьи? Ведь нацистам не стоило ни капли крови собрать и уничтожить, как говорят, 6 миллионов евреев. Это было бы невозможно, если бы среди них возникла хоть какая-то воля к сопротивлению. Восстание в Варшавском гетто — единичный

и в масштабах мировой бойни небольшой эпизод.

Более того, Э.Фромм в своей известной книге «Анатомия человеческой деструктивности», подробно цитируя исследование Б.Беттельхайма о поведении разных групп людей в нацистских концлагерях, говорит о том, что именно «аполитичные заключенные из среднего класса (особенно евреи)» вели себя несолидарно и были пособниками СС: «Они принимали все слова и действия СС как совершенно законные и возражали только против того, что они сами стали жертвами; а преследования других они считали вполне справедливыми».

Но все же книга посвящена русской идее. При чем здесь христианство Запада? Отделяющие евреев от христиан постановления Латеранского собора (1215 г.), которые не раз упоминаются в книге, были приняты после полного разрыва Запада с Православием, даже после разграбления Византии крестоносцами. Но по контексту книги выходит, что все равно русские виноваты. А ведь православные христиане и их сыновья дали отпор Гитлеру, спасли значительную часть евреев от Холокоста, освободили Освенцим. Как это ни поразительно, в книге об этом ни слова!

В целом Православие в книге представлено как бы не христианским, почти языческим, национальным (а уж его поддержка российской государственности в советский период трактуется как «сотрудничество с палачами»). Один из авторов пишет: «Я думаю, что наше православное христианство утратило характер Евангелия... Взамен этого оно стало «стержнем русской культуры»... Принеся некогда проповедь Евангелия в жертву национальной идее, Русская православная церковь по-прежнему остается верой нерассуждающих крестьян и людей, чье сознание связано с общинным менталитетом... Не уверен, что РПЦ станет той церковью, которая приблизит русский народ к пониманию христианских ценностей демократии».

Давайте остановимся на этих тезисах. Ведь они составляют идейное ядро классической западной русофобии (понятие о которой авторы книги, видимо, по незнанию, связывают с Шафаревичем). Историк-эмигрант Н.И.Ульянов пишет:

«С давних пор отшлифовался взгляд на сомнительность русского христианства, на варварство и богопротивность его обрядов, на отступничество русских, подлость их натуры, их раболепие и деспотизм, татарщину, азиатчину,

и на последнее место, которое занимает в человеческом роде презренный народ москвитов. На начало 30-х годов XIX в. падает небывалый взрыв русофобии в Европе, растущий с тех пор крещендо до самой эпохи франко-русского союза».

Упреки в том, что Православная церковь (видимо, в отличие от западной) не ведет нас к «ценностям демократии», — вообще поразительный рецидив инфантильного евроцентризма либеральной галерки прошлого века (она, по выражению Н.И.Ульянова, была уверена, что «на Западе и полиция добрее, и церковь прогрессивнее»). Связывать церковь, стоящую на догматах почти двухтысячелетней давности, с современной западной демократией, возникшей пару веков назад, просто глупо. Даже странно — где же здесь хваленая еврейская логика?

Итак, куда ни кинь, везде клин. На Западе христианство истинно, следует Новому Завету и потому оно — антисемитизм. Россия встала против Гитлера, но это потому, что Православие, будучи неистинным, сплотило народ языческой державной идеей, отказавшись от Евангелия. Здесь антисемитизм вытекает из христианства потому, что оно неистинно («национально»).

То есть, в 1994 г. повторяется формула, которой В.Гроссман определил Отечественную войну: «Наше дело было неправое». Что-то во всем этом есть ненормальное. Какой-то болезненный духовный надлом.

Перейдем от христианства к русской идее в ее более широком смысле, к идее России. В упомянутой книге евреи видят мир через призму Холокоста. Ну что ж, через любую призму что-то можно увидеть, надо только честно излагать увиденное. Что же видят авторы, которые претендуют быть выразителями еврейства?

Трудно писать такие вещи, но в общем у них получается, что Холокост — порождение именно России. Если бы я не знал лично и довольно близко некоторых из этих авторов, я бы подумал, что это пишут люди, свихнувшиеся из-за невыносимого, иррационального страха,— как Лютер, которому мерещился черт. Россия, в которую собралось более половины евреев всего мира, гонимых из Западной Европы, теперь объявлена именно главной и практически единственной губительницей евреев!

Такую общую установку дал один из основателей и президент Научно-просветительского центра «Холокост» историк М.Я.Гефтер в сво-

ей книге «Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос» (1995). Звучит она так: «Холокост, взятый в своем философско-историческом и в экзистенциальном объеме,— это русская тема, это русский вопрос».

Итак, хотя евреев уничтожали в 40-х годах XX века немцы, а 3-4 века до этого все другие страны Запада, в «философско-историческом» плане виновна в этом Россия. При этом «дело Бейлиса» 1913 г. и «дело врачей» 1953 г. (оба дела без единой жертвы со стороны евреев) ставятся совершенно на одну доску с уничтожением 6 млн. евреев нацистами. Таковы гири и весы, которыми взвешивает «вину России» еврейская Фемида.

Какова логика «философско-исторических» обвинений Гефтера? На мой взгляд, логики нет никакой, а есть просто, как «установка сверху», утверждение о якобы генетической связи между проявлениями антисемитизма в России и делами нацистов. С точки зрения науки это подлог, поскольку фашизм есть очень необычное порождение Запада и только Запада. Никакой генетической связи с внешне похожими явлениями в России, Индии, Китае и т.д. он не имеет. Вся эта «философская история» — идеология чистой воды. Даже на Запа-

де фашизм был разрывом непрерывности, болезненным припадком, который вовсе не «вытекал» из предыдущих состояний культуры. Известно, что антисемитизм нацистов совершенно не связан с антисемитизмом Веймарской республики. Нет, нам настойчиво предлагают версию закономерности Холокоста, причем исходящей из России. Читаем:

«Историческая судьба евреев, на которую их обрекли христианские народы, в Бабьем Яре просто продолжалась. Гитлеровцы были не первыми, кто устроил массовое уничтожение евреев на Украине. Их предшественником был Богдан Хмельницкий, один из самых страшных злодеев в исторической памяти еврейского народа... Коренное население оккупированных нацистами территорий СССР активно участвовало в уничтожении евреев».

Фразеология этих рассуждений такова, что следующим шагом будет просто изъятие всяких упоминаний о гитлеровцах. Уже сейчас молодой неискушенный читатель может воспринять нацистов как второстепенных и пассивных участников уничтожения евреев в XX веке. Вот что значит исказить меру — вроде бы и не соврал, но белое представил черным. А ведь с такой логикой можно сказать, что «евреи ак-

тивно участвовали в уничтожении евреев» — в гораздо большей степени, чем русские и белорусы.

Недавно в стремлении вбить клин между русскими и евреями пресса раздула совсем уж неприличную кампанию вокруг посредственного фильма Спилберга «Список Шиндлера» (в философском смысле фильм просто убогий). Смысл кампании был в том, чтобы вытеснить из нашей исторической памяти тех советских людей, которые прятали в подполе евреев и шли за это на виселицу (или Василь Быков уже сжег, как партбилет, свои рассказы о таких людях?). Фигурой спасителя сделан не белорусский колхозник, а Шиндлер, сколотивший на труде евреев крупный капитал и живший среди заключенных евреек, как петух в курятнике.

Напор, с которым подавался этот фильм во всем мире, перешел все границы, и в западной прессе было сделано уточнение (на основании книги воспоминаний его жены): Шиндлер был агентом гестапо и все делал в рамках согласованной акции. Так что не он спас сотню евреев, а гестапо. Бежать на Запад ему пришлось от советских войск, ввиду неминуемого наказания за его акции в концлагерях.

Чтобы представить Россию виновницей Холокоста, идеологи вынуждены создавать два почти взаимоисключающих мифа — о глубинном антисемитизме царской России и одновременно о государственном антисемитизме в СССР. То есть, подвести читателя к выводу, что антисемитизм — присущее России сущностное качество. Р.Рывкина в книге «Евреи в постсоветской России: кто они?» (1996) так и пишет: «Антисемитизм в России (речь идет об антисемитизме политических группировок) инвариантен всем ее политическим режимам: он сохраняется независимо от того, какая именно власть устанавливается в стране».

Вновь откроем книгу «Русская идея и евреи». Здесь такая связь времен: «В недра мира было брошено семя злодейства. Ненависть к евреям, нарастающая в предреволюционной России, подожгла Германию, а затем и Россию. Мир — единое целое. Россия заплатила за жажду расправы над евреями ГУЛАГом».

Итак, именно в России — семя зла, Россия «подожгла Германию». И вывод: ГУЛАГ — справедливое наказание России. Поскольку «жажда расправы над евреями» якобы вечно присуща России (инвариантна), то какое сле-

дующее, после ГУЛАГа, наказание нам готовится? Ведь этот вопрос просто напрашивается.

Вот образ русских в книге: «Из недр «христианнейшего» народа слышится только: «Ж-ж-ид прок-ля-тый!..». Этот «Ж-ж-ид прок-ля-тый!» взят у В.В.Розанова, но это ложь. Никогда он не говорил, что «из недр» слышится только это. Это исходило из очень немногих уст в момент слома всей жизни. Зачем же врать так банально?

Странная, кстати, логика: слово «христианнейший» взято в издевательские кавычки, но ведь чуть выше доказывалось, что корень антисемитизма как раз в христианстве. Впрочем, с логикой неважно во всей книге в целом, цель ее — загипнотизировать читателя, а не пробудить. Интереснее другое: своим тоталитарным обвинением авторы книги заявляют, что они исторгли себя из «недр» русского народа, противопоставили себя ему полностью и непримиримо. Услышь их юдофил В.С.Соловьев, он бы, я думаю, замахал на своих последователей руками: «Чур! Чур меня!».

Приписывать большому народу (на деле — множеству народов России) и большой культуре инвариантную, генетическую склонность к злодейству, «жажду расправы» — значит выхо-

дить не только за рамки науки, но и вообще рационального мышления. Это как раз и есть расизм, но даже расизм всегда пытается как-то объяснить истоки вражды. Здесь же во всей книге нет никаких попыток найти возможные причины предполагаемого патологического антисемитизма русских. С точки зрения обоснованности и даже просто добросовестности у нынешних идеологов антирусского еврейства произошел потрясающий откат по сравнению с еврейскими историками и деятелями сионизма первой половины века.

Снова подчеркну, что я выбрал не хлесткие газетные слова. Это мысли, изложенные в академическом издании и отражающие весь контекст книги. А ведь она претендует на отражение диалога («рокового спора»). Какой там диалог! Я прочел ее несколько раз и не нашел следа противоположной точки зрения, хотя бы в изложении. Светлым пятном в России представлены лишь «свеча Б.Пастернака, светившая и в этой ночи, отщепенство и дезертирство со всех фронтов Юрия Живаго». Чтобы заслужить одобрение, надо быть отщепенцем русского народа и «дезертиром со всех фронтов».

Даже оговорка о том, что «свое слово миру Россия сказала своей литературой», противоречит всему контексту, поскольку, выходит, эта литература в самой России была услышана и понята лишь отщепенцами:

«Сын еврейского коммерсанта из Киева, автор «Апофеоза беспочвенности», философ библейского экзистенциализма Лев Шестов как никто другой усвоил философский смысл хранимого русской литературой опыта... Кто, кроме еврея, «филолога» милостью и заповедью Божией, может испытывать всепоглощающую любовь к русскому слову, русской речи и литературе?».

Это какая-то фантасмагория. Иной раз думаешь, нет ли тут скрытого издевательства над евреями. Когда читаешь всех этих почитателей Льва Шестова и Спинозы «в одном пакете», удивляет их неспособность взглянуть на свои тексты со стороны. Как будто их подмывает сказать нечто противоположное здравому смыслу.

Кстати, благосклонное упоминание о русской литературе (как будто она «вырвалась» не из тех же недр) — не более чем прием «доброго следователя». Тут же в элитарном академическом журнале «Общественные науки и совре-

менность» некто Аб Мише, взяв Гоголя в качестве всемирного эталона антисемитизма, пишет: «Гоголь бессмертен. И вездесущ. Глаголом антисемитским жегшие сердца людей, вот они, гоголи, каждому народу свои», — и перечисляет главных гоголей разных народов, в том числе: «в России — вождь декабризма Пестель, ничтожный Булгарин и великий Пушкин, Достоевский, И.Аксаков»... и т.д. Так что и русская литература по указу Аб Мише должна нашить себе звезду антисемита.

И главное, ненависть направлена не на какой-то неверный образ России, в ней нет ошибки. Если выписать все выдвинутые в книге обвинения в адрес русских и очистить их от злобных оценок, отражающих темперамент и воспитание авторов, то видно, что суть подмечена верно. Ядро России, русские, соединены державным мышлением и общинным духом (это называется «тоталитаризм» — в качестве ругательства). Отсюда — несовместимость с индивидуализмом и демократией западного типа, трудности в создании гражданского общества. Все так. Это вы и ненавидите? Но ведь эти свойства в гораздо большей степени, нежели русским, присущи самим евреям! Вид-

нейшие авторитеты еврейства даже называют евреев не народом, а семьей.

Да это и очевидно: впусти евреи в свою среду разъединяющую силу демократии и гражданского общества, они бы растворились в больших нациях без следа. Весь механизм соединения евреев тысячелетними традициями и праздниками, ритуалами и запретами (даже в пище) охраняется самым тщательным образом. До недавнего времени этот механизм доходил именно до крайнего тоталитаризма (это у меня не ругательство). Виднейший деятель сионизма В.Е.Жаботинский писал в 1936 г.: «Я тут разочарую наивного читателя, который всегда верил, что в гетто нас силой запер какой-то злой папа или злой курфюрст... Гетто образовали мы сами, добровольно, по той же причине, почему европейцы в Шанхае селятся в отдельном квартале».

В.В.Розанов как раз в тех своих записках, где он идеализирует евреев, представляет еврейский кагал высшим образцом общинной жизни, доходит до его апологетики: «Естественное качество кагала — не давать отделяться от себя, вражда к тому, кто отделился (судьба Спинозы в Амстердаме и «херема» над ним)... Херем и был совершенно справедлив, потому

что «община» важнее личности, пусть даже эта личность будет Сократ или Спиноза... Но и вообще и в частности, без отношения к Христу и отношения к евреям, — «кагал» есть естественно-социальная форма жизни всех людей».

Другое дело, что вне своей среды евреи в Новое время были разъединяющей, рыночной (и демократизирующей, то есть выступающей против и аристократии, и крестьянства — «общины») силой, что и вызывало упреки, конфликты и катастрофы, подобные изгнанию из Испании. Но это — особая большая проблема, которой авторы книги, возможно, и понять не могут. Как раз из-за своей ненависти к общине.

Противопоставляя евреев «русской идее», эти авторы умалчивают о том показательном факте, что евреи вовлечены даже в русскую общинность сильнее русских (самый русский пьяница в пивной — еврей). Даже в российскую державность вовлечены. Причем не ассимилируясь с русскими, а именно в силу своего еврейства:

Вечно и нисколько не старея,
Всюду и в любое время года
Длится, где сойдутся два еврея,
Спор о судьбах русского народа.

Вот эта глухота радикальных интеллектуалов еврейства к важным чертам и России, и российских евреев, прискорбна. Это даже нельзя назвать тенденциозностью, от этого веет ненавистью, желанием разрыва, войны, мщения. Разрыва не только с Россией, но и внутри самого еврейства. Не об авторах, которые уже стали винтиками в идеологической машине травли граждан России, я говорю. Прискорбно, что никто из евреев их не остановит и даже не бросит им слова упрека. С кем же вести диалог?

Но пытаться вести его надо.

РАЗЖИГАНИЕ АНТИСЕМИТИЗМА КАК ВСЕМИРНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА

Та «охота на антисемитов», которая разыгралась на наших глазах, была бы невозможна, если бы ее режиссеров попыталась урезонить существенная часть еврейства. Следовательно, для этой кампании имелась подготовленная почва. Почва эта готовилась не только в России. По каким-то, не вполне ясным причинам, за последнее десятилетие на самом Западе наблюдается активная «кампания против антисемитизма». Проводится она таким образом, что начинаешь подозревать: цель ее — как раз искусственное оживление угасшего было антисемитизма в США и Европе.

Ряд еврейских ученых на Западе, которые считают, что разжигание антисемитизма наносит вред самому государству Израиль, указывают на две стороны этой кампании. Во-первых, она

исходит из принципа «лучшая защита — нападение» и имеет целью прикрыть расизм израильтян по отношению к арабам. Раздув кампанию против антисемитизма, удастся запугать каждого, кто попытается критиковать любые слова или дела евреев на Ближнем Востоке (в принципе, это может оказаться полезным и в других местах). Во-вторых, само понятие «антисемитизм» превращается в чисто идеологическое, из него устраняется всякое национальное содержание.

В 1973 г. министр иностранных дел Израиля Абба Эбан заявил следующее: «Одна из главных задач любого диалога с цивилизованным миром состоит в том, чтобы доказать, что между антисемитизмом и антисионизмом нет абсолютно никакой разницы». Но сионизм (и, следовательно, антисионизм) — идеология, ему следует меньшинство евреев в мире. Таким образом, и антисемитизм в этой новой трактовке полностью выводится из сферы национальных отношений, объектом его становятся не евреи, а сионисты, приверженцы определенной идеологии (говорят о «выхолащивании понятия антисемитизм»).

В начале 80-х годов были сделаны шаги к тому, чтобы расширить слишком узкие идеоло-

гические рамки понятия антисемитизма, сделать его пригодным для любых политических целей. В США даже ввели туманное понятие «реальный антисемитизм» (возможно, помощники Брежнева уже тогда подрабатывали на двух хозяев). Есть в США Лига против диффамации (учрежденная еврейской организацией «Бнай Брит», эта Лига считается в США «главным официальным надзирателем за антисемитизмом»). Ее директор Натан Перламутр в 1982 г. выпустил книгу «Реальный антисемитизм в США», где растолковывает новое понятие, признавая, что старый, обычный антисемитизм сник. Что же понимается под новым? Все, что не нравится правящим кругам Израиля и США. Перламутр поясняет это на доходчивых примерах: так, антисемитами в США являются «пацифисты эпохи войны во Вьетнаме, которые перековали мечи на орала и защищают палестинских террористов», те, кто «осуждает политику США в Центральной Америке и требует сокращения военных расходов» и т.п.

Лига не только проводила прямые кампании против либеральных деятелей, приклеивая им ярлык антисемитов, но и распространила среди еврейской верхушки университетов США черный список профессоров, которых она по-

считала антисемитами. Хотя список был с пометкой «конфиденциально», он попал в печать, и большое число умеренных еврейских интеллигентов и их ассоциаций выступили с протестом. Но это в США, в России таковых интеллигентов не нашлось бы.

К чему это привело? К такому парадоксальному положению, когда значительная часть евреев в США и Европе (и даже многие известные сионисты) явно подпадают под категорию антисемитов. Это щекотливое затруднение «магнаты еврейства» преодолели, введя понятие «самоненавистничество». Есть, мол, такие чокнутые евреи, которые ненавидят свое еврейство. Но это, согласитесь, неубедительно.

Второй результат столь же парадоксален — из числа «реальных антисемитов» официально исключены как раз те открыто неофашистские и юдофобские организации, примыкающие к республиканской партии, которые поддерживают политику Израиля в Палестине. Небольшой скандал случился в августе 1988 г., когда в предвыборной кампании Дж.Буш принял поддержку неофашистов, встречался с ними и включил их в свой штаб на высоком уровне. Наивные евреи подняли шум, но лидеры еврейских организаций объяснили им, что «анти-

семитизм этих неофашистов устаревший и анемичный». А настоящая «ненависть к еврею» кроется в демократической партии и особенно среди сторонников кандидата-негра Джексона. Хотя там обычного антисемитизма не видно, но это и есть «реальный антисемитизм». Читая все эти истории, диву даешься. Безумный, безумный, безумный мир. И в него-то нас и тащат.

В общем, усилиями «магнатов» пугало антисемитизма сделали в США мощным политическим оружием. Насколько велик страх перед ним, видно во время президентских выборов. Как сообщил «Уолл-стрит джорнел», Мондейл «из страха обидеть американских евреев» отправил обратно пожертвование, которое прислала на его кампанию одна американка — просто потому, что имела фамилию арабского происхождения. А затем все списки жертвователей были проверены, и возвращены все взносы от лиц с арабскими фамилиями.

Но чтобы эффективно использовать антисемитизм, необходимо, чтобы он все-таки теплился. Его оживление достигается простым способом — от противного. Поднимают нарочитую, раздутую до невероятных размеров кампанию против антисемитизма. И массы

людей, которые о нем и не думали, вдруг погружаются в эту проблему. Они не понимают замыслов этой всемирной кампании, а непонимание рождает неосознанный страх: «Что за всем этим кроется?». А страх (фобия) рождает и злость.

Обвинение в антисемитизме смогло стать политической дубинкой именно потому, что смысл его сделали неуловимым — и наложили строжайшее табу на выяснение смысла. Поэтому обвинение в антисемитизме годится на все случаи, а сегодня прямо увязано с демократией и поднято на немыслимый уровень. Один из главных экспертов по русскому антисемитизму Д.Фурман задает формулу: «Разумеется, нельзя отрицать ни громадного вклада евреев в демократическое развитие всего мира и России, ни глубокой взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой с антисемитизмом». Как раньше классовая борьба, теперь борьба с антисемитами будет главным двигателем и содержанием истории человечества.

Этот странный крестовый поход создал очень широкий фронт и вовлекает все новые и новые группы людей. Вот в испанской газете статья: «Значит, и Альфонсо X — антисемит?». О чем речь? В кафедральном соборе Вашинг-

тона состоялся большой концерт испанских религиозных песнопений XII века. Тогда королем Кастилии был Альфонсо «Мудрый», это было время удивительной веротерпимости между христианами, мусульманами и иудеями. Концерт состоял из песнопений всех трех религий. В одной из песен говорилось, как еврей убил ребенка и закопал у себя в погребке и как народ совершил над ним самосуд.

«Лига против диффамации» обвинила организатора концерта (тоже еврея) в том, что он «стимулирует ненависть к евреям и насилие против них». Каково ему было получить такой упрек! Он начал доказывать, что все-таки это песни XII века, что они не решились накладывать цензуру на такую старую вещь и заменять, как предлагалось, слово «еврей» на «еретик», что подобные же обвинения есть в других песнях — против христиан и мавров. Куда там! Требуется именно цензура — на всю историю человечества и на религии.

Обвинения в антисемитизме Евангелия, о которых уже говорилось, тоже не доморощенный плод наших философов. Недавно в США начали переходить на новый, «политически правильный» перевод Библии, из которой исключено упоминание о том, что Христос был

распят иудеями. Был, мол, распят, а кем и почему — неважно. Ну что священного остается в тексте после такой пошлой и конъюнктурной политической цензуры? И ведь действия в этой сфере — целая программа.

Другая группа литераторов и богословов в США переписывает Библию так, чтобы она звучала по-английски так же, как на древнееврейском, с той же музыкой и ритмом. В результате все имена в Ветхом и Новом Заветах звучат совершенно иначе, чем привыкли христиане, и понять ничего не возможно. Руководитель этой работы говорит, что тем самым выполняется завет еврейского философа Мартина Бубера, который сказал в 1962 г.: «Люди должны читать Библию так, будто никогда в жизни ее не видели». То есть, христиане и вообще все культурные люди должны прервать духовную традицию, насчитывающую почти два тысячелетия,— начать с чистого листа.

Новая версия Пятикнижия Моисея была представлена 18 декабря 1995 г. в кафедральном соборе Нью-Йорка. Читали ее под музыку Гершвина и Генделя виднейшие поэты и артисты. Раввины одобрили: «Если бы Бог на Синае говорил по-английски, то звучало бы именно так». Видимо, речь идет о действи-

тельно великолепной литературной работе, но ведь в «Нью-Йорк Таймс» уже раздаются голоса, что именно эта элитарная версия Библии должна стать обязательным текстом в преподавании религии в США.

Каждый разумный и чуткий человек — за диалог культур, за их взаимное обогащение. Но тот напор, с которым сегодня вколачивают еврейское начало во все сферы общественной жизни, ничего хорошего не сулит. Особенно тревожит то, что еврейские деятели культуры, философы и историки, среди которых мы знаем и уважаем много умных и проницательных людей, молчат. Как воды в рот набрали! И молчат они вовсе не в нейтральной обстановке, а под демонстративное бряцание оружием авторитетных еврейских лидеров. Что значит в этих условиях молчание?

В политике кампания приобрела еще более радикальный характер. Года два назад министры внутренних дел и юстиции объединенной Европы установили, что уголовное право будет квалифицировать как преступление факт отрицания «холокоста» — массового уничтожения евреев нацистами. Это — огромный, принципиальный поворот во всех представлениях о правовом обществе и гражданских правах. Не

менее важный, нежели разрыв гражданского права с религией на заре Нового времени.

Ведь теперь впервые с тех пор уголовным преступлением становится не деяние и даже не высказывание против евреев, а всего лишь мнение относительно достоверности некоторого исторического события. Это — нечто совершенно неведомое в светской юриспруденции. Такое бывает лишь в теократическом праве, которое преследует за неверие. Ведь те потенциальные преступники, которые сомневаются в достоверности сведений о Холокосте, свидетелями его не были. Речь идет лишь о том, верят ли они или не верят тем сведениям, которые получают от историков и идеологов через книги, газеты и кино. И те, кто не верит,— теперь уголовный преступник.

Сразу возникает вопрос: зачем? Разве отрицание Холокоста стало значительным социальным явлением, которое требуется подавить силой уголовного права? Вовсе нет. Есть отдельные, совершенно ничтожные группки «классических неонацистов», существующие, наверное, на субсидии спецслужб,— но и они не отрицают Холокоста. В западной прессе я не встречал «отрицания» ни разу, совсем наоборот, редкий номер газеты обходится без на-

поминания. Однажды, в 1989 г., был инцидент на ТВ Парижа — как раз устроили дебаты по этому вопросу, и один журналист «отрицал». На него набросились коллеги-евреи и стали картинно бить его перед телекамерами. А ведущий заламывал руки, совсем как Любимов при драке Немцова с Жириновским. Но та сцена явно была подстроена ради сенсации. Зачем же вводить в законы норму, направленную против несуществующей социальной угрозы? Так не делают, если не хотят искусственно создать очаг напряженности и конфликтов вокруг проблемы — превратить ее из воображаемой в реальную.

Может, нам просто непонятна небывалая чувствительность евреев ко всему, что связано с Холокостом? Но вот телезрители, наблюдавшие сцену избиения «отрицавшего» Холокост журналиста, раскрывают газету и читают смачно изложенные перипетии большого скандала в Израиле — такого большого, что обсуждался в кнессете. Некий предприниматель Моше Яхлом объявил о продаже на аукционе в Тель-Авиве запасов мыла, изготовленного в немецких концлагерях из жира евреев. Начальную цену поставил по 200 долларов за кусок.

Поднялся шум — нет ли тут обмана? Эксперты засомневались: из того ли жира сделано мыло? Люди отдадут такие деньги — а если не из еврейского? Кончилось тем, что хозяин аукциона отменил распродажу. Но ведь никто не привлек жадного Моше Яхолома к уголовной ответственности. Почему же здесь деяние, которое можно считать профанацией памяти о Холокосте, вызывающее омерзение даже у посторонних людей, осуждается несравненно мягче, чем всего-навсего неверное мнение какого-нибудь малообразованного юнца в Финляндии, который сомневается в истории об уничтожении евреев нацистами?

И ведь эта кампания против антисемитизма идет не на уровне культуры, она воплощается в реальную политическую практику. Мне, например, несимпатичен Лех Валенса, но у меня остался неприятный осадок, когда его демонстративно вычеркнули из списка приглашенных в Берлин по случаю 50-летия со дня окончания Второй мировой войны — за два дня до торжеств! Ведь Польша была первой жертвой войны и нацией-героем сопротивления. И президенту Польши Германия отказала в приглашении за «антисемитизм» произнесенной накануне в Варшаве речи. В чем же выразился

антисемитизм? В том, что Валенса упомянул о страданиях евреев в общем списке, наряду с поляками. Эти отрывки его речи потом перепечатывались в западных газетах, и комментаторы спорили, можно ли это считать антисемитизмом. Эксперты сомневались, а политики действовали.

Но ведь полякам тоже нацистами был объявлен геноцид. Само понятие геноцид было предложено в 1944 г. именно применительно к уничтожению поляков, а не евреев. Вот слова Гитлера в августе 1939 г.: «Я отдал приказ моим Отрядам Смерти умертвить без жалости всех женщин, мужчин и детей польской расы. Только так мы можем приобрести жизненное пространство, в котором нуждаемся». И из поляков погиб каждый четвертый (как и среди белорусов) — больше, чем погибло евреев. Почему же помянуть поляков наравне с евреями в речи президента Польши — немыслимое преступление? Ведь послать отказ уже приглашенному президенту суверенной страны — беспрецедентное в дипломатии событие.

После горбачевской перестройки в культурологию на Западе вошло понятие «общество спектакля». Еще говорят «эпоха Тимишоары» — самый необычный спектакль, актерами которого

был сделан целый народ, разыграли в Румынии в виде самосвержения режима Чаушеску. Нынешняя всемирная кампания по оживлению антисемитизма — часть большого спектакля. По многим репликам, жестам, мимике видно, что ставят этот спектакль люди недобрые, отягощенные темными комплексами и страстями. Ничего хорошего он человечеству не принесет. Как бы не пришлось потом сказать всем нам, как В.В.Розанов:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историєю железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось».

ПЕРВЫЙ МИФ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ РОССИИ

Несомненно, что искусственное раздувание проблемы антисемитизма почему-то стало важной частью всего поворота к Новому мировому порядку. Книга «Русская идея и евреи», о которой уже шла речь, — продукт идеологический, труд специалистов, как раз готовящих такие кампании в России. Нам же надо подойти к вопросу с другой стороны, найти более искреннее, более эмоциональное выражение общественного сознания евреев. Важным источником для этого может служить изданная в 1996 г. антология «Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии».

В этой антологии представлены 101 еврейский поэт из России, Израиля и зарубежья — 444 стихотворения, говорящих об отношении

евреев к России. Можно считать их в совокупности поэтическим выражением взглядов основной массы евреев. Не представлено в стихах то меньшинство, которое я в первой статье условно назвал «душителями» России. Возможно, их взгляды отражены в других книгах и других стихах, которых я не читал. Но в этой книге я узнаю тех евреев, с которыми приходилось общаться в жизни среднего, нормального советского человека.

Главный мотив собрания этой массы искренних, «политически сомнительных» (с точки зрения правоверного сионизма) стихов — любовь к России, неразрывная с ней связь — и невозможность взаимопонимания:

Что тебе рассказать, если там родилась,
где меня не признали своею,
но с безумной страной безумная связь —
где бы я ни была и куда б ни рвалась,
хоть язык оторвись, хоть глаза повылазь —
так крепка, как удавка на шее!

Это чувство сложно, нет возможности говорить о нем в краткой статье. Я только затрону одну его сторону — страх еврея перед антисемитизмом и обиду за обвинение в русофобии.

Изложил Шафаревич,
Куняев пристукнул печать —
Про меня, русофобку,
вердикт повсеместно размножен.

Здесь сразу возникает нестыковка понятий, которая присуща всему еврейскому монологу с русским. Шафаревич говорит о явлении русофобии, а Сарра Погреб — о том, что якобы ее лично обозвали русофобкой. Наверняка Шафаревич о ней и не думал, но главное — невозможно допытаться у нее, отрицает ли она своей личной обидой само существование русофобии влиятельных еврейских кругов? Не ответит ни да, ни нет. Заметим, что во всех 444 стихотворениях нет ни единого слова, ни намек на признание или отрицание тезиса Шафаревича по существу. Простое замалчивание. А книга называется «Евреи и Россия». И такая подмена предмета спора, перевод его с проблемы явления на личную судьбу отдельного еврея — общий принцип: он применяется и на уровне собутыльников — и в академических изданиях.

Взять хотя бы такой навязший в зубах вопрос, как смысл «Протоколов сионских мудрецов». В книге «Русская идея и евреи» они упо-

минаются не раз, иногда подробно. Сообщается, что их состряпал сотрудник царской охраны в Париже Рачковский, который «украл 70% текста у французского писателя Мориса Жоли». Но разве в этом дело? Ведь суть не в том, кто написал текст, речь же не о художественном произведении. Спор идет о том, соответствует ли изложенное в тексте тому, что наблюдается сегодня в общественно-политической реальности. Есть много произведений, в которых зашифрована крупная концепция переустройства общества, но неизвестно, являются ли они предписанием к действию или предупреждением (таков, например, важный фильм К.Шахназарова «Город Зеро», 1989 г.). Зачем же притворяться наивными и сводить дело к спору о происхождении текста?

Вообще назойливое упоминание «Протоколов» чуть ли в каждом тексте, направленном против «антисемитизма», наводит на мысль, что целью этих упоминаний как раз и является разжигание антисемитизма, манипуляция сознанием людей, которые к этим «Протоколам» относились равнодушно. Ведь никаких тайн они русским людям не открывают. Напоминают о них затем, чтобы внедрить мысль, будто все в мире происходит по «еврейскому плану», все

ими уже «схвачено». Это блеф, который должен вызвать у людей чувство бессильной ярости. Ярость не страшна — в худшем случае новый Осташвили разобьет еще пару очков. Главное, что эта ярость должна быть бессильной.

Кстати, и сам метод переключения спора на вопрос о происхождении «Протоколов» так примитивен, что трудно поверить в искренность авторов. Это игра в поддавки. Допустим, исходный текст впервые опубликовал некто Морис Жоли. Кто он такой и где он этот текст взял — вот в чем вопрос. Ведь отдельные фрагменты этого текста присутствуют в заявлениях самих идеологов сионизма. Так, В.Е.Жаботинский в 1909 г. бросает фразу: «передовые газеты, содержимые на еврейские деньги и переполненные сотрудниками-евреями...» и т.д. Это же один из важнейших тезисов «Протоколов».

Кстати, к моему удивлению, на Западе «Протоколы» известны шире, чем в России. У нас даже те, кто их читал, с трудом могут вспомнить содержание, а для среднего западного интеллигента они стали как бы признанными нормами поведения. В 1991 г. я был в Испании и 13 апреля увидел по телевидению

большое обозрение о жизни евреев в СССР. Тогда для меня, еще не обученного «реформой», эта передача показалось бессмысленной подрывной акцией. Видные евреи, дающие интервью западным корреспондентам в СССР, заявляют, что они отказываются от концепции «двойного патриотизма» — исключают компонент «патриотизма к СССР». Дальше — больше. Группа евреев из Узбекистана, просящих визы в США, объясняет это тем, что в Ферганской области Узбекистана прокатилась волна еврейских погромов, в которых людей сжигали заживо. (Для тех, кто забыл, напомним: сжигали бандиты турок-месхетинцев и русских солдат, о евреях вообще речи не было).

Я написал письмо на телевидение и в главную газету Испании, в том смысле, что подобные передачи как раз и разжигают антисемитизм. Мол, зачем? На всякий случай показал одному видному социал-демократу местного масштаба. Он сказал: «Все правильно, но посылать не следует». Почему? — спросил я. Он удивился: «Как почему? Все газеты контролируются евреями. Зачем же их раздражать?». Я еще был наивен: «Разве и в Испании? У вас же евреев почти нет». Он посмотрел на меня, как на ребенка: «На Западе вся пресса и телеви-

дение представляют собой большую транснациональную корпорацию. Ты что, «Протоколы сионских мудрецов» не читал?».

Но оставим методологические споры о текстах, вернемся к вопросу о страхе перед антисемитизмом. Каюсь, я только из книги еврейских стихов вник в этот страх и понял ту мысль, которую раньше критиковал. Мысль о том, что реально антисемитизма в России нет, а страх перед ним велик — и значит, антисемитизм реален. Философ Д.Фурман пишет: «Какого-то массового антисемитизма опросы не фиксируют (здесь наши данные совпадают с данными других аналогичных опросов), и еврейский погром представляется менее реальным, чем какой-нибудь «кавказский». Но одно дело — реальность угрозы погрома или дискриминации и совсем иное дело — восприятие этой угрозы».

Примерно то же пишет и Р.Рывкина в книге «Евреи в постсоветской России» о страхе евреев перед погромами сегодня: «Данные опроса — это показатель состояния умов, настроения людей. Поэтому проверить истинность здесь невозможно. Более того, если опрошенные и преувеличивают опасность их положения, то важно не расхождение их настроения с реаль-

ными масштабами антиеврейских акций (которых никто не знает, никто не считал), а другое: чрезвычайно тревожное состояние их самих. Ибо это настроение и есть та реальность, которая изучается в опросе. И, как выяснилось, это настроение чрезвычайно тревожное, если не сказать паническое».

О роли социологов и философов мы поговорим особо, а сейчас о самом страхе. Итак, страх есть, причем почти панический, и источник его не какие-то хулиганы, экстремисты («баркашовцы»), а сама Россия:

Ведь жаждет погрома не горсточка сброда,
А родины-мачехи грозная рать.

Как известно, бывает страх рациональный — соответствующий угрозе. Он помогает человеку выбрать правильное поведение. И есть страх иррациональный, который в восприятии человека резко искажает реальность. Он сам становится угрозой для человека и толкает его на неверные, порой губительные установки и действия. Особую силу приобретает иррациональный страх, когда овладевает коллективами людей. Личные страхи при этом усиливают друг друга, входят в резонанс, создают цеп-

ную реакцию, ведущую к панике, а иногда к социальной катастрофе.

Сами еврейские ученые признают, что страх евреев перед погромами не соответствует реальной угрозе. Это страх иррациональный. Насколько я могу судить по моим собственным впечатлениям, русский человек, этим страхом не затронутый, его не понимает и даже не замечает. Он оценивает угрозы адекватно и знает, что сегодня в России евреи, в общем, защищены от опасностей гораздо лучше, чем русские, татары, чукчи и т.д. Отсюда недоумение: чего же они бьются в истерике? Русский человек считает эту истерику неискренней и видит в ней какой-то глумливый хитрый замысел.

Сейчас я думаю, что тут есть большое непонимание и общественная проблема. Если поверить всей совокупности еврейских стихов, то выходит, мы жили бок о бок с народом, в культуре которого был заложен сильный, достигающий до мании страх. Он был глубинным мотивом непонятных нам обид, странностей и поступков. С нами жил народ с душевной травмой, к которой мы отнеслись, я считаю, невнимательно.

Травма эта, отложившаяся в исторической памяти, была нанесена не в России, а на За-

паде — рыцарством, которого в православной России и возникнуть не могло. В первом крестовом походе были разграблены еврейские общины на Рейне и Дунае, во втором — во Франции, в третьем — в Англии. Затем, в процессе становления финансового капитала, евреи были изгнаны из Англии (1290), из Франции (1394), из Италии и Германии и, наконец, из Испании (1492). При этом происходили погромы, в которых было уничтожено около 40% евреев всего мира. Бежали евреи в славянские земли, и в XIX веке более половины их оказались жителями России.

Почему же получилось, что страх перед погромами обращен на Россию? Ведь на ее земле никогда не было ничего даже отдаленно напоминающего погромы в Севилье или «Хрустальную ночь» в Берлине. Нам малодоступны труды еврейских и западных исследователей погромов, но их собрал, обобщил и в краткой форме изложил в ряде своих книг В.В.Кожин. Как возник миф о погромах в России и почему в иностранные языки вошло русское слово «pogrom»?

Я приведу такую аналогию. Есть в биологии явление — анафилаксия. Некоторые вещества, попав в организм, вызывают у него помимо

краткосрочного заболевания (аллергии), повышенную чувствительность к этим веществам. Организм хранит память о них, иногда всю жизнь. И если когда-то даже ничтожное, для других безопасное количество этого вещества вновь попадает в организм, происходит бурная, совершенно неадекватная реакция — анафилактический шок. Это — не защитная реакция иммунитета. Это «паника», которая потрясает организм и нередко является причиной его гибели. Я видел такой случай, это неописуемое зрелище.

Даже при «малых дозах погрома» евреи России испытывали анафилактический шок, который поддерживался средствами идеологии. От дозы его тяжесть мало зависела. Как это ни абсурдно, «дело врачей» вызвало потрясение, сравнимое с потрясением от Холокоста. Для русского это трудно принять за чистую монету, это выглядит каким-то дьявольским издевательством. Но это, видимо, искренне. Что же делать?

Я, например, признавая мой грех бесчувственности, в то же время обвиняю еврейских ученых — и Фурмана, и Рывкину, и многих других. Они, давно поняв иррациональную природу этого страха, обязаны были сделать усилие,

чтобы перевести его в сферу разумного, в сферу здравого смысла — и затем его лечить. Вместо этого они лелеяли этот страх и разжигали его, раздувая миф о «русском антисемитизме». Оставим в стороне вопрос об их мотивах, они не так уж существенны.

Казалось бы, первым делом философы и социологи должны были заинтересоваться той категорией евреев, которая почему-то изжила иррациональный страх перед погромами и вообще антисемитизмом. Стала относиться к этим угрозам разумно, без истерики — как татары, чеченцы и др. к проявлениям национальной неприязни к ним. Кто эти евреи? Каким это удалось? Их не так мало. Ведь, по данным Р.Рывкиной, в ответе на вопрос «Кому выгодно распространять антиеврейские настроения в России?» 10% евреев назвали какие-либо «еврейские» силы (Израиль, сионизм и др.). Десятая часть евреев не верит в «русский антисемитизм» — это очень много и это факт огромной важности! Никакой честный социолог не мог бы мимо него пройти.

На житейском уровне мы знаем, что как раз евреи, ведущие жизнь в среде «потенциальных погромщиков» и «бытовых антисемитов», страха перед погромами не имеют, они изжили

анафилактическую чувствительность. Если со-
бутыльник, распивая на троих, обзовет такого
еврея «жидом», то реакция будет разумной и
адекватной. Еврей или обзовет его сам, или
даст ему в морду, или проглотит, или убежит.
И никакой трагедии.

Надо подчеркнуть, что аномальный страх
перед погромами создан средствами идеоло-
гии недавно, после войны, когда реальное
знание о погромах начала века было уже утра-
чено. Только тогда заинтересованные идеологи
смогли построить «виртуальную реальность»
А в начале века страх был адекватным, никто
от погромов не эмигрировал. Торговцы, кото-
рые были объектом погромов, вообще не
эмигрировали, уезжали евреи-бедняки, да и то
немного. В 1897 г. в России насчитывалось
5,06 млн. евреев, а в 1917 г. 7,25 млн. Уже по-
сле первого, кишиневского погрома 1903 г. в
городах Юга и Запада России возникла хоро-
шо вооруженная (даже пулеметами!) еврейская
самооборона. Погромы служили средством ее
сплочения: евреи-provокаторы разбрасывали
листовки на русском языке с призывами «бить
жидов», а сионисты — листовки на еврейском
языке, призывая евреев вооружаться. Так что
сегодня евреи культивируют миф о погромах.

И русским, и основной массе евреев было бы полезно снять наваждение, понять друг друга и пойти навстречу. Сделать это непросто, потому что влиятельная часть евреев и подконтрольные им СМИ хладнокровно и цинично эксплуатируют пугало антисемитизма. И сегодня, в условиях острого кризиса, невозможно определить, является ли исступленная ненависть к России некоторых евреев напускной, политически выгодной — или это искреннее, болезненное проявление старого комплекса. По мере того, как обостряется кризис и Россия все больше напоминает поле битвы, времени разбираться в этом становится все меньше. Как нет времени вести диалог с человеком, который замахнулся на тебя бритвой, — даже если ты знаешь, что это хороший, но больной человек. Но пока время есть, надо пытаться ввести разговор в рассудительное русло.

Посмотрим, как творят миф «русского антисемитизма» наши академические философы. Сначала о старой, дореволюционной России. В создании ее черного образа важное место занимает представление всех ее общественных течений с начала века, за исключением потерпевших крах кадетов, как изначально антисемитских. Это и правые (В.В.Шульгин), и

христианские философы (Н.Бердяев), сменовеховцы и евразийцы, и, конечно, большевики. Под всем этим якобы лежит черносотенство и его предшественник — славянофильство. А венец всего этого — фашизм.

Читаем в книге «Русская идея и евреи», что черносотенство — «расистский национализм протонацистского толка, вышедший на поверхность политической жизни России в самом начале XX века». И далее: «Не вызывает сомнения, что русское черносотенство удобрило почву, вскормившую гитлеризм». Надо же, не вызывает сомнения! Между тем исследования германского нацизма как раз показывают принципиальные отличия его антисемитизма от тех форм юдофобии, которые существовали в России.

В известной работе о фашизме Л.Люкса сказано: «Коммунисты не сумели правильно оценить чрезвычайно важный компонент национал-социалистического мировоззрения — антисемитизм. Большевики понимали опасность антисемитизма, им приходилось довольно часто, как до революции, так и после нее, подвергать острой критике антиеврейские выпады и предрассудки. Однако опыт, накопленный большевиками в отношении русского антисе-

митизма, не мог способствовать пониманию имущественности национал-социалистической идеологии. Еврейские погромы в дореволюционной России и дискриминационные меры царского правительства в отношении евреев не давали никаких критериев для оценки антисемитизма, характерного для НСРДП и национал-социалистического государства».

Нас усиленно и с разных сторон убеждают, будто между черносотенством и фашизмом есть генетическая связь. Но из исследований самих же еврейских историков известно, что это не так. Чем было черносотенство в России начала века? Политическим течением монархистов-традиционалистов, которые выступали против готовящейся либеральной революции. Уже из этого вытекает, что ни расизмом, ни национализмом черносотенство быть не могло: расизм возникает лишь в ходе Реформации, с разделением рода человеческого на расу избранных и расу отверженных (поэтому колонизаторы Америки из гражданского общества были расистами, а колонизаторы из традиционного общества Испании — нет). А национализм возникает лишь с превращением народа в политическую нацию, а до такого превращения России начала века было дале-

ко. Черносотенство совершенно определенно исходило из понятия «народ».

Политической силой черносотенство не стало, спасти монархию и империю было уже невозможно, но в своих прогнозах его лидеры были прозорливы. Начиная с 1906 г. силами либеральной интеллигенции и революционеров был создан тоталитарный «черный» миф о черносотенстве. Его можно сравнить с мифом об инквизиции, в который мы почти все верим (тем он и показателен).

Число жертв инквизиции было невелико. Более того, именно инквизиция очень много сделала для возникновения в Европе рационального мышления, оздоровила сам интеллектуальный климат: она за сто лет до Реформации после долгих дебатов постановила, что демонов и ведьм не существует. Напротив, Реформация была страшным откатом — протестанты сожгли в Европе около 1 миллиона «ведьм» (и сжигали их в США до конца XVII века, причем судьями были профессора Гарвардского университета).

В конце XIX и первой половине XX века в англосаксонской историографии был создан миф об инквизиции, признание которого стало во всем «цивилизованном мире» обязательным

условием допуска в приличное общество. Сегодня в Испании даже знающий истинное положение дел историк осмеливается говорить об этом лишь шепотом и лишь наедине. Самое поразительное, что глава мировой школы историков инквизиции, американский ученый-протестант, к концу жизни пришел к выводу, что всю жизнь ошибался.

Он со своими учениками начал большой проект: каждый акт сожжения «ведьмы» или еретика наносился на карту в виде точки. И оказалось, что в зоне действия инквизиции виднелись редкие рассеянные точки, а в зонах Реформации (Швейцария и Север Европы) точки слились в большие черные пятна. Это его так потрясло, что перед смертью он сделал героический и беспрецедентный в науке шаг — объявил, что вся история инквизиции есть огромная фальсификация. Но миф был настолько необходим политикам, что предсмертное признание ученого осталось гласом вопиющего в пустыне. Ничего не изменилось — даже в католических странах! Правда уже невыгодна.

Так же и с мифом о черносотенстве. Демонтировать его трудно. Но одно дело — не трогать миф, слишком глубоко вбитый в созна-

ние, и другое дело — продолжать вбивать его еще глубже. А главное, развивать его, дополняя идеей о генетической близости к фашизму. Этой близости нет и быть не может, поскольку эти явления лежат на разных цивилизационных траекториях.

Что речь идет о сознательных подтасовках, говорит факт, который тщательно скрывают. Черносотенцев («охотнорядцев») представили как объединение представителей маргинальных, темных и бескультурных слоев, почти городского дна. На деле в черносотенстве, в том числе в его высшем руководстве, приняли участие виднейшие деятели культуры России: филологи академики К.Я.Грот и А.И.Соболевский, историк академик Н.П.Лихачев, ботаник академик В.Л.Комаров (позднее президент Академии наук), врач С.С.Боткин, создатель оркестра народных инструментов В.В.Андреев, живописцы Маковский и Н.Рерих. К черносотенцам были близки В.М.Васнецов и М.В.Нестеров. По мнению Льва Шестова, к черносотенству примкнул бы, будь он жив, Достоевский.

В черносотенстве принимали участие виднейшие представители аристократии, а также иерархи Церкви, в том числе причисленный к лику святых будущий патриарх Тихон и митро-

полит Антоний (прототип Алеши Карамазова). Насколько недобросовестны составители книги «Русская идея и евреи», видно из того, что они проводят параллель между черносотенством и фашизмом, между западным христианством, не возразившем против Холокоста, и Православием — и в то же время приводят тексты обращений и проповедей иерархов Православной церкви, крайне сурово осуждающих погромы как преступление против Бога и человечества (хотя в погромах гибло больше неевреев). Значит, Православие было к антисемитизму непримиримо! Где же аналогия?

Более того, в качестве самых непримиримых борцов против «черносотенного антисемитизма» в книге названы именно Тихон и Антоний — видные деятели черносотенства (Тихон — даже один из его руководителей)! Как можно объяснить такое вопиющее противоречие? Только сознательным обманом.

Развивая мысль об антисемитизме черносотенства, авторы ни словом не обмолвились и о том, что основоположником черносотенства и редактором главной его газеты «Московские ведомости» был еврей В.А.Грингмут. Важную роль в руководстве играли и другие евреи, в частности, близкий соратник П.А.Столыпина

И.Я.Гурлянд. Они не были провокаторами. Это были виднейшие деятели еврейства, не порывавшие с ним связей. Об И.Я.Гурлянде, сыне главного раввина Полтавской губернии, «Еврейская энциклопедия» писала в 1910 г.: «Гурлянд проводит идею полного присоединения евреев к началам русской государственности, отнюдь не отказываясь от своих вероисповедных и национальных стремлений». Таким образом, видные деятели черносотенства из числа евреев были патриотами России и при этом совершенно не были антисемитами. За это их и вычеркнули из истории — такие евреи Рывкиной не нужны.

Конечно, черносотенцы, в том числе евреи, выступали против революционеров, в том числе против евреев. Но посмотрите, насколько искажено наше историческое сознание. Нам внушили, что черносотенцы — «кровавые погромщики». Говорится даже, что они «залили страну морем крови». На деле черносотенцам вменены в вину три убийства: кадета М.Я.Герценштейна в 1906 г. (авторство убийства точно не установлено), кадета Г.Б.Иоллоса (в 1907 г.) и трудовика А.Л.Караваева (в 1908 г.). Революционные организации, самой активной из которых была террористическая структура эсе-

ров под руководством еврея Азефа, убили до 1917 г., по подсчетам американского историка А.Гейфман, 17 тысяч человек. Но до сих пор фурманы и рывкины, доренки и лобковы заставляют евреев трястись от страха перед «черносотенными погромщиками».

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНТИСЕМИТИЗМА

В предыдущей главе мы говорили о том, что сегодня влиятельные еврейские интеллектуалы стремятся представить Россию источником и бастионом мирового антисемитизма. Корень этого они ищут в самом ядре русской культуры, в христианстве. Этот якобы присущий России антисемитизм изображается как нелепое, не имеющее никаких реальных оснований культурное явление.

Сама методологическая основа всех этих умозаключений настолько неубедительна, что невозможно поверить в их искренность. Все это — чистой воды идеология. Куда она ведет сознание и евреев и русских — отдельный вопрос. Идеология создает в воображении «вымышленную реальность». Рассмотрим сначала земную, «реальную реальность».

В книге «Русская идея и евреи: роковой спор» отпор антисемитизму дает философ, которого сами евреи характеризуют так: «величайший из русских философов В.С.Соловьев, известный своей юдофилией, обладавший огромными знаниями в области истории евреев и талмудической литературы». Этот философ находит такие доводы против «экономического антисемитизма»: «Просвещенная Европа установила в социальной экономике безбожные и бесчеловечные принципы, а потом пеняет на евреев за то, что они следуют этим принципам... Если евреи, помогая крестьянину, эксплуатируют его, то они это делают не потому, что они евреи, а потому, что они — мастера денежного дела, которое все основано на эксплуатации одних другими».

Ничего себе логика! Поскольку ростовщичество жестоко, а евреи — ростовщики, жертвы ростовщиков должны любить евреев. «Беда не в евреях и не в деньгах, — пишет В.С.Соловьев, — а в господстве, всевластии денег, а это всевластие денег создано не евреями». Представьте: убийца, произведя контрольный выстрел, склоняется к умирающей жертве и шепчет на ухо: «На меня не сердись. Не я изобрел порох, а китайцы две тысячи лет тому назад».

Носителями монетаризма, который везде, куда проникал, разрушал традиционное хозяйство, были евреи («мастера денежного дела»). Это факт, который просто глупо было бы замалчивать. Там, где переход к монетаризму был быстрым («шоковая терапия»), он привел к огромным страданиям людей и к антисемитизму. Вот католическая Испания. В 1492 г. отсюда королевским указом были изгнаны все иудеи. Тех, кто принял христианство, но тайно исповедовал иудаизм (марраны), преследовала инквизиция. Кстати, как нередко бывает, самыми жестокими инквизиторами (как, например, Торквемада) были обращенные евреи. А торговцы-евреи умело использовали инквизицию, чтобы сводить счеты с конкурентами,— донося о том, что те тайно исповедуют иудаизм.

Сегодня испанцы испытывают комплекс исторической вины, и все, связанное с евреями, пишут и говорят крайне осторожно, взвешивая каждое слово. В чем же, по их мнению, истоки той юдофобии? Именно в страхе традиционного общества перед разрушительным действием монетаризма. Испанский историк пишет: «Евреи олицетворяли рыночную экономику в среде натурального хозяйства. Этот характер рыночников, которым обладало большинство

евреев, означал, что когда христианская Европа перешла от феодализма к капитализму, она в известном смысле стала иудейской — перешла в иудаизм в той мере, в которой евреи служили видимым человеческим воплощением новой экономической системы».

Сегодня Россия также испытывает тяжелые удары «новой экономической системы». А ее «видимым человеческим воплощением» также являются евреи. Вот это и есть объективная почва для юдофобии. Использует ли оппозиция и массовое сознание юдофобию как простую идеологию сопротивления — так, как делала Европа? Разжигают ли страдающие люди пламя антисемитизма? Абсолютно нет. Все попытки «архитекторов и прорабов» взрастить антисемитизм провалились. Все свелось к тому, что несчастный Осташвили разбил очки писателю (да и то русскому). Вот что должно было бы поразить любого объективного наблюдателя.

Страдания при внедрении монетаризма для большей части людей были несовместимыми с жизнью. Вот, например, высказывания историков и экономистов Франции о том периоде: «Деньги сделались всеобщим палачом», «Деньги объявляют войну всему роду человеческому», «Финансовое искусство — перегонный куб, в

котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок» и т.д.

Монетаризм, сделавший деньги главным выразителем человеческих отношений, породил на Западе и необычную ранее жестокость. Она возникла прежде всего в сфере действия финансового капитала — как стремление причинить страдание несостоятельному должнику (что выразил уже Шекспир в образе еврея Шейлока). Маркс приводит комментарий 1707 г. к английскому Закону о кредите и банкротстве: «Среди людей торговли царит здесь, в Англии, такой дух жестокости, какого не встречается ни в каком другом общественном слое или в другой стране мира».

Каков был накал юдофобии в эпоху «рыночной реформы» в Европе? Рассказывают, что правоверные католики в Испании после 1492 г. носили в мешочке у пояса кусок свиного сала. И внезапно совали его под нос прохожему, который показался подозрительным. Если он, вместо того чтобы откусить кусочек, инстинктивно отдергивал голову, его тут же тащили в инквизицию — не марран ли?

Таким образом, во всех странах, где финансовый капитал радикально вторгнулся в тради-

ционное хозяйство и разрушал его, возникли причины для антисемитизма — потому, что этот финансовый капитал был представлен прежде всего евреями. Конфликт по сути своей социальный облекался в форму национального.

Известно, что для перевода любого конфликта в рациональное состояние, при котором возможно его разумное разрешение и поиск компромиссов, необходима его демистификация, освобождение от ложных оболочек. Но ведь этого нет — на социальное противоречие напускают туману, прежде всего религиозного. В.С.Соловьев, признавая «всеобщую антипатию к еврейству» и, судя по приведенным выше словам, вполне понимающий роль денежных отношений в этой антипатии, сводит дело к ослаблению в евреях религиозного начала. Он пишет:

«Как только чисто человеческие и натуральные особенности еврейского характера получают перевес над религиозным элементом и подчиняют его себе, так неизбежно этот великий и единственный в мире национальный характер является с теми искаженными чертами, которыми объясняется всеобщая антипатия к еврейству (хотя и не оправдывается вражда к нему): в этом искаженном виде национальное

самочувствие превращается в национальный эгоизм, в безграничное самообожание с презрением и враждой к остальному человечеству; а реализм еврейского духа вырождается в тот исключительно деловой, корыстный и ничем не брезгающий характер, за которым почти скрываются для постороннего, а тем более для предубежденного взгляда лучшие черты истинного иудейства».

Это пишет не антисемит, а философ-юдофил в работе, которую нам предлагают как философское отрицание антисемитизма. Но ведь логика его совершенно неприемлема. Посудите: «ничем не брезгающий характер» относится к вам и вашим близким «с презрением и враждой» — но ваша ответная вражда к нему непростительна. Что же это за жизнь! Ну ладно, если бы мне просто дали по щеке — я бы другую подставил, и дело с концом. А если этот «ничем не брезгающий характер» ведет дело к тому, чтобы извести под корень весь мой род?

Зачем наводить тень на плетень? Почему люди обязаны отыскивать в Гусинском или Соросе «лучшие черты истинного иудейства», а не принимать их в реальном образе, как активных экономических и политических деяте-

лей? Вот на Тайване вышел указ, согласно которому «любая персона, о которой станет известно, что она поддерживает коммерческие отношения с инвестиционными фондами Сороса, будет сурово наказана». Неужели это потому, что в Соросе «чисто человеческие особенности еврейского характера получили перевес над религиозным элементом»? Нет, дело проще — Дж.Сорос своими спекуляциями разорил Тайвань, безжалостно и хладнокровно. Нашел слабое место, рассчитал момент и нанес удар. Хотя деньги и порох, конечно, придумал не он.

Какова роль евреев в экономической перестройке России? Примерно та же самая, что была и в Испании на заре капитализма. В конце XIX века быстрая модернизация старого сословного общества России также породила «еврейский вопрос», а в областях, где еврейский капитал господствовал, были погромы. Израильский историк М.Аронсон признает, что причина погромов — «ускоренная модернизация и индустриализация, проходившая в России между 1860 и 1880 гг.».

Таким образом, основа погромов была чисто экономическая, а не национальная, погромщиками были в основном торговцы-конкуренты. Надо вспомнить, что евреи в Рос-

сии тогда составляли 4% населения, но 75% всех торговцев в России были евреями. На деле погромы были столкновениями конкурентов: в одном из самых крупных погромов, в октябре 1905 г. в Киеве, было убито 47 человек — 12 евреев и 35 других национальностей. Кто кого громил?

Наращение конфликта между еврейской буржуазией и нарождающейся буржуазией других национальностей было замаскировано более мощной волной сопротивления любому капитализму со стороны крестьянства и выросшим на волне этого сопротивления общим революционным движением. Поэтому и можно было создать миф о еврейских погромах — на фоне огромной катастрофы революции никто достоверной историей не интересовался.

Затем, после 1917 г., в России на 70 лет установился особый тип традиционного хозяйства — советское хозяйство без финансового капитала и ссудного процента. Евреи заняли другие социальные ниши, конкуренция угасла, и основания для экономического антисемитизма исчезли. Были сняты и основания для культурного конфликта. Об этом писал выдающийся советский историк Н.И.Конрад в письме к А.-Дж.Тойнби (в марте 1967 г.):

«...каждый народ, входящий в наш Союз, имел и имеет свою собственную культурную традицию, а многие из этих народов имеют и свою особую, большую, длительную культурную историю... В русле культуры нашей страны слились самые различные культурные потоки. Может быть, отчасти этому мы обязаны острым чувством единства человечества».

Основания для конфликта возникли именно в ходе слома советского строя. Сегодня хозяйство России разрушается самым радикальным, даже преступным образом — при господстве финансового капитала, в котором евреи играют даже более выдающуюся роль, нежели в начале XX века. Это — факт, который не только не скрывается обличителями антисемитизма, но даже подчеркивается. На уровне спектакля — похвальбы в Израиле банкиров в том, что пять еврейских семей завладели половиной собственности России. В самой России эти кадры крутят по всем программам телевидения — и тут же в газете «Коммерсантъ-daily» банкир А.Смоленский заявляет, чуть ли не с издевательской усмешкой: «Вспомним, как еще недавно народ олигархами пугали. Только где они, олигархи, на самом деле их не было и нет! Это так, более удобный образ врага, чем,

скажем, жид и сионист». В ответ олигархов патетически упрекает еврейский писатель Тополь: вы, мол, завладели всей собственностью, киньте хоть косточку голодным русским. Допустим, все это — гротеск, чтобы шокировать публику и доводить ее до полной шизофрении. Взглянем на чисто академические исследования.

Вот Р.Рывкина, отрекомендованная как «известный социолог, профессор, доктор экономических наук» из РАН, близкий сотрудник академика Т.И.Заславской. В ее книге «Евреи в постсоветской России» (1996), как сказано, дана «надежная социологическая информация». Это, конечно, сильно сказано — данные о социальном положении евреев в нынешней России приведены очень скудные, нет даже элементарных индексов распределения евреев по уровню доходов. Но есть качественный вывод: «Позитивная тенденция постсоветской эпохи, расширившая возможности для самореализации евреев,— развитие рыночной экономики... Реально сегодня, как и в эпоху революции 1917 года, еврейская интеллигенция снова являет собой один из наиболее активных отрядов реформаторов — банкиров, руководителей новых общественных организаций,

работников прессы и др.». Главное, конечно, банкиры — остальное вторично.

Этому явлению Р.Рывкина дает, как она говорит, «простое и реалистическое объяснение» — евреи стали владельцами огромной доли собственности просто потому, что они «конкурентоспособны для занятия мест в новых и наиболее сложных сферах экономики — таких как финансы, внешние экономические отношения, рынок ценных бумаг и др.». Это, конечно, никакое не объяснение — «евреи конкурентоспособны потому, что конкурентоспособны». Но такова уж наша профессорша, не проговорится. Да это и неважно. Важен сам факт — в стране возникло острое «этносоциальное неравенство», которое сама же Рывкина в предисловии справедливо называет главной причиной напряженности в межнациональных отношениях.

Это и создало возможность разыграть истерику по поводу «антисемитизма коммунистов» в ноябре 1998 г. Эта истерика имела, видимо, и исследовательские, и чисто политические, прикладные цели. Но мы поговорим именно об условиях. Обвинение коммунистов в антисемитизме отражает две новые, возникшие после

войны установки еврейской элиты: их антикоммунизм и их уверенность, что коммунисты обязательно должны быть антисемитами — то есть врагами именно этой еврейской элиты. В действительности Гусинский и его люди опережают события, и коммунисты не «дозрели» до того, что в них предвидят более мобильные и чувствительные еврейские идеологи.

Что же произошло? В ходе революции и затем в советский довоенный период (который проходил еще в идейном русле революции) оснований для конфликта между массой евреев и коммунистами не было, потому что евреи имели и самосознание, и образ гонимых и угнетенных. Под знамя коммунистов собирались люди, которыми двигало стремление защитить и освободить всех таких людей в борьбе со всяческими гонителями и угнетателями. На этой утопии стоял и советский строй.

После войны, с перемещением центра мирового еврейства в США и с образованием государства Израиль, в еврейской политической элите произошел переход к самосознанию угнетателей и гонителей (нередко это заявлялось демонстративно). Таким образом, коммунисты

стали ими рассматриваться как потенциальные, а потом и явные противники. В дальнейшем это самосознание евреев и практика сионистов породили соответствующий образ и в общественном сознании. В ходе нынешней реформы в России этот образ начинает доминировать. Если в начале XX века и в довоенный период в обыденном сознании еврей ассоциировался с трудягой-портным, то уже в 60-е годы это директор и главбух, а сегодня — банкир и министр.

Евреи, составляющие значительную часть новых собственников и обладая уже классовым сознанием, ошибочно полагают, что такое же классовое сознание возникло и в массе трудящихся (на деле здесь еще господствует неклассовое сознание «совка», советского человека). Тот социальный взрыв, которого банкиры и «фабриканты» давно ждут и никак не дождутся, они заранее стараются представить как предосудительный «взрыв антисемитизма». Дескать, не банкира бьют, а еврея.

На деле до настоящего времени в России сложились лишь предпосылки для антисемитизма как неприязни к евреям в целом, евреям как национальности. Русские ведут себя не

так, как в прошлом испанцы, англичане или немцы. Эти причины, сдерживающие антисемитизм, лежат в сфере культуры, а не экономики. Если же культура и жизненные экономические потребности приходят в конфликт, то при критическом ухудшении условий жизни побеждает базис, а не надстройка — экономика, а не культура. Умирать от голода и бубнить про себя юдофильские тексты В.Соловьева люди не станут. К такому критическому пределу Россия приближается — вернее, ее приближают Гусинский с Березовским. Об этом им и напоминает Тополь.

Ускоряют размывание культурных барьеров против антисемитизма сами теоретики современного еврейства. Достаточно известно, что русский национализм не шовинистичен, это великодержавный национализм. Даже в таком плачевном состоянии, как сегодня, русские ощущают себя «старшим братом» в семье всех народов, живущих в России, включая евреев. Разжечь в русских устойчивую вражду на национальной почве очень трудно. Нынешняя вражда к кавказцам напоминает злость на брата, который безобразничает в семье. Перестанет безобразничать — исчезнет и злость.

Неизвестно с какой целью, но еврейские интеллектуалы снимают этот культурный барьер. В последние годы они начали в элитарной печати дебаты о том, кто такие евреи — народ ли это, живущий в России и имеющий свои культурные корни? И Фурман в своих статьях, и Рывкина в своей книге стараются доказать, что нет — не народ. Кто же?

По словам Рывкиной, вышедший сегодня авторитет еврейства А.Штайнзальц считает, что «с этнической точки зрения трудно утверждать, что существует такой этнос, как евреи». Рывкина пишет: «Не считая евреев особым народом и исходя из религиозных критериев, автор [А.Штайнзальц] считает, что евреи — это семья». Если так, то дело меняется. Одно дело народ — в нем всегда есть «хорошие» и «плохие», причем они друг другу противостоят. В России «хорошие» люди всех народов противостоят всем «плохим», и не так уж важно, каково соотношение хороших и плохих в каждом народе. Для А.М.Макашова бессовестный русский безусловно хуже честного еврея (даже хуже бессовестного еврея — «жида»).

Иное дело — семья. Семья спаяна слишком сильно, и если ее старшие преступны, млад-

шие не могут против них выступить — или семья разрушается. Против семьи, клана, наносящего ущерб обществу, приходится выступать как против единой солидарной группы, хотя кто-то из этой семьи и недоволен старшими братьями. Чтобы оправдаться в мнении общества, они должны ясно и гласно порвать с семьей.

Если евреи — семья, то кто в ней сегодня «старшие братья»? Не композитор Шостакович и не авиаконструктор Милль. Они представляли еврейскую семью в советское время, но их время прошло. Сегодня «старшие братья» — банкиры. По общему мнению, они обобрали Россию и безжалостно довели половину народа до голода. Неприязнь к этой семье, которая, похоже, беспрекословно следует за своими новыми «старшими», становится естественной. Для этого русским не надо даже становиться националистами, ибо евреи — не народ, а клан.

Зачем же А.Штайнзальц, а затем и лидеры помельче, пошли на этот идеологический маневр? На ум приходит лишь одно объяснение — сплотить евреев России жесткими семейными обязательствами и открыть шлюзы для волны антисемитизма, который обособит евреев от

России и поможет «возродить еврейство». Когда А.Штайнзальца назначили духовным раввином России, он заявил: «Я хотел бы только одного: помочь евреям вернуться к своему еврейству». Думаю, средства он для этого выбрал гибельные, но принимать их или отвергнуть — дело самих евреев.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ АНТИСЕМИТИЗМА В РОССИИ

В прошлой статье я говорил об экономических предпосылках для антисемитизма. Сама Р.Рывкина, как социолог, признает, что этносоциальное неравенство — различие социального положения в зависимости от национальности — всегда есть предпосылка для напряженности, недоверия, боязни (фобии). Дальше в своей книге она почему-то об этом забывает. В конце XIX века погромы начались, когда относительное число торговцев среди евреев в 100 раз (!) превысило долю торговцев среди лиц других национальностей. А что же сегодня?

Р.Рывкина претендует на то, чтобы в своей книге дать точный социальный портрет евреев. По ее данным, 68% евреев имеют высшее образование, а включая лиц с незаконченным

высшим — 76%. Если же прибавить лиц, окончивших техникум, то это 90% евреев. То есть, практически все они принадлежат к прослойке интеллигенции. Как пишет Р.Рывкина, «подавляющее большинство респондентов работают на должностях специалистов». Очевидно, что это — ярко выраженное этносоциальное неравенство. И в ходе приватизации, когда практически вся государственная собственность присвоена «прослойкой специалистов», это неравенство приобрело характер антагонизма.

Более того, в ходе перестройки положение и здесь сильно изменилось — половина евреев сегодня работает в «гуманитарной сфере». Поскольку деньги и манипуляция сознанием стали в России главным средством господства и власти, то бригада «мастеров денежных дел» и специалистов-гуманитариев предстает перед русскими как господствующее меньшинство. И оно приобрело ярко выраженные национальные черты. Удивляться приходится лишь тому, что эта предпосылка антисемитизма не превратилась в активную юдофобию. Значит, есть особенности русской культуры, которые этому мешают. Но, судя по всему, именно эти особенности сегодня интенсивно разрушаются

усилиями политического режима и «специалистов-гуманитариев».

Именно благодаря их деятельности экономическая основа для антиеврейских настроений дополняется культурным фактором: евреи декларируют себя как принципиальные противники не только традиционного для России типа хозяйства, а и всего жизнеустройства. Если хозяйство призвано удовлетворять прежде всего материальные потребности человека и общества, то жизнеустройство включает в себя культуру, идеалы.

Философ Д.Фурман, обвиняя русских в антисемитизме, представляет евреев как наиболее «прозападную» группу. На основании опроса 1991 г. он пишет: «С тем, что на Западе создано лучшее из возможных обществ и нам надо следовать за Западом, согласились 13,2% русских и 52,5% евреев». Но если большинство евреев считают благом то, что для русских бедствие,— не это ли и есть причина напряженности, вполне объективная предпосылка юдофобии? Ведь юдофобия в переводе на русский означает «страх перед иудеем».

Всем уже ясно, что т.н. «радикальные демократы» имеют целью не экономическую ре-

форму (разумную или ошибочную), а именно смену типа цивилизации, типа культуры. Это и отвергается подавляющим большинством населения, которое к идее рынка отнеслось в общем благосклонно, но считают, что о смене культуры «не договаривались». В этом цивилизационном и культурном выборе евреи резко противопоставили себя этому большинству. По данным Р.Рывкиной, в 1995 г. из числа тех, кто собирался идти на выборы и определил свое предпочтение, 71% евреев шли голосовать за партии «радикальных демократов» — Гайдара, Явлинского и Б.Федорова (а если прибавить «народный» капитализм Св.Федорова, то 81%). А за КПРФ лишь 3% евреев. Это не расхождение с массой, а противопоставление, «двухполюсный мир».

Таким образом, фактические данные противоречат выводу Р.Рывкиной о том, что «евреи практически растворились в русской культуре и не образуют культурно однородной национальной общности». По уровню и типу образования, по социальному положению и по культурной ориентации евреи именно образуют очень компактную общность, резко отличающуюся от других народов России. Если же включить в число характеристик такой эконо-

мический показатель, как душевой доход, то различия окажутся разительными.

Р.Рывкина искажает реальность, приводя величину среднего дохода опрошенных евреев. Если уж речь идет об этносоциальной характеристике, требовалось включить в расчет и то богатейшее меньшинство (Березовского, Гусинского и т.п.), которое опросу не подвергалось. Тем более, что евреи, по выражению А.Штайнзальца, «не народ, а семья». (Подобные данные приводит М.Вебер в виде вероисповедальной статистики. Так, например, в 1895 г. в Бадене на 1 тыс. человек католики имели 589 тыс. марок капитала, протестанты 954 тыс. марок, евреи свыше 4 млн. марок). Ни о какой «растворенности» евреев говорить сегодня не приходится.

Р.Рывкина, говоря о «гиперактивности» евреев в нынешней реформе, ссылается на живущего в США А.Гройсмана, который пишет о евреях в Якутии: «На примере якутской еврейской диаспоры отчетливо видны определенные закономерности существования евреев в диаспоре вообще и в российской в частности. Удивительным образом евреи всегда ухитряются сочетать обособленность с гиперактив-

ным участием в жизни народа, среди которого они селятся. И эмоции, могущие возникнуть у каждого из нас по этому поводу, неоднозначны: от чувства гордости ... до досады из-за приводящих к беде прежде всего нас самих негативных черт национального характера — отсутствия чувства меры, эгоизма и т.д.».

А.Гройсман говорит о досаде самих евреев. Но ведь надо подумать и о чувствах «народа, среди которого они селятся». Пока что эти чувства с ходу и огульно клеймятся как нелепый, ни на чем не основанный антисемитизм. А дело в том, что радикальные реформаторы пытаются силой заставить русских людей жить не так, как русским кажется правильным и справедливым. И среди этих реформаторов евреи выступают как самая яркая и активная сила.

И в прошлые переломные моменты острых кризисов в России евреи были влиятельной частью революционного или правящего меньшинства. Российскую империю и монархию сокрушили не большевики, а либерально-буржуазная революция, главными организаторами которой были кадеты, партия «Народной свободы», тесно связанная с еврейской интеллигенцией. Не меньшее количество евреев было

«делегировано» и в другие революционные партии и движения.

Смешно говорить, что революция такого масштаба, как русская, могла быть результатом «заговора». Речь не об этом, а о том, что в этой драме евреи вышли как актеры первого плана — и придали этой драме особо жестокий, безжалостный характер. Вот свидетельства двух евреев, исходя из разных установок.

И.Я.Гурлянд, «черносотенец», пытавшийся предотвратить разрыв евреев с Россией, писал в 1912 г.: «Еврейская молодежь с головой окунулась в политические заговоры против исторических устоев Русского государства». В.Е.Жаботинский, сионист, то же самое отмечал в 1911 г.: «Все, в ком только было достаточно задору, все побежали на шумную площадь творить еврейскими руками русскую историю». И видный сионист вовсе не был этому рад, он предупреждал: «Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали им, что ничего доброго отсюда не выйдет ни для русской политики, ни для еврейства».

Стремление вылезти в трагические моменты на первый план трудно объяснить. Очень красноречива кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 г., которая нанесла тяжелый

удар по Православной церкви, привела к гибели многих священников и, бумерангом, многих активных «антиклерикалов» (уже в 30-е годы). Главным идеологом той кампании был Л.Троцкий, самое активное участие в ней приняли И.С.Уншлихт, Р.С.Землячка, Я.А.Яковлев (Эпштейн). Их напор был такой, что Ленину не раз приходилось буквально одергивать, призывая слишком не выпячивать роль евреев в такой страшной акции, выставляя вперед М.И.Калинина. Но приходилось «выпячиваться», поскольку и Калинин, и Молотов оказывали хотя и слабое, но сопротивление антиправославному экстремизму.

Сегодня, когда на основании архивных данных ход кампании восстановлен буквально по дням, неумолимость Троцкого просто поражает — такое количество теоретических разработок, практических предложений и конкретных указаний он породил. Изъятие ценностей было лишь инструментом, речь шла о сложной программе провокаций, репрессий и внутреннего раскола — полного разрушения Церкви. В целом эта программа не увенчалась успехом благодаря выдержке духовенства и самого патриарха Тихона, а также сопротивлению — и пассивному, и активному, как верующих, так и

части РКП(б). Но мы сейчас о другом — активность Троцкого и ряда других евреев выглядит просто лихорадочной. Зачем, например, лично самому Троцкому было браться за распродажу церковных ценностей за рубежом?

Не должно быть сомнений — та драма русского народа запечатлелась в исторической памяти. И русских, и евреев. Тот факт, что об этом ни слова не говорится во всех нынешних рассуждениях об антисемитизме — плохой признак. Зачем молчать, ведь все равно никто не забыл. В прошлой главе я говорил, что нынешний иррациональный страх евреев перед погромами связан с коллективной памятью о средневековых избиениях евреев в Западной Европе. Но можно высказать предположение и о втором источнике страха — коллективной памяти евреев о делах Азефа, Голощекина, Троцкого и всей их рати. Страх, вызванный неосознанной боязнью мести со стороны русских. Это — ложный страх, проекция собственного мироощущения на русских. Этот страх в принципе мог бы быть снят в честном диалоге. Но уход от диалога ведет к утрате шанса. Такой уход — предпосылка антисемитизма. Не является ли молчание средством вызвать желанный «магнатам» антисемитизм?

Если говорить о нашей истории, то дело не только в евреях-большевиках, а и в общей безжалостности многих видных евреев, включая противников большевиков, даже эмигрантов. Вот восторженная книга А.Ваксберга «Лиля Брик» (1998). В 1922 г. «серый кардинал» левых искусства, сотрудник ГПУ Осип Брик едет с Лилей (тайной сотрудницей ГПУ) в Берлин. К ним в отель почти каждый день приходят эмигранты Роман Якобсон и Виктор Шкловский. Как пишет А.Ваксберг, «Осип тешил друзей кровавыми байками из жизни ЧК, утверждая, что был лично свидетелем тому, о чем рассказывал. А рассказывал он о пытках, о нечеловеческих муках бесчисленных жертв. «Работа в ЧК,— констатировал Якобсон,— очень его испортила, он стал производить отталкивающее впечатление».

Вдумайтесь в самую терминологию: «тешил друзей». Друзья морщили нос, но приходили каждый день посидеть с «Бриками» в дорогом ресторане. Это как?

Но ведь сегодня наши евреи-неолибералы тоже доходят до глумления над своими жертвами. Вот, автор закона о приватизации, гуманитарий, бывший министр экономики Е.Г.Ясин в самый тяжелый момент реформы шутит: «Я как-

то говорил с одним исключительно умным человеком, очень известным западным ученым — Биллом Нордхаузом, так он предложил: «Вы на время, когда у вас весь этот кошмар будет, «повесьте» над страной спутники и пускайте в эфир «Плейбой ченел». Может, это отвлечет? Ну а если всерьез, то надо сломать нечто социалистическое в поведении людей». Сломать — с кровью и страданиями, и еще поиздеваться, показывая замерзающим и голодным старикам голых баб с американского порнотелевидения. Это — не глумление? С Нордхаузом все ясно — с какой стати он должен бы жалеть наших стариков. Но ведь Ясин — представитель еврейской интеллигенции, которая пока еще декларирует свою принадлежность к России.

Сегодня евреи-гуманитарии зачем-то опять вышли на первый план как сокрушители важной части культуры — моральных устоев. Не буду брать скандальные случаи, явные провокации (о них позже). Возьмем спокойные, «позитивные» продукты новой культуры. Хотя бы ту же книгу А.Ваксберга «Лиля Брик». В ней описана история, которая вызывает омерзение, от которой содрогаешься — если воспринимаешь ее в рамках привычной морали. Я всегда избегал всяких сведений о Маяковском и

Лиле Брик, не хотел знать. И прочел книгу «на новенького».

Пусть не обижается А.Ваксберг, но вот как он представил дело: вокруг поэта возникло подобие еврейской корпорации. Пользуясь безумной влюбленностью Маяковского в Лилю Брик, эта корпорация буквально пожирала поэта, другого слова не подберешь. В книге есть страшная фотография: в августе 1930 г., узнав о том, что Совнарком постановил передать Лиле Брик половину наследства покончившего с собой Маяковского (авторские права), эта корпорация на радости перепилась и запечатлела свои счастливые лица. А.Ваксберг пишет: «Постановление правительства о введении Лили в права наследства отмечали в том же Пушкине, на даче, где каждое дерево и каждый куст еще помнили зычный голос Владимира Маяковского. Арагоны уехали, все остались в своей компании и могли предаться ничем не стесненному веселью».

А.Ваксберг изобразил Л.Брик патологической в сексуальном отношении женщиной. Зачем? Ведь факты жизни можно подать по-разному. Такие описания «специалист-гуманитарий» не может, как бы ни притворялся, дать без этической оценки. Он ее и дает — почти прямо за-

являя своей книгой, что все привычные устои культуры в области морали отменяются. Эпизоды, от которых простого человека трясет, сопровождаются у А.Ваксберга репликами, выражающими восхищение: «В ее огромных темных глазах неувядающей красоты — печаль и усталость». Между содержанием эпизодов и фразеологией какое-то дикое несоответствие.

Допустим, А.Ваксберг и впрямь боготворит эту женщину и пишет как бы для себя, отвергая «ханжескую мораль». Но ведь такие же этические оценки он дает и другим персонажам. Вот очередной адюльтер Лили, начиная с которого Маяковский покатился к самоубийству. Объект — А.М.Краснощеков (он же Абрам Моисеевич Тобинсон, он же Фроим-Юдка Мовшев Краснощек). Член комиссии по изъятию церковных ценностей (дело было как раз в 1922 г.). Вот в каких терминах его описывает автор: «Молод, красив, обаятелен, хорошо образован. Его одухотворенное, волевое лицо свидетельствовало о работе мысли и об уверенности в своей силе».

Став председателем Промбанка, Краснощеков проворовался самым гнусным образом, подарил Лилю шубами и сел в тюрьму. Но с каким сочувствием пишет о его судьбе

А.Ваксберг! Лиля носила ему передачи, «в промежутках между своими заграничными поездками пыталась использовать все свои связи, чтобы помочь Краснощекову». Наконец удалось: «По чьему-то — несомненно, очень высокому — распоряжению Краснощекова просто отпустили на волю, сославшись на состояние здоровья». Роман счастливо продолжился.

Эта книга, одна из многих подобных, как раз и говорит русскому читателю: в России есть крепко спаянная, вросшая во власть теневая прослойка, для которой никакие обычные этические нормы не писаны. Костяк ее составляют еврейские «специалисты-гуманитарии».

Борцы с антисемитизмом представляют не-
лепой саму мысль о «засилье евреев». Какая, мол, чушь. Но ведь более яркого подтвержде-
ния этой мысли, чем книга А.Ваксберга, не сыщешь. Вот Лилия Брик. Кто она? Какую должность занимает в тайной иерархии? Каков механизм ее выдвижения? Она не знает границ, свободно курсирует по Европе, иностранный паспорт получает за два дня. Вытаскивает из тюрьмы вора Краснощекова, который посажен после громкого, на всю страну, процесса. Звонит по прямому телефону председателю КГБ А.Шелепину по делам своих приятелей.

Лично от министра внешней торговли, да еще по согласованию с Сусловым, получает разрешение закупать для себя продукты за границей (и об этом ей лично сообщает председатель Госбанка). Если надо освободить осужденного за изнасилование гомосексуалиста Параджанова (гения и все такое прочее — об этом мы не спорим), то по просьбе Лили Брик в Москву едет Луи Арагон, который выпрашивает милость у Брежнева в разговоре один на один. И все это — в условиях жестокого «государственного антисемитизма», якобы в постоянном страхе Лили за свою безопасность. Вот это и называется теневая власть.

В советское время эта власть была введена в какие-то рамки (хотя, судя по всему, все время шла невидимая борьба за расширение этих рамок). Но сегодня она взяла за горло каждого. Почему скромный, никому не известный искусствовед Гусинский вдруг становится одним из сильнейших мира сего? Почему из сотни завлабов академического НИИ один невзрачный Березовский оказывается «владельцем заводов, газет, пароходов»? Ведь какие-то неведомые отделы кадров их выбрали, какие-то верховные советы их утвердили.

Добро ли несет людям эта теневая власть? Каковы ее культурные установки, ее идеалы?

Вот Иосиф Бродский, перед смертью ритуально оплевав в «Известиях» поверженную Россию, так объясняет суть еврейства. Он, мол, стопроцентный еврей не только по родству, но и по духу: «В моих взглядах присутствует истинный абсолютизм. А если говорить о религии, то, формируя для себя понятие верховного существа, я бы сказал, что Бог есть насилие. Ведь именно таков Бог Ветхого завета». Вот тебе и ценности демократии.

Сегодня участие в нынешнем «реформировании» России евреев, вооруженных таким понятием о еврействе, на знамени которого написано «насилие», опять велико — пусть не в виде сотрудника ГПУ, а в виде банкира, эксперта и идеолога. Вспомните: перед выборами президента в 1996 г. банкиры, почему-то числом 13, выступили с призывом к компромиссу, который должен предотвратить якобы неизбежную гражданскую войну. Банкиры — почти все евреи — милостиво обещали: «Оплевывание исторического пути России и ее святынь должны быть прекращены».

Спасибо вам, заступники России. А скажите-ка сначала, зачем же вы оплевывали святыни России? Это ведь не шутка. Да и с какого числа ваше телевидение прекратит это оплевыва-

ние? И кто будет составлять список «помилованных» святынь?

Можно сказать, что тезис насчет «оплевывания святынь» — всего лишь предвыборная патетика 1996 г. Брякнули, мол, сгоряча. Но вот конец 1998 г. — один из банкиров, А.Смоленский, в лирическом раздумье признает: «Все последние годы мы воспринимали свою страну, с одной стороны, через отрицание ее ценностей, а с другой, так сказать, через желудок».

Сейчас уж всем видно, что разбогатевшая и политически влиятельная часть еврейства взяла на себя роль тарана, сокрушающего «старый режим» и оставляющего нас и без святынь (ценностей), и без минимальных средств к жизни. Скажите, разве не естественно человеку испытывать страх (фобию) перед ними? Если бы такого страха не было, вот это было бы необъяснимым явлением.

Если евреи не желают превращения предпосылок антисемитизма в активную политическую установку, они не должны уклоняться от диалога и поощрять издание массы неискренних книг и статей.

ОТ «КОМИССАРОВ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ» К АНТИСОВЕТИЗМУ

Одним из сложных, труднообъяснимых явлений второй половины XX века можно считать антисоветизм интеллектуальных лидеров еврейства. В 70-80-х гг. он распространился на значительную часть евреев СССР, и очень многие из них поддержали перестройку именно как демонтаж советского строя.

Значительность этого поворота видна уже из того, что он был разрывом с принципиальными установками целого поколения корифеев мировой культуры первой половины века, включая духовных авторитетов еврейства (например, Альберта Эйнштейна и Лиона Фейхтвангера). И произошел этот поворот вовсе не под влиянием озарения, раскрытия какой-то тайны или нового злодеяния советского государства. Нет, обо всех действительных

злодействах (например, репрессиях) все эти авторитеты имели полную и доскональную информацию. Тем не менее на этапе развертывания холодной войны Эйнштейн продуманно и определенно отказался занять антисоветскую позицию. Не было для этого поворота и формальных оснований, на которые часто указывают (закрытость советского общества, нехватка демократии): очевидно, что после войны СССР быстро становился все более открытым и терпимым обществом. Достаточно сравнить последовательность лидеров-символов: Сталин — Хрущев — Брежнев — Горбачев.

Разрыв с советским строем, видимо, был для многих евреев большим потрясением — даже разрыв с идеологией. Мысли об этом горьки («Недавно умер политрук Леви»). В обостренном виде проявилась в евреях общая для жителей СССР тревога и удрученность, нарастающее отчуждение от строя, который становился все менее советским,— потому его так равнодушно «сдали» в 1991 г.

Изверившись в блаженном общем рае,
но прежние мечтания любя,
евреи эмигрируют в Израиль,
чтоб русскими почувствовать себя.

Но не в отъезде дело. В еврейской элите задолго до этого был сделан выбор: этот «заболевший строй» надо не лечить, а убить. Здесь, кстати, в самом еврействе пролегла глубокая трещина — большинство евреев во все не занимают антисоветской позиции. По данным Р.Рывкиной, 60—70% евреев в России отмечают типично советские праздники (День Победы, День Советской Армии, 8 марта, 1 мая и 7 ноября), в то время, как, скажем, праздник Пурим отмечают 18%.

Конечно, большой поворот к антисоветизму левой и либеральной западной (и западнической) интеллигенции — процесс общемировой. Вираз еврокоммунистов и советской интеллектуальной элиты с некоторым запозданием, но повторяет траекторию еврейской элиты. Видимо, между всеми этими компонентами была взаимно усиливающая обратная связь. Судя по очень многим признакам, ставшим особенно явными в годы перестройки Горбачева, этот вираз означал переход на позиции радикального евроцентризма с отказом на право существования самой российской цивилизации как самобытной структурной единицы человечества. Но теперь, «чтобы попасть в Россию, пришлось целиться в коммунизм».

В самом советском строе не было резких поворотов, которые могли бы оправдать отказ от его поддержки. Обычные обвинения (подавление мятежа в Венгрии в 1956 г. и «пражской весны» в 1968 г.) на фоне недавней истории и даже современных действий геополитического противника СССР — не более чем повод. Ведь речь по сути шла о переходе на сторону противника в войне, пусть «холодной», — на сторону США, которые вели позорную крупномасштабную войну во Вьетнаме с явным геноцидом, без зазрения совести бомбили любую слабую страну в «зоне своих интересов». В этой реальной «системе координат» стенания о нарушении социалистической морали не могут же приниматься всерьез, хотя интеллигентный человек нередко и сам верит в спектакль, который разыгрывает.

На деле каждый искал себе подходящий повод для стенаний, а целостная концепция СССР как империи зла сложилась позже. Вот, А.Ваксберг приводит запись беседы с Эльзой Триоле (сестрой Лили Брик и женой Луи Арагона) в Париже в июне 1968 г. «Пражскую весну» уже всю давили, но о ней ни слова: «Мы слишком долго молчали, когда в Советском Союзе происходило нечто несусветное, а если

говорили, то тщательно выбирали выражения, например, по делу Синявского и Даниэля... Не хотели порочить Советский Союз, потому что мы не попутчики, мы настоящие друзья. По убеждению... Но — все, хватит!... Мы с Арагоном решили, что будем публиковать протест. И спрашивать разрешения ни у кого не намерены, потому что борьба с антисемитизмом — это дело каждого порядочного человека».

Здесь поводом такого поворота («Все, хватит!») послужила какая-то статья в «Огоньке» против Лили Брик. А до этого за «нечто несусветное» принимали дело Синявского. А еще до этого с удовольствием «тешились байками» сотрудника ГПУ Осипа Брика о том, как пытаются и расстреливают русских священников, — и это не только не было чем-то «несусветным» («Для нас тогда чекисты были — святые люди», — вспоминает Лиля в 60-е годы, и А.Ваксберг тает от умиления). Поглядеть со стороны — дикое несоответствие «преступлений и наказаний».

Читая сегодня подобные мемуары, а их много, видишь, что начиная с 60-х годов идет поиск любой зацепки, чтобы устроить антисоветскую истерику. При этом истерики и протесты поражают свой фальшью, фарсовым характером.

ром. В.Шкловский и М.Шатров подписывают письмо протеста в защиту Даниэля и Синявского — и тут же получают Государственную премию и ордена (уж не будем напоминать о том, что предписание провести суд над Синявским дал лично А.Н.Яковлев — «отец русской демократии»). О «протестах» Евтушенко и говорить нечего, их он предварительно согласовывал с Андроповым, получив от него, как и А.Д.Сахаров, прямой личный телефон и разрешение звонить в нужных случаях. Так что антисоветский поворот готовился спокойно и хладнокровно, в комфортабельных условиях.

А истоки возникшей в середине века ненависти к советскому строю в том, что СССР выстоял в войне и в нем вновь устроилась жизнь — не так, как было задумано. Это очень точно выразил Иосиф Бродский:

Там украшают флаг, обнявшись, серп и молот,
Но в стенку гвоздь не вбит и огород не полот.
Там, грубо говоря, великий план запорот.

До нашего огорода ему, конечно, мало дела. Главное — «великий план запорот». Об этом плач еврокоммунистов и всех наших ципко и яковлевых: не то, не то построили! А кого

же мы должны были слушать, кто «давал нам направление», кто нас вел? Тут уж не о русском мессианизме речь, а именно о еврейском:

Мы там, куда нас не просили,
Но темной ночью до зари
Мы пасынки слепой России
И мы ее поводыри.

У многих поводырей этот мотив окрашен горечью и пессимизмом, они так оправдывают свое «прощание с Россией»:

Провижу я награды и расправы,
Провижу призрак плахи и костра,
И мне претит сомнительное право
Играть в овечьем стаде роль козла.

В чем же наша вина? Когда охватываешь множество искренних упреков нашей «слепой России», то выходит, что ее вина в том, что она, несмотря на все усилия поводырей, и в облике СССР осталась самой собою, поводыри оказались ни с чем:

Мы дали вам Христа — себе в ущерб.
Мы дали Маркса вам — себе на горе.

И самое большое безобразие в том, что Россия вроде и не сопротивлялась, была овечьим стадом — а в сути своей не изменилась:

И та же пляска обгаренных душ -
Юродивых, насильников, кликуш,
Святых чертей, пророков бесноватых,
Пустых колоссов, странников горбатых,
Уставивших глазницы в никуда...
Россия, долго ль будешь виновата?

Сегодня одно из главных обвинений — сохранение советской Россией ее тысячелетней «рабской души» («наркоз покорности царям и мавзолеям»). Самое ненавистное ее выражение — сталинизм, культ личности Сталина. Принять это за искренний источник ненависти невозможно — ведь первыми концептуальными творцами культа Сталина были в 1934—1935 гг. «поводыри» Исаак Бабель и Борис Пастернак.

Другое обвинение, еще более жесткое, «на крови», — ГУЛАГ, репрессии («А есть только в крике истошном — проклятья стране лагерей»). Но опять же, когда перечитаешь все мемуары и посвященные этой трагедии стихи, слышишь лейтмотив обиды: как же так, репрессий были поручены аграновым, уншлихтам и шварцма-

нам, и они старались вовсю — но в результате под нож вместе с овцами пошли якиры, гамарники и сами же аграновы? Как это получилось? Что же это за овцы такие проклятые?

Был прав поэт: не взять умом,
Не заглянуть в глаза
Стране, помеченной клеймом,
И знать ее — нельзя.

Получается странная вещь: советская власть отменила черту оседлости и подняла в элиту массу евреев. Р.Рывкина так оценивает положение евреев в советский период: «Они активно использовали предоставленные им политические права и за годы советской власти, успешно интегрировавшись в социальную структуру советского общества, достигли многого». И в то же время отрицание советского строя в элитарных кругах еврейства распространилось широко.

Причем это отрицание гораздо глубже политического интереса, это отрицание советского человека. В книге «Русская идея и евреи» речь как раз идет о том, что этот человек вовсе не связан с политическим режимом, он в разных идеологических оболочках вырастает «из недр»,

это нечто большее, чем национальность. Говорится, что даже через десять лет перестройки, после развала СССР, «на физиономии советского человека мы обнаруживаем национал-патриотическое выражение. Оно, конечно, привычнее и кондовее, но речь идет... о восстановлении в новом качестве вида «хомо советикус», сколько бы этот «хомо» ни клял революцию, Ленина, большевиков и евреев».

То есть, этот особый биологический вид не исправим и заражает своим духом даже бедных Ясина и Чубайса. Ненависть к советскому человеку настолько слепа, что даже сегодня, через целую эпоху после уничтожения СССР, имея практически полноту власти в хозяйстве России, еврейские «магнаты» пытаются свалить вину за катастрофу реформы на «загадочную советскую душу». Банкир А.Смоленский дает такое объяснение: «Уже давно нет Советского Союза, нет у власти маразматических членов Политбюро, но их дело живет. Прежде всего жив большевизм, вернее — неольшевизм, с которым мы шли по жизни все минувшее десятилетие».

Этим, конечно, вонзают иглу и в сердце советского еврея, также принадлежащего к виду «хомо советикус». В антологии «Евреи и Рос-

сия» стихи в общем окрашены ностальгией по вечным атрибутам России, — березам, снегу, русской песне и водке — но ни одного доброго слова не сказано в адрес России советской. И в этом виден глубокий душевный надлом, потому что по множеству нюансов видно, что тоскуют евреи именно по советской русской песне и по советской водке.

Со стороны лидеров еврейства важным обвинением СССР в антисемитизме считается произошедший в 50-е годы разрыв с Израилем и идеологией сионизма. А до этого, как известно, СССР сыграл очень большую роль в создании государства Израиль и в оказании помощи сионистам. Вообще-то конфликт с сионизмом — конфликт на уровне идеологии или в крайнем случае политики — никак не может быть эквивалентом антисемитизма как противоречия гораздо более глубокого. Так что разрыв с Израилем не может служить доказательством «государственного антисемитизма» СССР и уж никак не может объяснить накал антисоветизма. Однако в связи с тем, что тема сионизма сегодня поднимается обеими сторонами в нынешнем конфликте, мы должны на нее отвлечься.

СИОНИСТОВ ОБИЖАЮТ

27 декабря 1998 г. по НТВ выступил главный раввин Москвы и кое-кто еще из еврейской элиты. Они смеялись над тем ответом, который КПРФ дала на грозный запрос Министерства юстиции об отношении партии к «антисемитским высказываниям» некоторых ее членов. КПРФ ответила, что она «против антисемитизма и против сионизма». На телеэкране еврейские интеллектуалы имитировали иронию: «Ха-ха-ха, коммунисты не знают, что такое сионизм. Это просто движение за то, чтобы евреи вернулись жить на свою исконную землю Израиль — всего-навсего».

Но сначала о самом поводе для заявлений. Поражает, как эти евреи, носящие нарукавные повязки «борцов за демократию», не замечают того мрачного поворота, которому они спо-

собствовали. Чиновник государства требует от политической партии объяснений относительно ее отношения к высказываниям отдельных личностей. Это несовместимо с самыми элементарными представлениями о гражданском обществе.

Юридическая мысль ельцинской администрации родила нечто небывалое. Юстиция требует у парламентской партии доказать, что она не сочувствует некоему тайному пороку («антисемитизму»), определения которому сама юстиция не дает и дать не может. Само понятие антисемитизма никак не определено в праве и является чисто идеологическим (да и в идеологии оно меняется вместе с «генеральной линией» сионистской партии). Сама идея ввести в правовую практику выяснение наличия или отсутствия в какой-либо партии, ассоциации, организации сочувствия высказыванию одного из ее членов есть юридическая нелепость, которой вряд ли кто-нибудь мог ожидать в конце XX века в стране с все еще приличным уровнем культуры. Над такими потугами охраны издевался Салтыков-Щедрин более ста лет назад.

На основании каких правовых норм чиновник администрации требует от партии или во-

обще от гражданина заявления об их отношении к какому-либо событию? Каким законом ему даны такие полномочия? Будет ли Министерство впредь опрашивать все партии и по поводу любого высказывания, которое чем-то не понравилось администрации? Будет ли действовать принцип взаимности, так что политические партии смогут требовать от президента или министра отчитаться о его отношении к заявлениям политиков или чиновников? Например, о высказываниях Б.А.Березовского с его животным антикоммунизмом?

Если инициатива Минюста увенчается успехом и этот прецедент положит начало широкой практике, в России создастся еще более нелепая политическая система, не предусмотренная никаким правом. Сам факт такого запроса есть косвенное утверждение права администрации выступать арбитром в идеологических вопросах. Это — признак тоталитарного государства, и раввин на НТВ напрасно поспешил его узаконить, пристегнув к этому делу иудаизм.

В принципе антисемитизм («нелюбовь к евреям»), даже если он доказан, не есть нарушение закона, поскольку закон не предписывает любить никакой народ — это сфера этики. Закон ограничивает не чувства, а действия в

отношении какой-либо национальности. Конечно, публичные речи политиков можно считать действием. Но в речах А.М.Макашова и В.И.Илюхина антисемитизма не было, т.к. в их заявлениях имелась в виду не национальность или народ, а конкретные и очень небольшие политические группы евреев. Очевидно, что депутаты В.И.Илюхин и А.М.Макашов не нарушили закона, им не было предъявлено никакого обвинения, и тем более нарушение закона не было установлено судом. Таким образом, Министерство недовольно высказываниями, целиком лежащими в сфере идеологии и этики. Но эти сферы не относятся к компетенции администрации.

Эпоха морально-политического единства общества закончилась, и по многим вопросам общество расколото — прежде всего в результате действий правящего режима. Вспомните лозунг А.Д.Сахарова, под которым пришли к власти антисоветские демократы: «Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» должен пониматься буквально». То есть демократы отвергли все этические запреты — что мы воочию видим хотя бы на телеэкране. Раз уж установили такой режим, надо бы и самим демократам следовать его правилам, а не

превращать государство в орган идеологического надзора. Единственная возможность сохранить хрупкий гражданский мир — действовать всем политическим силам в рамках права, оставив при себе свои идеологические предпочтения.

Да и вообще, не следовало бы лезть в сферу этики администрации президента, который вручил оружие неформалам-террористам для расстрела женщин и детей во дворе Верховного Совета РСФСР в октябре 1993 г. Тем более кощунственно выглядят моральные поучения по национальному вопросу — от президента, который послал авиацию бомбить города и села части России. Или от мэра Лужкова, который в октябре 1993 г. для «развлечения народа» послал ОМОН бить на улицах «лиц кавказской национальности».

Я сделал эти весьма банальные замечания, чтобы указать «борцам против антисемитизма» на их явную склонность к неправовым, несовместимым с духом демократии действиям — при том, что сами они этой своей склонности, похоже, не замечают. Соблазн тоталитаризма у них в подсознании — вот в чем дело! Выходит, это «внучата Троцкого», а не Спинозы и Монтескье.

Вернемся к сионизму. Лучше бы, конечно, раввину и духовным лидерам еврейства это дело не ворошить — не знают про сионизм русские люди, и ладно. Но раз они сами стали издеваться над незнанием и наивностью коммунистов, придется хоть чуть-чуть вспомнить факты. Кстати, незнание русских людей, которые по наивности считают сионизм просто еврейским национализмом — куда меньший грех, чем сознательное лицемерие и обман Е.Киселева и его собеседников на НТВ. Говорить, что сионизм — всего лишь идеология собирания евреев в Израиле, есть беспардонная «фабрикация истории», опасное для общества разрушение исторической памяти.

Не менее опасно то расщепление сознания, которое возникает у телезрителя, когда на его глазах образованные, вроде бы приличные люди применяют двойной стандарт к двум структурно схожим явлениям — не моргнув глазом. Известно, что передача «Итоги» была крайне антикоммунистической и просионистской. Ради бога, на здоровье. Но попробуйте применить к коммунизму тот же стандарт, что и к сионизму: «коммунизм — идеология социальной справедливости, не более того». Так нет, у НТВ образ коммунизма — ГУЛАГ. Зна-

чит, не идеология, а практика, причем очень давняя. Тогда вспомним о практике сионизма.

Сионисты первыми превратили государственный терроризм в массовую технологию. Многие арабские деятели, даже лояльные к Израилю, были убиты «письмом-бомбой». В 1983 г. Яков Элиав, командир спецгруппы «Лехи» («Суровая бригада»), входящей в соединение террористов под командой Ицхака Шамира, издал книгу мемуаров, в которой говорит, что «письмо-бомбу» изобрел он. 70 таких бомб было изготовлено в конвертах правительственной почты Великобритании для отправки всем членам ее совета министров, лидерам оппозиции и ряду военачальников. На конвертах был штамп «Лично. Секретно» — чтобы письмо распечатал сам адресат. В июне 1947 г. Элиав был арестован бельгийской полицией, а письма-бомбы перехвачены. Их производство было налажено потом, в 50-е годы, уже в Израиле.

Вообще методы сионистов при создании государства Израиль — мрачная страница истории. Чего стоят хотя бы виселицы с заложниками-англичанами или убийство посредника ООН Фолька Бернадотта. И ведь это был принципиальный и открытый выбор, ни о каком

смущении нет и речи. Командир той группы, что убила Бернадотта, недавний премьер-министр Израиля Ицхак Шамир, заявил в 1943 г.: «Ни еврейская мораль, ни еврейская традиция не исключают терроризма как средства борьбы». Терроризм отказался осудить и первый президент Израиля Хаим Вейцман, и первый премьер-министр Бен-Гурион (его близкий друг признался ему, что принимал участие в убийстве Бернадотта, но премьер-министр сохранил это в тайне).

Мир помнит, как ставили и решали сионисты, например, земельный вопрос в Палестине. Вот данные из доклада на конференции католического центра «Семинария мира» (Испания): только за три месяца, с декабря 1947 по февраль 1948 г. сионисты организовали более двух тысяч вооруженных нападений на арабские деревни, чтобы согнать палестинцев с земли. Террористы из отряда «Иргун» вырезали всех до одного жителей деревни Деир Яссин, включая грудных детей. Более 70 процентов целого народа (палестинских арабов) бросили свои дома и бежали. Этот сионизм — в прошлом? Но ведь совсем недавно командир того отряда «Иргун» М.Бегин был премьер-министром Израиля!

Об этом редкостном в мировой культуре признании терроризма как морально приемлемого средства борьбы политическим движением, которое находится у власти, писал в 1981 г. видный духовный лидер еврейства Исая Берлин. Исая Берлин, а не Альберт Макашов — утритесь, Доренко и Сванидзе.

Тема сионизма интенсивно обсуждается в книге «Русская идея и евреи». Там даже говорится о «мифе сионизма», даже такой идеологии как бы и не существует: «В том, что именно «сионизм» стал ключевым словом для обозначения врага в идеологии нового патриотизма, сказалось и влияние официальной антисионистской пропаганды, влияние созданного ею мифического образа сионизма».

На кого это рассчитано? Мифический образ создается именно сегодня. Ведь ни для кого не секрет, что отмена известной резолюции ООН 1975 г., осуждающей сионизм как форму расизма, вызвана просто изменением геополитической структуры мира. После ликвидации СССР всем странам «третьего мира» ничего не оставалось делать, как подчиниться Новому мировому порядку — и они послушно проголосовали за отмену резолюции. Но этим же не

отменить все те обстоятельства, которые вызвали ее принятие Генеральной Ассамблеей.

Да и вспомните совсем недавние голосования в Совете Безопасности ООН: резолюция с осуждением Израиля за бомбардировку лагеря беженцев близ Бейрута в 1988 г. — 14 голосов за, 1 против (США); за бомбардировку Туниса в 1988 г. (о которой США не предупредили своего союзника Тунис даже когда самолеты уже были в воздухе) — 14 голосов за, 1 воздержался (США). Да, сегодня всему миру наступили на горло, и правительства всех стран помалкивают, признают бандитское право сильного. Но злорадствовать по этому поводу — подло, господа российские демократы.

Кстати, позорно одобрять и старый принцип провокатора, которому следует сионизм. Израиль последовательно уничтожал и ослаблял умеренную часть палестинского движения сопротивления, возвращивал и провоцировал палестинский терроризм. Это — общий вывод еврейских и американских ученых, изучавших цели израильской интервенции в Ливан в 1982 г. (она стоила арабам 20 тысяч жизней). На это были направлены и внешне абсурдные бомбардировки лагерей палестинских беженцев, и убийства арабских деятелей. Лишь бы

под предлогом терроризма не идти на переговоры с ООП.

Что сионизм складывался не просто как еврейский национализм, а именно как расизм — известная и отраженная в множестве текстов и действий вещь. Потому и писал С.Н.Булгаков в 1942 г. о «еврейском расизме, завистливую пародию на который представляет собой расизм германский». Писал в израильском труде!

Вот слова Раби Кука, главного раввина евреев-ашкенази с 1921 по 1935 г., приведенные в израильской газете «Давар» от 26 сентября 1988 г. : «Различие между душой израильтянина и душами тех, кто не является иудеем, более велико и глубоко, нежели различие между душой человека и душой животных; различие между двумя последними носит количественный характер, а между двумя первыми — качественный». Ну, Киселев, прокомментируйте этот тезис в программе «Итоги»!

Давление течения расистов внутри сионизма не ослабевает и сегодня. Вот совсем недавний скандал в Израиле: там стало известно, что кровь чернокожих доноров — евреев из Эфиопии — демонстративно выбрасывается на помойку. Почему не вылить потихоньку в унитаз? Зачем наклеивать на склянки с кровью

этикетки «Не использовать. Донор из Эфиопии»? Результат — расовые волнения с уличными побоищами в самом Израиле.

Те, кто говорят о «мифе сионизма», умалчивают, что главная критика сионизма исходила и сегодня исходит вовсе не из советских источников. Они по своей силе и обоснованности не идут ни в какое сравнение с теми документами, что издают критики сионизма из среды самих евреев, особенно евреев США,— как религиозных, так и светских, умеренных сторонников политического компромисса евреев с арабами. К числу таких критиков относится, например, один из виднейших американских ученых лингвист Ноам Хомский. Можно ли и его считать антисемитом? Это было бы просто смешно.

Критика эта касается прежде всего практики сионизма в отношениях с арабами. Это, конечно, не только национальный вопрос — он связан с проблемой территории, земельной собственности, всех сторон политических отношений. Но под этой практикой лежит идеология сионизма, и в ней еврейские критики усматривают самый радикальный расизм.

Посмотрите опять, какие двойные стандарты были у НТВ. Сделав трагические глаза, Е.Кисе-

лев пообещал сказать нечто очень важное о КПРФ. Прямо страх прошиб! Вынимает какую-то книжку — автор из НПСР (кажется, Уваров). Зачитывает наш «борец с расизмом» жалкие сетования этого автора на тот факт, что большое число граждан из Закавказья, после того как добились «независимости» и развалили СССР, приехали в Москву и занялись тут бизнесом. Как сообщает то же телевидение, эти «граждане кавказской национальности» во многом контролируют торговлю. Что преступного написал этот Уваров? Русский человек на своей земле всего лишь жалуется на то, что ставшие «иностранцами» кавказцы душат русских торговцев. Он даже никого ни к чему не призывает — только жалуется (это вообще характерно для КПРФ). Чего Е.Киселев выпучил свои глаза?

Таков «расизм» КПРФ. Посмотрим на сионизм. Ноам Хомский пишет в крупном международном журнале «Архипелаг» (1989), что он собрал документальные свидетельства «расизма сионистского движения, начиная с его зарождения, в том числе расизма его самых уважаемых либеральных деятелей». Он приводит некоторые примеры — речь идет о концепту-

альном, а не бытовом расизме. И этот расизм стал именно общей идеологией.

В середине 1988 г., согласно опубликован-
ным в Израиле данным, 41% опрошенных ев-
реев-израильтян (даже без участия в опросе
прямо заинтересованных колонистов и жите-
лей кибуцев) поддерживали изгнание арабов с
оккупированных арабских территорий и 55%
выступали против предоставления равных с
евреями прав арабам — гражданам Израиля
(равных прав у них и нет). Сравните с ужасным
Уваровым из КПРФ: он жалуется на азербай-
джанцев, которые оккупировали московские
рынки. А почти половина евреев в Израиле
требуют очистить от арабов арабскую же землю,
незаконно оккупированную Израилем! И ска-
зать слово критики в адрес сионизма — чуть
ли не уголовное преступление. Ну как не
стыдно самим евреям — честным инженерам,
врачам, пенсионерам — терпеть такое издева-
тельство над здравым смыслом?

Н.Хомский в большой книге «Необходимые
иллюзии: контроль над мышлением в демокра-
тических обществах» (1992) берет образ сио-
низма как очень показательный пример того,
как «фабрикуется история». Он пишет: «Большая
часть сионистской литературы представляет

палестинцев как временных посетителей земли Израиля — недавно приехавших иммигрантов, привлеченных большим строительством, которое развернули евреи. Этот образ стал часто использоваться и в среде интеллигенции США». Н.Хомский далее показывает, как с помощью прессы и телевидения оказывается возможным убедить среднего американца (и даже видных левых, социал-демократических политиков США) в этой абсурдной идее — так что это положение в 1988 г. даже вошло в политическую программу республиканской партии.

Н.Хомский считает важным явлением современной западной культуры, которое заслуживает глубокого внимания, такой факт. В интеллектуальной среде США был устроен небывало шумный, «эйфорический» прием книги писателя-сиониста Джоана Петерса, в которой и был создан образ палестинца как иммигранта. Книга представляла из себя сознательный подлог, и видный еврейский специалист Н.Финкельштейн еще до начала шумихи написал очерк «Возложение вины на жертву», в котором дал серьезный анализ этого подлога. Он не смог опубликовать этот очерк в США, а его объяснения не желали слушать. Позже книга Дж.Петерса с треском провалилась в Англии,

получился скандал, и видные представители американской элиты, к которым обращался со своим очерком Финкельштейн, публично заявили, что ничего не знали о подлоге.

Насколько расизм пропитывает всю идеологию и практику отношений сионистов с арабами, мы видим постоянно в течение трех десятков лет — и помним все критические события. Когда в 1947 г. англичане не соглашались признать сионистов как представителей евреев Палестины (ввиду их терроризма), это было представлено как антисемитизм и расизм. Сам же Израиль и его союзник США до 1989 г. отказывались вести переговоры с Организацией освобождения Палестины, хотя она имела более широкую поддержку, чем сионисты среди евреев. В 1988 г. Ясиру Арафату, который должен был выступить на Генеральной Ассамблее ООН, США отказали в визе — вопреки закону об ООН. И пришлось всей Генеральной Ассамблее ООН перебираться в Женеву.

Когда оказалось, что справиться с начатым в 1987 г. мирным восстанием (интифадой) невозможно, Израиль пошел на уступки. Но какова фразеология! Обозреватель «Нью-Йорк Таймс» по Палестине Т.Фридман объяснил так: «Как только Ахмед получит право войти в ав-

тобус, он поубавит свои требования». Это буквально повторяет ту поговорку, с которой расисты Юга США в 50-е годы планировали уступки неграм: «Дайте Самбо место в автобусе, и он успокоится».

Вообще то, что пишется об арабах деятелями сионизма даже в респектабельных академических изданиях, не поддается квалификации. Просто свинство какое-то! Н.Хомский замечает: «Можно представить себе, какую реакцию вызвало бы подобное заявление какого-нибудь уважаемого профессора — но о евреях». Он честно признает, что на фоне того расизма, которым проникнуто все, что говорится об арабах в книгах, фильмах, комиксах и на телевидении, никакие разговоры об анти-семитизме нельзя принимать всерьез.

В декабре 1988 г. в газете «Крисчен Сайенс Монитор» вышла статья, названная чуть ли не революционной,— впервые допускалась возможность переговоров с ООП. Автор говорил как бы от имени «проарабских» кругов США. Но как! Арабов учили, как должно вести себя их будущее государство: «Если вы будете казаться хоть слегка враждебными Израилю, мы откажемся от вас и разрешим, чтобы Израиль

осуществил аннексию вашего нового государства и сбросил ваш народ в море».

Почему же в последние годы сионисты пошли на попятную, ведут переговоры с ООП и соглашаются на палестинскую автономию? Только в результате интифады. Но в ходе ее сионизм проявил себя самым нехорошим образом. Это отражено в огромном массиве документов, собранных и сторонниками мира с арабами, и умеренными сионистами, рядом депутатов Кнессета (парламента Израиля) и официальной «Комиссией Ландау» (члена Верховного суда). Многие из этих документов опубликовал в США Н.Хомский, который сам посещал Палестину и написал «Записки об интифаде». Опыт ее важен для русских.

Интифада — мирная революция нового типа, продукт конца XX века. Способ действий в ней разрабатывала группа европейских и арабских ученых — психологов, социологов и культурологов, люди умные и чуткие. Мне посчастливилось в 1990 г. слышать этих людей, которые объяснили предложенную ими программу, и, я думаю, ее можно считать достижением современного обществоведения. Главный принцип интифады — непрерывность и полный отказ от насилия. Действующие лица — дети и подро-

стки. Когда по телевидению нам показывают сцены, в которых мальчишки швыряют камни в израильских солдат, надо понять смысл.

Психологи предвидели, что когда детям и подросткам придется открыто выйти против вооруженных солдат, они испытают невыносимый стресс. Именно для того, чтобы разрядить его, снять напряжение, им разрешили кидать камни — но не стараясь нанести травмы солдатам. На практике так и было, физического вреда израильские солдаты практически не понесли. Но оказалось, что их моральное состояние от сопротивления детей страдало очень сильно. Известный военный историк Израиля заметил, что «одна из лучших боевых армий мира быстро дегенерирует в полицейскую силу четвертого сорта». По его оценкам, после интифады армия Израиля показала бы себя в серьезной войне не лучше, чем аргентинцы на Мальвинских островах.

Как же ответили сионисты на революцию детей? Поначалу позорно. Уже упомянутый Т.Фридман, любящий афоризмы, предупредил палестинских подростков: «если один из наших попадет в госпиталь, 200 ваших попадут на кладбище». Интифада началась в декабре 1987 г. В декабре 1989 г., будучи в Испании, я

слышал официальное сообщение: к тому моменту на оккупированных территориях погибло 2 тысячи детей и подростков.

Допустим, тоже стресс — солдат-юноша не выдержал и разрядил автомат. Но ведь главное — систематические избиения детей. По данным медиков и наблюдателей, многим детям 5-7 лет, которые не успевали убежать, солдаты ударами палки перебивали кости рук и ног, отбивали почки или брызгали слезоточивым газом прямо в глаза. Как сообщил корреспонденту командир роты, «им был дан четкий приказ: бить любого подозреваемого так, чтобы на один-два месяца сделать для него невозможным участие в акциях [протеста]».

Документы об избиении детей потрясают. Среди документов немало показаний самих ужаснувшихся солдат. В прессу попадали особые, из ряда вон случаи. Так, побоями изувечили мальчика 10 лет за то, что он не отвечал на требование назвать детей, которые кидали камни. Кричавшую и рыдающую мать тоже избили. Мальчик был глухонемой, что и пыталась объяснить мать. Когда это выяснилось, искалеченного ребенка просто бросили, продолжив «охоту».

Ребенок семи лет успел заскочить в свой дом и спрятаться под кроватью. Его искали, нашли и избили — а потом избили отца и брата за то, что они отказались указать его убежище. Все это под истерические крики маленьких братьев, которых солдаты запретили успокаивать. Очень часто в таких случаях солдаты били ребенка не сами, а заставляли его отца, приходя в раж. Были случаи, когда отец при этом сам впадал в истерику и забивал ребенка ногами. Иногда, наоборот, в наказание детям солдаты на их глазах до смерти забивали отца.

Н.Хомский делает важный вывод: тот факт, что массовые избиения детей продолжались более десяти лет при полном отказе прессы США публиковать о них сообщения, очень многое говорит о западной культуре. Не о политике, а именно о культуре.

Садизм, с которым избивались дети, порастил израильтян. Философ Авишай Маргалит собрал возможные объяснения этого садизма. Так, тогдашний министр обороны Ицхак Рабин считал, что избиения «необходимы, чтобы возродить чувство гордости солдата в ответ на вызов палестинцев». В ходу был такой лозунг: «Стереть улыбку с лица палестинского юноши». На главной улице Западного Иерусалима

избивали всех арабов, которые осмеливались поднять голову. А.Маргалит собрал документы о массовых издевательствах, смысл которых мог быть лишь в одном — разжечь ненависть арабов и заставить их перейти к насилию, к терроризму (это «жесткий» вариант разжигания антисемитизма). Не хочется пересказывать эти сообщения.

Интифада была успешной, она расколола израильское общество, заставила многих одуматься. Палестинские мальчики проявили поразительную дисциплину и самоотверженность и, думаю, многие евреи в душе им благодарны. Но о результатах говорить пока еще рано.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все сведения о сионизме взял я не в советской печати, не у Макашова с Илюхиным, а из еврейских источников. Большую часть — из материалов, собранных Н.Хомским. Сам он — гордость мирового еврейства, его биография включена в книгу «Знаменитые евреи» (М., 1992), где собраны сведения о 130 великих евреях всех времен и народов. Отец его, крупный лингвист, эмигрировал из России в США в 1913 г. и создал первую грамматику средневекового иврита. Так что тут все в порядке. Н.Хомский, сам крупный ученый, снабдил все свои мате-

риалы такими скрупулезными ссылками, какие не встречаются и в науке,— знал, что ошибиться и дать ненадежный источник ему нельзя, загрызут. Так что любой честный еврей, особенно с высшим образованием, не может просто отмахнуться от Н.Хомского под предлогом его невежества или антисемитизма.

Не будь той лживой передачи НТВ (28 декабря), я бы не стал трогать вопрос о сионизме и бросать в него камень. Ведь кое в чем он схож с русским большевизмом. У большевиков не было «национального» расизма — это бесценное свойство державного русского народа, подкрепленное идеологией коммунизма. Но был расизм «социальный» — ненависть к «расе буржуев», правда, очень быстро изжитая. У сионистов — тот же, что и у большевиков, месссианский накал, при котором образ «светлого будущего» застилает глаза, так что не жаль крови ни врага, ни друга, ни себя самого. Кроме того, сионизм не монолитен, как и большевизм,— ведь и у нас в одной партии были Шолохов и Троцкий. Да и меняется сионизм в том же направлении, что и большевизм. Недаром фундаменталист убил в Израиле премьер-министра, бывшего террориста. Медленно меняется, но меняется.

Кроме того, не люблю я, когда навешивают на кого бы то ни было чужие грехи. По простоте душевной у нас принято называть «сионистом» всякого неприятного еврея. Гусинский? Сионист, кто же еще! На самом деле ни Ясин, ни Березовский, ни Кириенко к сионизму, я думаю, никакого отношения не имеют. Они — порождение типично советской номенклатуры, пошедшей в услужение к мировому финансовому капиталу. Они и евреи-то липовые, плевать они хотели на кагал, на Тору, на Талмуд и на Сион. Так что напомнил я исторические сведения о сионизме исключительно потому, что невозможно терпеть, когда продажные «шестерки» с НТВ так нахально обманывают людей.

СТАНУТ ЛИ ЧУЖИМИ СЫНЫ ИЕГУДЫ?

Вернемся к исторической загадке — разрыву «магнатов» еврейства России с советским строем и открытому переходу на сторону противника СССР в холодной войне. Это был сложный маневр — ведь для него пришлось разрушить дорогие для множества евреев символы и образы их коллективной памяти. Но этот маневр удался.

Поразительно, что даже война против нацизма не отмечена еврейскими поэтами как война советского народа, есть лишь лирические переживания самих евреев-фронтовиков или детей. По сути, И.Бродский говорит вслед за В.Гроссманом, что дело нашей войны было несправое. Вот читаем в его стихах «На смерть Жукова»:

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

Значит, и советский Неизвестный солдат, и
вслед за ним Жуков пошли, по мнению Иоси-
фа Бродского, прямо в ад. А мы-то думали,
что хоть они не провинились перед цивилизо-
ванным человечеством. Какие чувства бушуют
в этих стихах Бродского? Каждый скажет: глу-
хая, зрелая ненависть к Жукову. Хотелось бы
допытаться у кого-нибудь из евреев — почему?
Ведь, согласитесь, эту ненависть объяснить
непросто — евреи воевали бок о бок с русски-
ми и другими народами СССР.

Когда прочтешь несколько раз сразу все
стихи, как-то отражающие треугольник «СССР —
евреи — Гитлер», то выходит, что ненависть
вызывает именно СССР. А палачи евреев, СС,
восприняты как некая потусторонняя сила, ко-
торая на миг появилась, потом исчезла, но ко-
торую нет нужды ненавидеть. Уж во всяком
случае, никакого отношения к немцам, Герма-

нии, Западу эта сила не имеет. Это — непонятный, но важный выверт еврейского сознания, который и сегодня действует.

Выше мы говорили о том, как, «пристегнув» черносотенство к нацизму, маленькими шагами подводят затем к такой картине, при которой нацисты как бы выпадают из истории, и оказывается, что «Холокост — русская тема». На этом пути даже идеологи, припудренные академическими регалиями, вынуждены идти на примитивные подтасовки. Так, М.Гефтер пишет: об «ответственности и пагубности военного союза Гитлера и Сталина, из которого органически проистекали... возможности чело-векоистребления, заявленные Холокостом».

Итак, поднятый на пьедестал историк и философ М.Гефтер подменяет понятие «пакта о ненападении» совершенно иным понятием — военного союза (потом мы удивляемся, почему американские юнцы думают, что во Второй мировой войне США воевали против союза Гитлера и Сталина). При этом историка нисколько не смущает, что пакты о ненападении с Гитлером Англия и Франция подписали в 1938 г. — на год раньше СССР. Ни у кого и в мыслях нет сказать, что из тех пактов «органически» вытекал Холокост — только из пакта с СССР. О том,

что все подобные истории самым чудесным образом «забыли» о Мюнхенских соглашениях, и говорить не приходится.

В годы перестройки те, кто взял на себя роль рупора еврейства, выступили против советского строя уже совсем открыто. Вспомним, как использовали иудаизм для освящения борьбы против СССР. Главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт заявил в «Независимой газете»: «Гематрия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова «Мицраим» — «Египет» и «СССР» одинакова. Так же и ситуация сейчас во многом сходна». Значит, война против СССР носила религиозный характер? Значит, наша страна олицетворяла «египетский плен», а мы, «египтяне», должны претерпеть все ужасы, насланные Саваофом на Египет?

Что же вменялось в вину СССР за последние сорок лет? Ни много ни мало, государственный антисемитизм. Это обвинение просто навязло в зубах, хотя само «преступление» неуловимо, как призрак. Д.Фурман представляет СССР, вплоть до прихода освободителя Горбачева, бастионом антисемитизма: «Прошное

евреев, начиная с падения Второго храма и кончая прекратившейся лишь с перестройкой официальной «борьбой с сионизмом» — это сплошная цепь преследований и унижений». Как видим, СССР отведено в этой «сплошной цепи» исключительное место. Уничтожение СССР видится поистине как «конец истории».

Мало-мальски строгие исследования самих еврейских социологов показывают, что антисемитизма в СССР не было. Доля евреев в самых элитарных и влиятельных профессиях была такая, что сионисты начала XX века и мечтать не могли. Более того, уровень антисемитизма в СССР и даже сегодня в России, согласно ряду международных исследований, ниже, чем во всех изученных «цивилизованных» странах. Даже в «лучшем из миров» — США — был обнаружен высокий уровень антисемитизма. По данным 1993 г., 35-40 млн. взрослых жителей США «бесспорно являются антисемитами». Но антиамериканских настроений в среде лидеров российского еврейства и в поmine нет.

Надо подчеркнуть, что 40 млн. убежденных антисемитов насчитывалось в США в 1993 г., в момент экономического процветания и радости от победы в холодной войне. Как только в

США возникает хоть едва заметный кризис, к которому каким-то боком можно пристегнуть евреев, положение резко меняется — антисемитизм достигает белого каления. Мой друг (возможно, еврей) работал в 70-е годы переводчиком в ООН. Как-то он приехал в Москву сразу после нефтяного кризиса 1973 г., который случился после войны Израиля с арабами. Он рассказывал в ужасе: подскочили цены на бензин, и множество американцев (особенно персонал автозаправочных станций) нацепили круглые значки: «Убей еврея!». Значки эти продавались на каждом углу. В России же антисемитизма не находят в условиях экономической катастрофы, когда люди дошли до края отчаяния — при том, что к этой катастрофе вела череда министров экономики — евреев.

Таким образом, обычного антисемитизма в реальной «системе координат», то есть в сравнении с общемировой реальностью, исследования не обнаруживают. Чем же подтверждают обвинение в «государственном» антисемитизме? Р.Рывкина — доктор из Академии наук — пишет, что в СССР «как в явной, так (чаще) и в скрытой форме, проводилась политика государственного антисемитизма, принимавшая преступные формы, вплоть до

попыток депортации». То есть она обвиняет государство даже не в намерениях, а прямо в попытках депортации.

Казалось бы, человек, претендующий на титул ученого, должен был бы при таком тяжелом обвинении, чуть ли не на уровне Нюрнбергского процесса, привести надежно установленные факты, документы и т.д. Ничего! А ведь в годы перестройки перерыли все архивы и подзудили людей на самые фантастические «свидетельские показания». Ну хоть что-то могла Р.Рывкина притянуть к такому обвинению в своей главе «Социальное положение евреев в СССР». Видно, ничего не нашла. Даже ни одной серьезной литературной ссылки — кроме какой-то публикации из Израиля никак не научного характера (это видно по реквизитам). За такие вещи в царской России канделябрами били.

Что же остается? Так называемая «процентная норма» — ограничение на прием евреев в вузы. Д.Фурман пишет: «Несмотря на все препоны, создававшиеся советским антисемитизмом, на ограничения при приеме во все вузы и просто невозможность для евреев поступить в некоторые, наиболее престижные из них, евреи значительно, на порядок образованнее рус-

ских, что объяснимо лишь громадной, преодолевающей все препоны тягой к образованию».

Воображение философа отказывается даже предположить, что исключительно высокий образовательный уровень евреев в СССР может объясняться, во-первых, их социальным положением (более благоприятными «стартовыми возможностями» молодежи из еврейских семей) и, во-вторых, отсутствием реальных «препон». Таких простых и общеизвестных для социолога объяснений Д.Фурман не приемлет, он усматривает единственный и не поддающийся проверке фактор — наличие в евреях «генетической» тяги к образованию.

На симпозиуме с учеными США в 1994 г. одна социолог, в прошлом секретарь партбюро моего института, жаловалась американцам, — почти как инспекторам — на дискриминацию евреев в советских вузах. Те кивали головами — зная о проценте евреев с высшим образованием и учеными степенями в СССР (в 1982 г. число докторов наук среди евреев было в 17,5 раз больше, чем среди русских, в 29 раз больше, чем среди украинцев, и в 37,6 раз больше, чем среди белорусов).

Я спросил докладчика и тех, кто ей кивал: какая, по их мнению, должна была бы быть

«нормальная» доля евреев, если бы не было «дискриминации», и какова доля других народов? На вопрос не только не ответили, но и посчитали как бы неприличным. А ведь вопрос естественный. Если уж от нас скрывают, что такое антисемитизм, то скажите хотя бы, что не считается антисемитизмом!

Вообще-то сословные и национальные «квоты» — обычное и нормальное условие воспроизводства традиционного общества. Что общество старой России, а затем СССР, относилось к категории традиционных — не вызывает сомнения. Поэтому прилагать к нему мерки гражданского общества просто глупо. Да и вряд ли евреи делают это искренне, не настолько они оболванены евроцентризмом. Скорее всего, все эти истерики относительно «процентных норм» — спектакль. Без «процентных норм» разного рода все малые народы давно бы ассимилировались в России, а евреи утеряли бы весь свой мессианский дух. (Кстати, сегодня, когда США официально отказались от расовой сегрегации, а их «этнический тигель» не в состоянии переварить некоторые меньшинства, там вынуждены вводить ограничительные «процентные нормы» для белых иммигрантов из Европы, например, на го-

сударственной службе — но наши правозащитники США за это не клеймят. Так что не в квотах дело).

Реальные конфликты возникают не по поводу формально существующих квот, а в связи с их величиной. Здесь евреи всегда умели договариваться. Так, официальные «нормы» в царской России при численности евреев 3% от всего населения составляли для университета Петербурга 3%, для Центральной России 5% и для областей в «черте оседлости» 10%. А реально только студентов иудейского вероисповедания (то есть не считая крещеных евреев, которых было немало) было в Петербургском университете 17,7%, в Киевском 20% и в Новороссийском 34%. Фактически высшее образование получали все евреи, которые этого добивались (в 1928 г., когда не было абсолютно никаких ограничений и «норм», их доля среди студентов была даже чуть меньше, чем в 1886 г.).

Кажется немыслимым — сообщать (как в книге Р.Рывкиной), что практически все (точнее, 76%) евреи в постсоветской России имеют высшее образование, и в то же время доказывать наличие государственного антисемитизма ограничениями на прием евреев в вузы. Когда

вникаешь в подоплеку этого странного противоречия, начинает казаться, что суть обиды не в том, что в вузы не пускали евреев, а в том, что к высшему образованию допустили «чумазных» — всяких казахов и узбеков. Вот как объясняет эту суть еврейский поэт:

Шли дебилы по столице
в университет московский

.....

И глядел на их движенье
восхищенно и печально,
в генах Эдисон, возможно,
мальчик Изя Шнеерсон.

Что же получается: когда А.М.Макашов ставит чисто ритуальный вопрос о квотах национального представительства, это называют расизмом, хотя это именно демократическая идея «равных стартовых возможностей», попытка смягчить различия материальных возможностей детей из разных социальных групп и национальностей. А демократичным наши «поводыри» называют требование принять в МГУ мальчика Изю на том основании, что он «в генах, возможно, Эдисон».

Представьте, в какую яму загоняет себя и своих единомышленников еврейский поэт.

Ведь одно из двух: или он требует чисто политических привилегий для евреев по их анкетным данным (то есть явного национального неравенства в ущерб всем неевреям), или он просто расист, поскольку считает, что евреи генетически талантливый, а неевреи — генетически обусловленные дебилы. Тут уж прямо можно говорить о примитивном расизме и «анализе крови» — как иначе приемная комиссия МГУ может обнаружить у Изи Шнеерсона «гены Эдисона».

Кстати, когда Аушев с Шаймиевым фыркают на А.М.Макашова из-за идеи «национальных квот», то ингушам и татарам полезно было бы вспомнить, что в советское время эти квоты вводились не ради русских — доля студентов среди русских с 1927 по 1965 г. нисколько не менялась (около 1,1%). Снижение доли студентов среди евреев с 7,5 до 2,18% целиком пошло на то, чтобы облегчить доступ в вузы молодым людям тюркских и кавказских народов (данные взяты из книги Р.Рывкиной). Так, среди казахов доля студентов выросла с 0,07% до 1,06%. Может быть, и они считают, что настала пора плевать в колодцы?

Образ окружающих еврея людей как дебилов, похоже, кое-кому греет душу. Через ев-

рейские стихи о России проходит, повторяясь иногда почти дословно, одна болезненная мысль — о серости и глупости советской жизни. Сильнее и злее всего, даже со злорадством, она выражена у Бродского, но это довольно общая мысль. Просто у других, в отличие от Бродского, она окрашена жалостью и ностальгией:

Поделом мне, собаке безродной,
Прилепившейся жадно во мгле
К этой горестной, глупой, голодной,
Разъединственной этой земле.

Или:

...Чтоб смогла отлюбить
Окаянный, бездарный, родной
Этот северный край,
Эту серую горькую землю.

Это горе трогает, даже не знаешь, чем помочь, «чтоб смогла отлюбить». Насчет бездарности, конечно, поэты загнули. Есть же у нас творческие гиганты — Марк Захаров, Хазанов, Евтушенко.

Но если отставить шутки, то за этими злыми, в слезах, обвинениями России в бездарности слышится предчувствие катастрофы. И тут мож-

но понять, какой великий план был «запорот» именно в советской России — план, на который надеялись в России начала века. Эта катастрофа — бесплодность сионизма, оторвавшего от России. Так неудачник-интеллектуал, выросший из маленького вундеркинда, глядит на свои похвальные грамоты и ненавидит родителей, которые передали ему «бездарные» гены. Мальчик подавал надежды и казался будущим гением только под крылышком родителей.

Вот и плачут поэты: ведь в серой «стране негодяев» расцветали и Пастернак, и Зельдович, блестящие математики и шахматисты. Жить им в России было плохо, неудобно: «там, наливая чай, ломают зуб о пряник...». И в какой-то момент евреи поверили, что и Зельдович, и Ботвинник возникли вопреки России, несмотря на ее жесткий пряник и трехгранный штык. И стали лидеры еврейства собирать на Сион будущих зельдовичей не по-хорошему, а отрезая пуповину:

Что за высоты
открылись с Сиона еврею!
Вычистил душу,
как будто загаженный Храм.

Но что-то было не так. Было предчувствие: «а под утро приснится страна где росли мы как пила на сук». Пилили сук, но вроде бы простое и хитрое решение Исхода с самого начала беспокоило какой-то червоточиной:

Новые затеявши затеи
и со страха нервно балагурия,
едут приобщаться иудеи
к наконец-то собственной культуре.

Сегодня, через полвека существования такого, плюнувшего в колодец, государства Израиль, итоги не слишком радуют духовно чуткую часть еврейства. Да, есть хорошая спецслужба «Моссад», работает творчески и безжалостно, но в ней видна матрица ГПУ. Неплохой автомат «Узи», но его сделал сотрудник Калашникова. Где же Песнь Песней? Где хотя бы математики и шахматисты?

Но пока еще червоточина проекта не превратилась в его угасание. Разрыв не произошел, и не надо бы к нему вести. Русские его не хотят. Может быть, это и настораживает гусинских? Так и не думайте о русских. Поду-

майте о тех евреях, которые уже сегодня говорят с горечью, даже без знаков препинания:

Когда умирать мне придется чуть живы
Прошепчут мои полумертвые губы
Мы стали чужими Россия чужими
А были своими сыны Иегуды

ДИССИДЕНТЫ — СОВЕТСКАЯ «ЗАКВАСКА» АНТИСОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

В 60-е годы зародилось, а в 70-е стало важным явлением общественной жизни СССР течение, которое получило туманное название "диссиденты". Это были полужурнальные организации активных антисоветских деятелей. С течением времени их организации все больше формализовались — налаживалась связь, финансирование, база для издания и распространения печатных материалов.

Поскольку все это разношерстное движение было тесно связано и с КГБ в СССР, и со спецслужбами Запада, об организационной стороне дела известно мало. Впрочем, мелких, но красноречивых свидетельств в литературе достаточно, и когда-нибудь найдутся истории, чтобы составить подробную фактическую картину. Для нас здесь важно то влияние, ко-

торое диссиденты оказывали на общество — независимо от того, что творилось у них на кухне.

Сразу сделаю оговорку, ввиду того, что на нас довлеет механистическое представление о том, что влиятельно то, чего много. А поскольку диссидентов была ничтожная кучка, то реально повлиять на массовое сознание они не могли. Это ошибочное представление — уже в Библии хорошо объяснена роль "закваски", дрожжей, ничтожного по величине, но активного и размножающегося элемента системы.

Реально действительность диссидентов постоянно присутствовала в сознании практически всей интеллигенции, в особенности партийно-государственной элиты. Тот факт, что она непосредственно не достигала крестьян и в малой степени достигала рабочих, дела не меняет — идеи диссидентов до этих массивных групп населения доводили агрономы и учителя, врачи и инженеры.

Второе важное обстоятельство, которое часто упускается из виду, состоит в том, что диссиденты работали в системном взаимодействии с пропагандистской машиной Запада. А это была такая мощная служба психологической войны, что нам и представить себе трудно.

Без участия диссидентов — "наших", изнутри советского общества, пропаганда "оттуда" потеряла бы большую часть своей силы. Диссиденты с "Голосом Америки" вместе составили систему с сильнейшим кооперативным эффектом, а в такой системе бессмысленно оценивать силу по количественным размерам отдельных элементов.

Наконец, деятельность диссидентов была и потому эффективна, что они, как это ни парадоксально, были включены в большую и слаженную систему буквально общенародного обсуждения общественных, гражданских проблем. Парадокс в том, что это была именно советская система, которая обязывала каждого члена общества участвовать в этом обсуждении — через собрания, систему "политпросвещения", общество "Знание", СМИ. Официальная, открытая часть этой системы во многом не удовлетворяла новые поколения, а то и опротивела им. Диссиденты стали "теневой" частью этой системы, они работали на контрастах, в новых жанрах, как "творческое меньшинство", — но они использовали инфраструктуру официальной системы. Жванецкий выступал со своим антисоветским юмором на собраниях трудовых коллективов, организованных тем же "сектором

культпросветработы", что на другое собрание приглашал лектора по международному положению, какого-нибудь большого или маленького А.Бовина. Диссиденты были вирусами, которые пользуются огромным аппаратом клетки. Они на ней паразитируют, нет клетки — нет и вируса. Поэтому понятно, почему теперь, когда вся эта система сломана, оппозиция рыночным реформам, имея в главных своих установках поддержку большинства населения, по эффективности своих сообщений не идет ни в какое сравнение с теми диссидентами, которые паразитировали на советской системе "политпросвета".

Таким образом, важно учитывать взаимодействие разных частей системы. Люди старшего поколения помнят еще "самиздат" — издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а "голоса" слушала значительная часть интеллигенции.

Но и эффект печатной продукции "самиздата" был велик. Старый, испытанный еще в Великой французской революции прием захвата аудитории — представление идеологических сообщений в виде "запретного плода". Имен-

но тогда, в период деятельности энциклопедистов, возник "самиздат" — изготовление и распространение нелегальной и полулегальной литературы. В СССР эта индустрия расцвела в 60-е годы как средство психологической войны (к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов). Тогда в СССР даже ходил анекдот: старушка перепечатывает на машинке "Войну и мир" Толстого. Ее спрашивают: вы что, с ума сошли? — "Нет, я хочу, чтобы внучка роман прочитала, а она читает только то, что напечатано на машинке".

Иными словами, захват аудитории в программе "Самиздат" достигался не высокой ценностью самого материала, а искусственно созданной приманкой — запретностью текста. Кто сегодня станет читать эти надрывные малохудожественные поделки! Авторы, издатели и распространители "самиздата" обращались к подавленным официальными нормами стереотипам в сознании. Это делало читателя как бы посвященным, причастным к какому-то тайному и важному "общему делу". Интересный исторический и социологический обзор самиздата в Чехословакии опубликован прези-

дентом Чешского социологического общества М.Петрусеком (М.Петрусек. Чехословацкий самиздат как фактор социальных изменений. — СОЦИС, 1993, № 8). Очень многие наблюдения и выводы прямо приложимы и к самиздату в СССР.

Главный эффект от деятельности диссидентов состоял не в том, что они смогли доказать порочность советского строя и убедить в этом людей,— они для этого не имели ни целостной системы доводов, ни какого-то позитивного проекта, который могли бы противопоставить советскому. Более того, диссиденты разных течений, составляя все же одну, соединенную антисоветским пафосом партию, зачастую атаковали советский строй с совершенно противоположных позиций. Например, Сахаров мог проклинать СССР за русский имперский шовинизм, а его соратник и сотоварищ Шафаревич — за якобы лежащую в основании советского государства русофобию. И ничего — никакой идейной или личной вражды.

Результат усилий диссидентов был гораздо фундаментальнее и глубже, ибо он не лежал в рациональной сфере (доказательство чего-то с разумными аргументами). Диссиденты сыграли роль еретика в монастыре — еретика, ко-

торый даже не утверждал, что Бога нет, и не предлагал иной картины мира, он лишь предлагал обсудить вопрос: "А есть ли Бог?". Конечно, рационализация советской идеологии и сокращение в ней идеократического компонента назрели — иным стал уровень и тип образования, утрачена память о бедствиях, которые легитимировали тотальную сплоченность. Поэтому инициатива диссидентов была, в общем, благожелательно воспринята даже в совершенно лояльных к советскому строю кругах интеллигенции.

Однако никакого результата, полезного для нашего народа, от работы диссидентов я найти не могу — потому, что они очень быстро подчинили всю эту работу целям и задачам врага СССР в холодной войне. И те плоды поражения СССР, которые мы сегодня пожинаем, можно было вполне предвидеть уже в 70-е годы. На совести диссидентов — тяжелейшие страдания огромных масс людей и очень большая кровь.

Диссиденты подпиливали главную опору идеократического государства — согласие в признании нескольких священных идей. В число таких идей входили идея справедливости, братства народов, необходимость выстоять в

холодной войне с Западом. Диссиденты, говоря на рациональном, близком интеллигенции языке, соблазнили ее открыто и методично поставить под сомнение все эти идеи. Сам этот вроде бы невинный переход на деле подрывал всю конструкцию советского государства, что в момент смены поколений и в условиях холодной войны имело фатальное значение.

Разумеется, без того, чтобы на сторону противника в холодной войне перешел весь правящий слой (номенклатура), эффект от диссидентов был бы нулевым — обоснование советского строя вполне могло бы быть переведено на язык рациональных понятий, и в открытом диалоге никакого шанса на успех диссиденты иметь не могли. Более того, в этих условиях само их внутренне противоречивое движение просто исчезло бы. Так что уже с 70-х годов его живучесть и успех определялись уже не только явной поддержкой Запада, но и тайной поддержкой номенклатуры вплоть до ее высших уровней. При этом, поскольку будущие "архитекторы и прорабы" перестройки ориентировались именно на союз с Западом, то режим наибольшего благоприятствования предоставлялся диссидентам-"западникам". Если против них и применялись "репрессии", то к этому

обязывал сам жанр политического спектакля и роль диссидентов как "борцов с тоталитаризмом". Не было бы Сахарова времен перестройки без его "ссылки" в ужасный город Горький.

Судя по публикациям и выступлениям диссидентов во время перестройки, в большинстве своем они были людьми с очень специфическим, суженным сознанием, в котором мессианская идея борьбы с "империей зла" потеснила, а порой и вообще вытеснила здравый смысл и ценности, утверждающие жизнь обычного человека. Поэтому, как бы ни относиться к идеям диссидентов, ни в коем случае нельзя было в 80-е годы допускать их к власти и тем более делать законодателями в сфере морали и политики. Строго говоря, сам жизненный "жанр" диссидента этому противопоставлен. То, что бригада Горбачева-Яковлева вытащила этих людей на политическую арену, было чревато большими издержками (как это и произошло в драматической форме, например, в Грузии или Таджикистане).

Призрак катастрофы уже потому мы должны были заметить, что идиологом у возбужденной антисоветской публики стал академик А.Д.Сахаров — безумный наивный старец, который всю жизнь "под колпаком", в искусст-

венной обстановке, прокорпел над водородной бомбой. А потом вырвался в воображенный им мир и оказался под таким же колпаком иностранной прессы и подсадных "диссидентов". И стал вещать с авторитетом пророка: разделить Россию на 50 нормальных государств! Немедленно разрешить куплю-продажу земли! Но что он мог знать о земле или о купле-продаже хотя бы картошки — из какого жизненного опыта? Прочтите сегодня, на свежую голову, все его статьи и речи, ведь в них нет и следа тех проблем, которыми живет человек в России. Читаю и думаю: да знал ли он хоть русскую литературу?

Хотя диссидентство было очень разношерстным и изменчивым течением, в нем можно выделить главные направления. Основным из них и по масштабу, и по влиянию являлось направление "западников". Оно в конце 80-х годов и пришло к власти (точнее, было взято властью в качестве прикрытия). Символом и выразителем этого направления был А.Д.Сахаров. Около него находилась другая влиятельная фигура — Е.Г.Боннер, в чем-то более радикальная и ярко выраженная, но, в принципе, разделяющая главные установки Сахарова.

Сахаров, безусловно, был взят как знамя той радикальной антисоветской партией, которая пришла к власти в 1991 г. и с тех пор определяет ход "реформ". В 1994 г., к 73-й годовщине со дня рождения А.Д. Сахарова, Администрация Президента РФ издала брошюру ("Слово о Сахарове. Научно-практическая конференция, посвященная 73-й годовщине со дня рождения А.Д. Сахарова". Издательство "Юридическая литература", Администрация Президента Российской Федерации, М. 1994). В ней — выступления тех, кто собрался на конференцию по случаю такого события. Показателен состав участников: Е.Г. Боннер, С.А. Ковалев, А.Н. Яковлев, С.В. Степашин, А.В. Козырев, Ю.Ф. Карякин, А.И. Приставкин, С.А. Филатов и др.; открывается брошюра обращением Б.Н. Ельцина.

Вот слова С.А. Филатова, тогда главы Администрации президента: "В этом зале собрались те, кто считает себя учениками Андрея Дмитриевича... кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось... Тем большая ответственность лежит на нас, на людях, кому выпало сегодня осуществить то, о чем мечтал Андрей Дмитриевич Сахаров... Да по-

могут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова".

Учитывая такое редкое признание власти, угрожающий смысл слов о "нелегкой миссии", а также почти религиозный фанатизм, с которым к Сахарову относилась влиятельная часть интеллигенции, надо, наконец, выделить то главное, что "Андрею Дмитриевичу мечталось".

Прежде всего, по своей жизненной философии Сахаров — именно диссидент. Его симпатии распространялись прежде всего на маргиналов, на "меньшинства", атакующие нечто цельное и стабильное (политический порядок, культурное ядро, религию или мораль). Он, например, с одобрением относился к роману Салмана Рушди и с антипатией — к гневу мусульман, оскорбленных кощунством этого романа.

Обостренное отношение у него было и к малейшему, даже надуманному или искусственно создаваемому, конфликту меньшинства с целым. Например, важной темой в идеологической антисоветской кампании в 60-е годы стал пресловутый "государственный антисемитизм" в СССР. Сахаров в "Меморандуме" (1968) пишет: "Разве не позор очередной рецидив ан-

тисемитизма в кадровой политике (впрочем в высшей бюрократической элите нашего государства дух мещанского антисемитизма никогда полностью не выветривался после 30-х годов)?" ("Меморандум академика Сахарова. Текст, отклики, дискуссия". Франкфурт, Посев, 1970).

Напротив, позиция целого или массивной, ядерной части общества или государства вызывает у Сахарова явную антипатию. В 1989 г. большую поддержку сепаратистам оказали речи Сахарова, в которых он клеймил "политику великодержавного шовинизма советского государства". В обществе он ценил именно малые группы, которые противопоставляют себя национальному целому и вообще массе людей, живущих обыденной жизнью ("мещанство"). Он писал в "Меморандуме" в характерной классовой фразеологии: "Наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, а передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мещанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции".

В 1980 г. Сахаров так видит главные отрицательные черты советского человека, не входящего в "наиболее прогрессивную, интерна-

циональную и самоотверженную часть": "идеология советского мещанина (я говорю о худших людях, но они, к сожалению, весьма распространены среди рабочих, крестьян и интеллигенции) состоит из нескольких несложных идей: 1) культ государства; 2) эгоистические стремления; 3) идея национального превосходства, принимающая темные, истерические и погромные формы".

Сахарову претит само устройство СССР как единого государства, ядром которого являлся русский народ. В предвыборной программе в феврале 1989 г. он декларировал: "Компактные национальные области должны иметь права Союзных республик" (А. Сахаров, "Воспоминания", издательство Права Человека, М. 1996, т. 2). А в другом документе требовал, чтобы в Союзе вообще все структурные единицы имели статус союзной республики. По этой схеме вместо 15 союзных республик их возникло бы около 150.

Что же касается представлений о мироустройстве и месте России в мире, то Сахаров был убежденным мондиалистом — сторонником исчезновения наций и унификации мира под властью мирового правительства. Уже в "Меморандуме" он пишет: "Человечество мо-

жет безболезненно развиваться только как одна семья, без разделения на нации в каком-либо ином смысле, кроме истории и традиций". Главной, безусловной, конечной целью Сахаров считал "конвергенцию стран с различным строем".

В своем проекте конституции "Союза Советских Республик Европы и Азии" Сахаров пишет: "В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к конвергенции социалистической и капиталистической систем... Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства."

Но из всей совокупности его заявлений видно, что желанное для него Мировое правительство — это правительство Запада и, прежде всего, США. В телеграмме Картеру в 1976 г. он пишет: "Я уверен, что исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей" (А. Сахаров. "Тревога и надежда". Нью-Йорк: "Хроника", 1978). Напротив, СССР для Сахарова — именно империя зла, мутант цивилизации, не имеющий права на существование: "60-летняя

история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных преступлений" и т.п. (1977).

При этом Россия до возникновения СССР — это вообще черная дыра, хуже СССР. В 1981 г. в статье для американской газеты Сахаров пишет о политике СССР, указывая на ее очевидно преступный, на его взгляд, уклон: "потеряв далекую перспективу... партийная власть продолжает традиционную русскую геополитику" (А. Сахаров. "Воспоминания"). Кстати, взгляды Е.Боннер на этот вопрос еще радикальнее: "У нас политическая биография началась только в 1988 году, до этого у нашей страны ее не было".

В холодной войне Сахаров становится на сторону Запада против СССР категорически и открыто. В интервью "Ассошиэйтед Пресс" в 1976 г. он заявляет: "Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран". В 1979 г. он пишет в большом письме на Запад (писателю Г.Бёлю): "Пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя, сталинский фашизм — сейчас советский тоталитаризм". В СССР он видит угрозу миру и уповает лишь на Запад: "В этом отношении я верю в Западного человека, в его ум,

устремленный к великим целям, его благие намерения и его решительность".

Сахаров требует от Запада практических мер: "Чрезвычайно важны экономические и политические санкции. В частности, необходим широчайший, насколько только возможно, бойкот московской Олимпиады. Каждый зритель или атлет, приезжающий на Олимпиаду, будет оказывать косвенную поддержку советской военной политике".

Дело доходит до упреков Западу за то, что он в годы Второй мировой войны был слишком щедр по отношению к СССР: "То, что Запад признал изменение границ в результате Второй мировой войны, — это в какой-то мере уступка Советскому Союзу, потому что целый ряд из этих изменений мог бы являться предметом дискуссии" (А. Сахаров. "Тревога и надежда").

Это — малая толика высказываний, которые никак нельзя назвать импульсивными или не продуманными. Они отражают целую концепцию большого долгосрочного проекта, который в большой степени и реализовался в перестройке и реформе в СССР и теперь в России, а также в формировании Нового мирового порядка с установлением Мирового

правительства с безграничной властью Западного человека. Эта разрушительная утопия, конечно, будет остановлена, но горя людям она уже принесла и еще принесет немало.

Поразительно, что множество умных интеллигентных людей читают все эти антисоветские, а в глубине русофобские заявления Сахарова, благоговеют перед ним — и в то же время считают себя просвещенными демократами, а то и патриотами России. Здесь наблюдается расщепление сознания.

К диссидентам-западникам примыкает небольшая группа детей и внуков репрессированных высших партийно-государственных деятелей. Некоторые из них давно и открыто декларировали себя как врагов советского строя, другие делали это уклончиво. Но важно, что в то же время они были частью советского номенклатурного истеблишмента и через разные каналы получали поддержку — моральную, да и материальную. С.Семанов приводит такие данные. В 1968 г. в издательстве ЦК КПСС "Политиздат" при ведомстве А.Н.Яковлева была учреждена серия "Пламенные революционеры". Это была серия с тиражами 200 тыс. экземпляров и самыми высокими тогда гонорарами. Вот какие книги она издала в 1970—

1974 гг.: Гладилин А. "Евангелие от Робеспьера"; Окуджава Б. "Глоток свободы", "Повесть о Пестеле"; Аксенов В. "Любовь к электричеству", "Повесть о Красине" (2 издания); Войнович В. "Степень доверия", "Повесть о Вере Фигнер" (2 издания); Корнилов В. "Сказать не желаю", "Повесть о В.Обнорском"; Гладилин А. "Сны Шлиссельбурга", "Повесть о Мышкине". Итак, самая привилегированная серия партийного издательства привлекает восемь авторов с крайне антисоветскими взглядами (шесть из них, получив гонорары, эмигрировали, "от кассы ЦК КПСС прямо к сейфу радио "Свобода", Окуджава и Корнилов остались диссидентствовать дома). С.Семанов пишет: "Почему, например, из сонма "ленинской гвардии" Аксенов выбрал именно Красина? Да ясно. В ту пору во главе "диссидентов" шли потомки той самой "гвардии": сын Якира, внуки Красина и Литвинова. Они настойчиво требовали от брежневского руководства причитающейся им доли "революционного наследства". Аксеновский кукиш в кармане был тогда понятен всем, кому предназначался" (С.Семанов. "Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки". М.: Вече, 2001).

Особенно показателен Б.Окуджава, сын расстрелянного партийного деятеля и попу-

лярный бард. Мне его песни нравились, и я их сам про себя распевал, пока не вскрылся весь проект, певцом которого он оказался. То есть, когда подтекст вышел наружу. В нем — комбинация мессианства с романтизацией гражданской войны и отказом от советского строя. "Пыльные шлемы комиссаров" лишь казались чем-то странным на фоне лирики. Но когда вслушаешься в "Моцарт отечества не выбирает" и "Артиллерия бьет по своим", то эти "пыльные шлемы" уже выглядят как предупреждение. А потом оказалось, что за лирикой стоит выношенная ненависть. Причем ненависть демонстративная, агрессивная. Ведь после расстрела Дома Советов, которым наслаждался Окуджава, он дал об этом целых несколько интервью. Многие в это не верили. Я самолично видел по телевизору, как он сказал нечто подобное. А прежде, чем услышать, его самые людоедские слова в статье, я специально выяснял, неужели он сказал буквально то, что ему приписывали.

Символом и центром притяжения другого течения диссидентов стал А.И.Солженицын. Он был менее западником, чем Сахаров, а иногда даже играл роль "почвенника". Однако в холодной войне исправно воевал на стороне За-

пада, в существенных вопросах никогда не ставя под сомнение правомерность антироссийских целей этой войны. Да и за последние годы, когда разрушение России в результате этой войны для всех стало очевидностью, его критика в адрес разрушителей ограничивалась очень туманными упреками морального характера. Мол, полегче бы, помягче!

Солженицын работал как писатель, действовал пером. Но он стал исключительно важным и активным политиком, и именно в этой его ипостаси он здесь нас и интересует. Он (хотя и не один) выработал определенную идеологию, логику, универсум символов и даже технологию политической войны. Все это было усилиями большой идеологической машины распространено в СССР и России в сфере этики и общественного сознания. Большую роль в повороте западной интеллигенции к антисоветизму сыграл шедевр фальсификации, "Архипелаг Гулаг" — созданный буквально в лаборатории и сильно бьющий по чувствам идеологический продукт.

Тот факт, что интеллигенция выбрала Солженицына как пророка и кумира — вещь, требующая исследований и размышлений. Я думаю, здесь есть проблема большая и фунда-

ментальная. Я понимаю, что многие искренне восхищены им как писателем, и о вкусах не спорят, но есть здесь что-то темное и непонятное. Выскажу свою точку зрения, поскольку все же перед нами прежде всего не художник, а чрезвычайно активный идеолог, сыгравший в поражении СССР немалую роль.

Факт в том, что писатель невысокого уровня в мнении интеллигенции получает статус классика — исключительно "по анкетным данным" (узник ГУЛАГа, изгнанник, борец). Я вообще раньше не верил, что кто-то в действительности смог дочитать его романы (я не смог даже в самиздате). Оказалось, я глубоко заблуждался, но я знал и женщин-демократок, которые считали красивыми мужчинами Е.Т.Гайдара и Г.Х.Попова.

Другой факт состоит в том, что человек злой, мстительный и с совершенно тоталитарным мышлением получает у интеллигенции статус духовного пастыря. Я, например, вынужден признать себя демократом (по-моему, демократизм вообще широко распространен среди русских, хотя им об этом не говорят). Но именно поэтому я принимаю общинный тоталитаризм, когда припрет (кстати, тоталитаризм крестьянской общины тоже проявлялся

именно в голодные годы). Но когда я стал читать "Архипелаг", я его бросил с отвращением именно потому, что весь он был проникнут сталинизмом, только вывернутым наизнанку — тоталитаризм антиобщинный.

Человек, на мой взгляд, пошлый и с низкими моральными свойствами получает статус совести интеллигенции. Это вызывает самое тяжелое чувство. Надо только почитать его собственные письма и дневники — неужели не видно... Человек становится осведомителем в лагере без всякого давления, легко и сразу. Об этой стороне деятельности Солженицына сведения приведены в таких публикациях. В.Бушин. Александр Исаевич Ветров, Нобелевский лауреат. — "Шпион — Spy", 1994, № 4, с. 75-86. Там даны материалы немецкого криминалиста и писателя Ф.Арнау, изучавшего жизнь А.И.С. в лагере и, видимо, купившего или получившего в КГБ кое-какие копии. В "Военно-историческом журнале" (1990, № 12) были перепечатаны материалы из журнала "Neue Politik", 1978, № 2 (Гамбург).

Может быть, факсимильные публикации его донесений и эти его письма и дневники — фальсификация? Не похоже, никаких возражений ни с какой стороны не было. Но нельзя же

игнорировать дневники своего же кумира! Все это странно и симптом очень нехороший. Как будто люди выбирают себе духовных пастырей не по велению совести, а по какой-то идеологической разнарядке. Но все это лишь дополняет автопортрет А.И.Солженицына.

Третьей символической фигурой в движении диссидентов был И.Р.Шафаревич. Он создал (и ему был создан) образ русского православного просвещенного патриота. Для укрепления этого образа он даже подвергается в стане "западников" мягким гонениям за якобы присущий ему антисемитизм (в связи с его книгой "Русофобия"). Его сторонники убедительно доказывают, что никакого антисемитизма в идеях И.Р.Шафаревича нет — и такое равновесие поддерживается.

Фигура И.Р.Шафаревича особенно важна вследствие того, что, в отличие от диссидентов-западников и даже от Солженицына, в общем, примкнувших к победителям в холодной войне и стоящим на стороне нынешнего политического режима в России, И.Р.Шафаревич, как говорится, "перешел на сторону народа". Он по ряду вопросов резко критикует нынешний режим и близок к оппозиции, в том числе к верхам КПРФ. Таким образом, он продолжа-

ет оказывать определенное влияние на сознание той части общества, что отвергает антисоветские реформы. Главное значение этого влияния в том, что И.Р.Шафаревич остается категорическим и принципиальным врагом советского строя и регулярно вводит в сознание оппозиции очередную дозу антисоветизма.

В этом смысле И.Р.Шафаревич относится к совсем иному типу антисоветских интеллектуалов, чем, например, В.Максимов или А.Зиновьев — те, поняв, что они "целились в коммунизм, а стреляли в Россию", резко порвали со своим диссидентским прошлым. И.Р.Шафаревич же методично продолжает выполнять свой антисоветский проект. Самым важным результатом этого является не переход людей на антисоветские позиции, этого не заметно, а расщепление, шизофренизация сознания тех, кто идет за оппозицией,— подрыв возможности выработки понятного положительного проекта.

Если взять два практически несовместимых в реальных условиях холодной войны идейных блока "активный антисоветизм" и "патриотизм", то в идейной платформе И.Р.Шафаревича, очевидно, фундаментальным является именно антисоветизм. Патриотизм — его "страдающая" часть, если не "легенда". В операции по под-

рыву национально-государственного устройства СССР И.Р.Шафаревич высказывал совершенно те же тезисы, что и, например, крайняя западница Г.Старовойтова (иногда совпадение почти текстуальное).

Сразу после роспуска СССР в Беловежской пуще, который стал для подавляющего большинства русских трагедией и воспринимался как преступление, И.Р.Шафаревич выступил с большой статьей "Россия наедине с собой" ("Наш современник", 1992, № 1), где очень высоко оценивал эту акцию. Кстати, само название говорит о том, что генетически взгляды И.Р.Шафаревича никак не связаны с царской Россией — никто тогда не считал, ни монархисты, ни белые, ни красные, что Россия наедине с собой расположена на территории нынешней РФ.

В этой статье И.Р.Шафаревич формулирует постулаты, вытекающие из его антисоветской позиции, но находящиеся в вопиющем противоречии с реальностью. Он пишет: "Мы видим, что Россия в своих новых пределах может оказаться вполне жизнеспособной, куда крепче стоять на ногах, нежели бывший СССР". Как же он это увидел? Представил бы он себе на-

шествие Гитлера на эту Россию в своих новых пределах и сравнил с СССР.

Что же хорошего видит И.Р.Шафаревич в уничтожении СССР? Прежде всего, разрыв связей с большими нерусскими народами. Он пишет: "Мы освободились от ярма "интернационализма" и вернулись к нормальному существованию национального русского государства, традиционно включающего много национальных меньшинств". Тут он грешит против исторической правды. "Мы" ни к чему не вернулись, а переброшены в новое для России качественное состояние. "Ярмо интернационализма" возникло вместе с появлением Киевской Руси, когда государство изначально складывалось как многонациональное. Идея создания "нормального национального русского государства" просто скрывает в себе идею уничтожения России.

Второе благо от дела Ельцина, Кравчука и Шушкевича и их хозяев И.Р.Шафаревич видит в смене общественного строя: "Другое несомненное благо происшедшего раскола в том, что он поможет окончательно стряхнуть мороку коммунизма. Еще с начала 70-х годов я начал писать о социализме и коммунизме как о пути

к смерти (конечно, в самиздате, с переизданием на Западе)".

После этого всякая критика в адрес Ельцина и Чубайса, которые что-то сделали не так тонко, как хотелось бы И.Р.Шафаревичу, имеет ничтожное значение — Степан Бандера тоже немцев критиковал, а только стрелкового оружия на 100 тысяч боевиков от них получил. В происшедшей катастрофе И.Р.Шафаревич видит благо, он ее готовил с начала 70-х годов и при этом выступал в союзе с Западом. И.Р.Шафаревич — типичный "власовец холодной войны". А это была война против России, а не против "мороки коммунизма" — уж такие-то вещи академик должен был знать.

В ненависти к СССР И.Р.Шафаревич даже изощряется, выкапывает сложные, необычные метафоры: "Логически такой же [как при построении СССР] принцип встречается в верованиях некоторых негритянских культов на Гаити. Там верят, что колдун может убить человека и вернуть из могилы в виде особого полуживого существа, зомби, действующего лишь по воле колдуна. Вот таким зомби и был СССР, созданный из убитой России".

Мелочность и неадекватность этого вычурного сравнения поражают. Но главное — за

ним я вижу ненависть именно к России. Страна, которая провела Великую Отечественную войну,— зомби! Александр Матросов и Зоя Космодемьянская действовали по воле "кремлевского колдуна"! Как надо пасть в мысли и духе на склоне лет, чтобы сказать такое.

Удивляет, что И.Р.Шафаревич получил официальный титул патриота при том, что он отвергает именно сложившийся за многие века принцип построения российского государства и предлагает взять за образец "нормальные" государства Запада (ведь все же, наверное, не Заир): "На месте СССР, построенного по каким-то жутким, нечеловеческим принципам, должно возникнуть нормальное государство или государства — такие, как дореволюционная Россия и подавляющая часть государств мира".

Явные подтасовки не смущают диссидента из математиков. Дореволюционная Россия по своему устройству никак не была похожа на "подавляющую часть государств мира", и ничего "нормального" в этом деле нет ни в США, ни в Германии — тип государства вырастает не логически, по какому-то правильному шаблону, а исторически.

И венчает эта хвала убийцам СССР нелепая, просто дикая в своей антиисторичности

мысль: "Россия может считать себя преемником русской дореволюционной истории, но уж никак не преемником СССР, построенного на заклании русского народа. Иначе тот ужас, который внушает коммунистический монстр, будет переноситься на Россию".

Так мы и живем — с Шафаревичем и Новодворской в одном флаконе. И промывают нам мозги этим шампунем с утра до ночи.

Наконец, выделяю еще одно, сравнительно небольшое и малоизвестное, но очень, на мой взгляд, важное течение диссидентов — тех, кто не был и не стал врагом СССР в холодной войне и не вступил в союз с его открытыми врагами, но в желании "исправить" пороки советского строя, на время оказался в стане диссидентов.

Недавно были опубликованы воспоминания одного из таких диссидентов, В.Н.Осипова. Он пишет во введении: "Я отсидел два срока: семь лет за "площадь Маяковского" и восемь лет за журнал "Вече". Первый срок заработал по бестолковщине, попал как кур в ощип. Тогда главным фактическим обвинением было якобы намерение... убить Хрущева. Терроризм мне претил даже в молодости, но у меня в двадцать три года не нашлось твердости ска-

зять сразу тем, кто затеял болтовню о терроре: "Я слушать это не хочу и обсуждать сие не намерен. До свиданья!" И мне было горько сидеть непонятно за что.

А вот вторым сроком я горжусь. Я бы и теперь сел за издание русофильского журнала. За чистое и благородное дело" (В.Н.Осипов. Из истории "русских мальчиков". — Москва, 1999, № 8-10).

Вкратце, история его такова. В 1957 г. он, студент истфака МГУ, был на целине в Кустанайской области. Когда вернулись в Москву, на истфаке разбиралось дело секретаря комитета ВЛКСМ факультета Льва Краснопевцева. Он организовал подпольную группу "Союз патриотов России" — "они тайно собирались в общежитии и обсуждали свои рефераты с критикой советской системы. Мировоззренчески пытались совместить большевизм с меньшевизмом".

Сам В.Осипов в это время подготовил для семинара доклад, в котором доказывал, что комбеды были "проводниками антикрестьянской политики коммунистической партии". На семинаре его "подвергли мощному политическому прессингу" (надо понимать, возражали).

Осенью 1958 г. он вступил в другую "подпольную группу" ("собирались еженедельно и перемывали косточки марксизму-ленинизму, вечно живому учению; собрались было издавать подпольный журнал"). После этого его похорошему "попросили" из университета (диплом он получил заочно в другом вузе). В 1961 г. он был осужден по статье 70 ("антисоветская агитация и пропаганда").

В 1971—1974 гг. В.Осипов издавал (был главным редактором) журнал "Вече" (печатался он в ФРГ). Это и послужило поводом для его второго осуждения на 8 лет. Он пишет: "Хотя сажать — если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями,— было не за что: никаких "выпадов" против "советского социалистического строя" не было".

В.Осипов — диссидент-патриот, даже во многом патриот именно советской России. И я читаю его воспоминания с симпатией и горечью — по этой дороге пошли многие наши патриоты, но, в отличие от В.Осипова, уже не смогли остановиться и порвать с главным течением антисоветской мысли. Логика борьбы их затянула необратимо. Воспоминания эти, на мой взгляд, очень поучительны. Не хотелось бы копаться в сознании человека, сильно

пострадавшего за свои идеи, но раз уж он сам их предложил для анализа, извлечем урок.

Прежде всего, в сознании этого диссидента-патриота "незнание общества, в котором живем", проявилось самым драматическим образом. "Мировоззренчески совместить большевизм с меньшевизмом" — что за каша в голове была у этих элитарных гуманитариев? Ведь между большевиками и меньшевиками существовала мировоззренческая пропасть гораздо более глубокая, чем между большевиками и монархистами — как могли не понимать этого историки!

В.Осипов, историк, а затем православный интеллектуал, прилагает к советскому идеократическому традиционному обществу крайне евроцентристские критерии т.н. правового общества. "Сажать — если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями,— было не за что". Как это не за что? При чем здесь УК РСФСР с комментариями?

Ведь В.Осипов прекрасно знает, что он в квазирелигиозном советском государстве был активным еретиком — именно так он себя и представил. Как религиозный человек, он должен понимать, что это значит. Тот факт, что он действовал вопреки канонам и нормам

советской "церкви-государства", никак не отменяется тем, что он и сам был привержен советским ценностям и хотел лишь "поправить" это государство. Разве когда Яна Гуса посылали на костер, кто-то сомневался в том, что он христианин? Нет, он всего лишь был еретиком. Что же ссылаться на УК РСФСР? Тем более в 1999 г., когда сам В.Осипов страдает при виде того, что сделало с СССР основное течение диссидентства. Ведь в 1974 г. для следователей КГБ различия между антисоветскими течениями в диссидентстве были нюансами.

В.Осипов стал издавать в ФРГ и распространять в СССР журнал в то время, когда СССР втягивался в последнюю большую кампанию холодной войны при резком ухудшении соотношения сил. Тогда возникло верное предчувствие, что эту кампанию мы проиграем с тяжелейшими потерями. После 1968 г. западные левые, бывшие ранее союзниками СССР, перешли на сторону его противника. За ними потянулась и наша просвещенная интеллигенция. Резко усилилась на Западе эмиграция "второй волны". И вот некто В.Осипов организует издание журнала "на территории противника". Кто он такой? Человек, только

что отсидевший семь лет за антисоветскую деятельность.

Второй арест "вырастал" из первого, и разрывать их в объяснении действий КГБ никак нельзя. Но и причины первого ареста В.Осипов трактует вскользь и очень либерально. Да, участвовал в организации, которая строила идиотские планы террористической деятельности, хотя "терроризм мне претил даже (!) в молодости". Да, "не нашлось твердости" отказаться обсуждать эти глупости. Но ведь действительно не нашлось — что же странного в том, что тебя осудили?

И все это после того, как В.Осипов еще студентом постоянно устраивал демонстративные и, на мой взгляд, нелепые акции. Причем он — историк. Что он хотел сказать своим докладом о комбедах ("проводники антикрестьянской политики коммунистической партии")? Ведь это просто вызов, скандал, замешанный на доктринерстве. Комбеды даже формально просуществовали всего полгода, никакой "политики" они провести не могли и просто бы не успели. Таких "проб и ошибок" было множество и не могло не быть — не приглашали мы тогда Джеффри Сакса как консультанта. Как только "партия увидела", что крестьяне

комбедами недовольны, она их упразднила — к чему же вместо разумного исторического анализа сразу выносить на студенческий семинар обвинительное заключение против "политики партии"? Тут есть какая-то болезненная надрывность, диссидентство как призвание.

В 1995 г. я ехал из Вологды в Великий Устюг в одной машине с писателем Л.И.Бородиным. Он тоже был известным диссидентом-патриотом. Человек негибаемый и цельный, много лет отсидел за свои убеждения и ни разу не поступился ни ими, ни обыденной совестью. Он в машине рассказывал об этом своем опыте — не мне, но при мне. Его много лет "вел" один и тот же следователь КГБ, и время от времени между ними происходили принципиальные беседы.

Л.И.Бородин объяснял следователю, что руководство КПСС ведет дело так, что власть рано или поздно перейдет в руки антисоветских сил, которые в то же время будут радикально антирусскими. И поэтому он, Бородин, и его товарищи считают своим долгом бороться с КПСС. На это следователь ему отвечал так. Он и его товарищи, поставленные охранять безопасность СССР, и сами прекрасно видят, что руководство КПСС ведет дело так,

что власть рано или поздно перейдет в руки антисоветских сил. Они, работники КГБ, пока не знают, как это можно предотвратить, какова стратегия и тактика противника. Но они наверняка знают, что плотину надо охранять до последнего, и если позволить таким, как Бородин, проковырять в плотине дырку для небольшого ручейка, она рухнет гораздо быстрее. Тогда заведомо не хватит времени подготовить новую линию обороны и спасти положение. Поэтому он Бородин, который не прекращает своих попыток проковырять эту дырку, вновь отправляет в очередную ссылку.

Примерно так изложил суть этих бесед Л.И.Бородин, и я восхитился его объективностью. Он рассказал так, будто и в 1995 г. у него не было ясного ответа на вопрос: кто из этих двух патриотов был прав? Мы знаем, что тот следователь КГБ потерпел поражение — и верхушка КПСС, и его высшее начальство сдали страну антисоветским силам. Л.И.Бородин стал уважаемым писателем, главным редактором большого журнала, но, судя по всему, тоже потерпел такое же поражение. Если брать этот случай как чистую модель, в моих глазах принципиально прав был именно следователь. Если не знаешь общего средства спасения, то

хотя бы оттягивай момент катастрофы — не позволяй размывать плотину. Может быть, за выигранное тобою время кто-то найдет выход.

Это, конечно, очень краткий и схематичный очерк о диссидентах — так, как мне они виделись с позиций человека, не затронутого анти-советским соблазном. Но все же диссиденты — лишь "дрожжи". Ниже попытаемся разобраться в том, как всходила вся антисоветская опара.

ЗАПАДНЫЕ ЛЕВЫЕ И КРАХ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

Запад широко праздновал десятилетие прихода к власти в СССР Горбачева: "Десятилетие, которое перевернуло мир!". Где же при этом перевороте оказалась Россия с точки зрения западных поклонников Горбачева? Что ей принес этот рыцарь "общечеловеческих ценностей"?

Звезда европейской прессы, лауреат всяческих премий, обозреватель Герман Терч пророчил: "Мы не знаем, что произойдет в Европе в ближайшие годы, даже в ближайшие месяцы. Но мы уже можем исключить кое-какие сценарии, которые вытекали из поражения советской империи. В России не будет гармоничного порядка по общим законам демократии и рынка. Россия не станет либеральным правовым государством в обозримом буду-

щем. Щедрая помощь извне не сможет заставить русскую нацию сделать огромный скачок, необходимый, чтобы покрыть за несколько лет или десятилетий отсталость как минимум в два века в своем социально-политическом развитии. Этого не может быть и, кроме того, это невозможно".

Как видим, в своей аргументации либералы вернулись к старому испытанному доказательству: "Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!". Для нас здесь важно понять, что Россия вычеркнута терчами из цивилизации давно, и революция 1917 г. здесь абсолютно ни при чем.

Любимый мотив нынешних русофобов — пугать русским фашизмом: "Россия становится Веймарской республикой!". То есть, перестройка празднуется как победа Запада, раздавившая и унизившая Россию в той же мере, как поражение Германии в Первой мировой войне (Веймарская республика в раздавленной Германии породила Гитлера).

Об отношении Горбачева с Западом интересные вещи сказал тогда его помощник Вадим Загладин в интервью газете "Коррьере делла сера". Вот что он рассказывает об отношениях Генерального секретаря КПСС со

своей партией с самого начала перестройки: "В то время Горбачев не мог говорить открыто, он знал, что большинство Политбюро и ЦК не поддержало бы его позицию. В этом признался сам Горбачев. Он должен был быть немного лисой, не мог сказать всего и порой должен был говорить одно, а делать другое". То есть, Горбачев с самого начала вел двойную игру, обманывал и партию, и весь народ относительно самых главных вопросов — и привел страну к катастрофе. Как это называется? Можно ли назвать это ошибкой, как пытаются это представить еще многие наши люди?

Когда же Горбачев стал служить "иным целям" — тем, за которые дают звание "лучшего немца" и ненавидят на родине? Загладин хвастается: "В речи, которую Горбачев произнес в Лондоне в конце 1983 г., уже содержалась новая политическая концепция, отличная от концепции партии и государства".

Как называется деятель, который во время войны, пусть "холодной", едет за границу и предлагает себя как носитель концепции, противоречащей политике своего государства? Ведь он там предложил именно концепцию, которая привела к разрушению страны — к ее поражению такого масштаба, что нас сравни-

вают с Веймарской республикой. Так и понял эту концепцию в тот момент Буш. Так она всеми оценивается и сегодня.

Президент Римского клуба Р.Д.Хохляйтнер, единственный из западных деятелей, нашедший сегодня слова сострадания к советским людям, дает очень взвешенные формулировки: "Перестройка — наиболее важное событие этого века для демократических стран всего мира", то есть для Запада. "Перестройка не только привела к ликвидации коммунистического режима в СССР, но и радикально изменила равновесие сил в мире". В чем же изменение? Исчез СССР (Россия) как великая держава, и полностью задушено освободительное движение третьего мира. "С полным основанием говорится, что Горбачев и его перестройка сейчас лучше понимаются и выше оцениваются на Западе... Перестройка была бы немыслима и не могла бы произойти, если бы не уникальная и неповторимая личность Михаила Горбачева".

Журналист спрашивает Загладина: "Оказал ли влияние на разработку идей перестройки опыт западных компартий?". И помощник отвечает: "Вне всякого сомнения. Еврокоммунизм повлиял на развитие идей и общей концепции перестройки. Уже с конца 60-х годов

Горбачев лично читал все документы западных компартий". К сожалению, мы мало знаем о еврокоммунизме — течении, которое оказало огромное влияние на судьбу современного мира, разрушив культуру левого движения, открыв дорогу неолиберализму на Западе и перестройке Горбачева в СССР.

Вот выдержка из работы испанского историка Антонио Фернандеса Ортис в сборнике "Коммунизм — еврокоммунизм — советский строй" (Москва, 2000). Он пишет в заключении:

"Из истории коммунистических партий и особенно компартии Испании видно, что практически во все время их существования в них имеют место два проекта коммунизма и два проекта партии. Наличие этих двух проектов не всегда осознается, можно даже сказать, что они существуют на интуитивном уровне. Различаются они не на уровне идеологии, а на уровне самого восприятия жизни и смысла существования человека в обществе.

Есть коммунизм, культурной основой которого является такая солидарность, которую мы можем назвать традиционной, народной, крестьянской. Народ, государство, общество и человек воспринимаются как единые, тотальные естественные субъекты. Они — совокуп-

ность объективных и субъективных, материальных и духовных ипостасей, которые их образуют. В этой модели коммунизма человек соединен узами солидарности со всем обществом и с природой. Его солидарность выходит за рамки социального и распространяется на природу, с которой человек устанавливает особые отношения. В Европе и России основаниями этого коммунизма были и продолжают оставаться традиции солидарности с крестьянскими корнями...

Личный путь многих руководителей испанских коммунистов хорошо отражает сохранившиеся в их мировоззрении солидарные представления. Самым красноречивым случаем была Долорес Ибаррури, но также и такие деятели, как Листер, Урибе или Игнасио Гальего. Когда они вступили в противостояние с Клаудином, Семпруном или Каррильо, движущими мотивами у них были идеалы солидарности и проект партии, которые они не могли сформулировать в виде теоретически разработанной концепции. Но они сопротивлялись проекту своих оппонентов, потому что интуитивно чувствовали, что предлагаемые изменения ведут к утрате исторической памяти, на которой стоит их идеал солидарности.

Другой проект коммунизма — городской, рационалистический. Он унаследовал ценности Просвещения и Французской революции, принял модель атомизированного человека и с нею индивидуализм. Этот проект коммунизма отвергает традиционное крестьянское мироустройство, народный мир как пережиток феодализма... Отсутствие классового сознания в среде крестьян делает их мелкими буржуа, превращает их в "мешок картошки". Это проект коммунизма, который в конце концов согласился с основными принципами, на которых стоит капиталистическое общество... Традиционные общинные ценности, традиционная солидарность, основанная на модели делимого "общего человека" ("часть меня присутствует во всех людях, а во мне присутствует часть всех людей") рассматриваются в этом коммунизме как реликты предыдущих эпох в существовании человека. Реликты, которые служат препятствием прогрессу и обречены на исчезновение.

Весь практический опыт социализма в XX веке в большей или меньшей степени, в зависимости от конкретных условий, отражает взаимодействие двух описанных выше "проектов коммунизма". Пожалуй, большевизм представ-

ляет собой самый яркий случай. В нем переплетаются две формы коммунизма или, если хотите, две формы солидарности...

В тесной связи со сказанным выше возникает фигура интеллигента, которому трудно понять предпочтения народа, который полон противоречий и впадает то в абсолютную идеализацию, то в абсолютное отрицание. И европейская, и русская коммунистическая интеллигенция обнаруживают это свойство. Народ и его "авангард", пролетариат, стали объектом идеализации — и в отношении их природы, их поведения, их исторической роли. Народ всегда прав! Но ведь народ, как категория, не обладает разумом, он имеет здравый смысл. И именно здравый смысл народа, способ его самовыражения, зачастую грубый, и в массе пролетариата, и в крестьянстве, не соответствует идеализированным и идеологизированным представлениям левого интеллектуала. Приходит разочарование и осуждение. Левый интеллектуал Европы испытал двойное разочарование. Он не понял самовыражения народа в его собственной культурной среде, на своей собственной территории — и он не понял народного, традиционного компонента в

советском проекте. Сходный процесс пережила и советская интеллигенция”.

Мы знаем, что на сторону противника СССР в холодной войне перешла верхушка почти всех компартий Запада. А вместе с ними — молодой Горбачев и люди его типа. Они черпали свои идеи из еврокоммунизма! Мы знаем также, что еврокоммунизм практически привел к ликвидации западных компартий и открыл дорогу неолиберальной волне, тэтчеризму. Но на Западе для этого поворота были хоть шкурные основания: отказ от социализма у рабочих купили за огромные деньги, перекачанные из третьего мира, против которого рабочие обаялись сплотиться с родной буржуазией (потом их, конечно, надули, но не совсем). Для СССР же принять идеи еврокоммунизма означало именно национальное предательство, ибо при этом мы сами превращались в третий мир, в наихудший вариант колонии. Почему же люди типа Горбачева приняли эти идеи? Потому, что на Западе — хозяева их душ. Им было противно и советское государство, и советское общество. Они разрушали их сознательно и плату от победителей берут с гордостью честного подрядчика.

Горбачев для нас — дело истории, а западные левые остаются важным фактором в политике и культуре. Что же происходит в их среде? Не так давно преемник Жоржа Марше на посту секретаря Французской компартии Робер Ю наконец выдал из себя то, что от него с такой страстью добивалось хорошее общество: в целом осудил Советский Союз, а заодно и ФКП — за то, что она его поддерживала. "В этот вечер я торжественно заявляю..." и т.д.

Когда я читал репортажи о теледебатах, где он сделал это историческое признание, прямо слезы навертывались. В парижской телестудии — как на допросе в НКВД, где следователь на минуту становится лучшим другом признавшегося "врага народа": "Вот видите, как все хорошо устроилось. А вы столько мучились, и меня измучили. Вот здесь подпишите".

И правда, чего было столько мучиться — уже и Генеральный секретарь КПСС давно подписал и теперь бесплатно отдыхает себе на виллах королей. А потом продезинфицировали помещение — и другой генсек, какой-нибудь Шеварднадзе, может с семьей заезжать.

Только почему-то при Марше за ФКП голосовало 25% французов, а при Ю — 7. Скажут:

СССР рухнул, чего же за них голосовать! Давайте, как бедная рыба-прилипала, потерявшая свою акулу, искать другую. Но не все так просто, сердцу не прикажешь. И никто не решится задать простой вопрос: те 7%, которые еще голосуют за ФКП, делают это потому, что она сделала антисоветское заявление, или потому, что она — наименее антисоветская сила? Как ни крути, а отношение к СССР (а теперь еще к Кубе) остается пробным камнем для проверки политика.

Что же случилось с западными коммунистами — одним из сиамских близнецов левого движения (второй близнец — социал-демократы)? Этот вопрос сегодня занимает всех, включая буржуазных философов. Левое движение — необходимый компонент здорового капитализма, балансир гражданского общества, без которого рассыпается равновесие, звереют буржуи, а в ответ звереют и рабочие. А внутри левых должно быть равновесие между социал-демократами и коммунистами, экосистема здорова, пока есть хищник, который кусает кабанов за пятки и заставляет их двигаться.

Что левое движение находится в глубоком кризисе — очевидно. За последние полвека

оно оказалось неспособно выдвинуть проект мирного сдвига к более справедливому обществу. На все такие попытки капитал отвечал однозначно и жестко, отбрасывая фиговые листки. На каждого Сальвадора Альенде был готов Пиночет.

Более того, левое движение оказалось неспособно даже организовать защиту тех социальных прав, которых рабочие добились у напуганной советским примером буржуазии. Уверенные, что их вечно будет подпирать мощь СССР, левые вообще как будто не заметили, как изменился мир и перегруппировался социальный и идейный противник. Страшные удары Красной Армии по немцам, а потом и Спутник заставили его собраться в кулак, подтянуться. Холодная война была не метафорой, а мобилизационной программой. Бедный третий мир выжали, как лимон — и бросили невероятные средства своим рабочим в виде социальных благ. За счет этой перекачки средств эксплуатация рабочих в метрополии сокращена на 40%! Живи — не хочу!

Параллельно шла работа над "перевоспитанием" элиты левых всего мира (включая КПСС). Стипендии для обучения в лучших университе-

тах, непрерывные симпозиумы и круглые столы, приглашение прочесть лекцию в самом Гарварде! И везде случилось, в разных вариантах, одно и то же: верхушка левых оторвалась от своей социальной базы, от массы. Левые интеллектуалы нового поколения стали частью университетского истеблишмента, а в рабочее движение ходили, как на службу.

А когда и в СССР к рычагам власти, еще при жизни стариков, пришла бригада горбачевых, на Западе стало возможным начать откат в социальной сфере, одно за другим отнимая ставшие уже привычными блага — приватизируя здравоохранение, повышая плату за обучение, сокращая пособия по безработице и т.д. А главное — разрушая саму этику рациональной солидарности (она отличалась от нашей общинной, но была все же этикой солидарности граждан).

От этого не уйти, прикрываясь демагогией. Вот передо мной газета: в Мадриде человек умер от инфаркта на ступенях частной клиники — несмотря на просьбы прохожих, никто из персонала не вышел ему помочь. Когда его отвезли в государственную клинику, было уже поздно. Газета, издаваемая социал-демокра-

тами, не решилась даже риторически упрекнуть руководство клиники, ибо оно не нарушило ни закона, ни либеральной этики.

Левые силы оказались полностью разоруженными. И даже социал-демократы у власти, спрятав в карман свои идеалы, проводят неолиберальную социальную политику. Возникло совершенно новое образование — *ambidextra society*, "двуправовое общество" (его еще называют "общество-мачеха"). Стабильное ранее "общество двух третей" сдвигается к критически нестабильному обществу "двух половин" с неизбежным откатом и от политических свобод. И маячит целая цепь заколдованных кругов.

Пока что их разрывают и перекачкой безумных сумм (чтобы остановить катастрофу после реформы МВФ в Мексике, ей без звука, после получаса переговоров, выдали 50 млрд. долл., сам Клинтон выписал чек на 20 млрд. вопреки всем законам США). Такую же сумму выдали в ноябре 2000 г. Аргентине, хозяйство которой угробила реформа по схеме МВФ. Другой способ стабилизации — проведение столь же безумных войн. Мы видели войны в Персидском заливе, в Югославии. Мексику обязали провести у себя войну-спектакль на юге, в штате Чьяпас. А Перу и Эквадору, чтобы отвлечь

внимание от лап МВФ, приходится бомбить друг друга в сельве, заполняя мировую прессу фотографиями оторванных ног.

Но это — откат в понятной, социальной сфере, ощущаемый желудком. А ведь появились новые способы угнетения, новые угрозы свободе человека, новые глобальные противоречия. Разве есть у левых сил ответ на эти, как говорят, вызовы истории? Они попросту ушли от них или жуют сказку об "устойчивом развитии" — миф, за которым скрывается запрет на развитие третьего мира (а теперь уже и России) и сокращение их населения. Четкую критику индустриализма мы видим лишь у анархистов, остальные никак не разберутся с новой трактовкой понятия "прогресс".

Забурлил вулкан этнических проблем. Максимум, до чего додумались коммунисты,— это снять лозунг о "пролетариях всех стран". Чтобы как-то отреагировать на войну в Чечне, западные коммунисты по сути предоставили свои страницы заскучавшим без дела советологам, стали проводниками самой примитивной русофобии. Национальную проблему прикололи к своему знамени правые, но она у них дегенерирует в расизм.

Большинство взрослого населения Запада все больше осознает себя жертвой мощных экономических групп, угнетающих гражданина посредством телевидения — разрушая семью и навязывая детям культ насилия, идею разрыва с отцами, готовя поколения людей-роботов. Критикой этого вида угнетения активно занимаются психиатры и педагоги, врачи и даже полицейские. Но разве их дело поднимать принципиальные проблемы общества, мобилизовать его на борьбу совершенно нового типа? Где концепции компартий, подобные тем, которые мы слышали по жгучим проблемам современности от Джона Бернала, Антонио Грамши, Фредерика Жолио-Кюри? Ведь не только партизанами были коммунисты.

Почему же сегодня не слышно их голоса, почему трудно даже представить себе, какова их позиция и каковы их объяснения происходящего? Таких вопросов г-ну Ю никто не задавал. Но сам-то себе он должен был бы задать.

Задумаемся и мы, ведь кризис левых явно связан с поражением СССР. Вернее, все это — один процесс. И вопрос не в том, кто виноват, а почему все покатилося по этой дорожке. Почему в ходе холодной войны западные коммунисты неявно и негласно перешли на сторону

врагов СССР и, по сути, врагов коммунизма — совершили тот же сдвиг, что верхушка КПСС во главе с Горбачевым? Ведь никаких новых оснований для такого решения за последние десятилетия не появилось, поэтому нет и речи о каком-то "озарении".

Примечательно, что постепенное, ступенчатое обнародование этого сдвига происходит без откровенного объяснения — решение о переходе на сторону врагов СССР сознательно скрывалось от собственных партий. На низовом уровне и следов антисоветизма нет не только среди коммунистов, но даже и у социал-демократов. Да и в верхушке речь идет не о тривиальном разрыве с политическим союзником. Я в 1990 г. завел разговор на эту тему с Мануэлем Аскарате (незадолго перед его смертью). Он был соратником Долорес Ибарури, одним из руководителей компартии, потом перешел к социалистам и стал писать антисоветские статьи. Так у него — затряслись руки! "Мы любим Советский Союз!" — прямо криком кричит. И видно, что не врет. Но что же это за любовь такая?

Начнем с простых признаков. Уже при первом знакомстве с прессой конца 80-х годов обнаруживаешь изъятие из ее обихода (из "культуры

левых") всяких сведений о сути холодной войны, ее постулатах, средствах и предполагаемой глубине разрушения СССР. В сознании массы (даже членов компартий) холодная война стала не более чем метафорой и перестала приниматься во внимание как фактор, влиявший на все стороны жизни СССР.

Левая пресса приняла фразеологию и критерии либеральной идеологии в оценке образа жизни, а ведь все мы — "рабы слов", на что указывали и Маркс, и Ницше. Все не измеряемые деньгами или материальным потреблением ценности, даваемые советским строем, как бы исчезли. По сути, произошел отказ и от социальной философии социализма, и от исторического подхода — никто уже не принимал во внимание стартовые возможности, сроки и условия развития СССР и Запада. Без всяких дебатов и объяснений, по сути тайком (а может, даже неосознанно), были приняты основные антисоветские мифы, созданные западной пропагандой: о сталинских репрессиях, о тоталитаризме советской системы, о коррупции номенклатуры, о неэффективности плановой экономической системы. В отношении СССР это означало молчаливое признание его квалификации как "империи зла".

Важный, на мой взгляд, симптом — явная или стыдливая поддержка западными левыми Горбачева даже после того, как его разрушительная для КПСС и СССР роль стала очевидной. Лидеры почти всех компартий ушли от всякого участия в идеологическом конфликте в СССР. Это было всеми воспринято как молчаливое одобрение ими антисоветских действий Запада и его пятой колонны в СССР. Более того, приходилось читать декларации коммунистических деятелей о поддержке "демократических изменений в СССР" даже в 1993 г., когда сама эта фразеология стала гротескной.

Красноречиво практически полное отсутствие реплик западных левых даже на самые абсурдные антисоветские выступления бывших коммунистов, не говоря уж о социал-демократах. Приходится видеть даже проявления радости видных деятелей компартий при крахе СССР — и никакой видимой реакции их товарищей на такие странные проявления. Разве это не болезнь левых? Твой союзник, которому ты аплодировал, получил страшный удар и упал — чему же тут радоваться? За этим есть какой-то психологический выверт, не поняв которого не смогут коммунисты встать на ноги.

Поразительно само нежелание левых дать сбалансированную оценку советского проекта даже *post mortem*. Здесь лидеры коммунистов отличаются даже от среднего обывателя. Например, в университетах с большим интересом слушают лекции просто о динамике основных экономических и социальных показателей СССР. Практически для всех слушателей это — открытие. Но лидеры компартий как будто не хотели бы этого знать — они уже уверовали в новую догму. А разве то, что происходит при демонтаже "реального социализма", несущественно для самопознания всех коммунистов?

А ведь европейские левые не только аплодировали своим пришедшим в каких-то странах к власти товарищам, но и подзуживали их. Вот горькие слова чилийского писателя о трагедии его страны, которую сдали фашиствующей военщине: "В ней были виноваты все или почти все чилийцы, но немалую ответственность несут иностранные интеллектуалы, особенно западные, которые приезжали в Латинскую Америку читать нам лекции и учить, как мы должны были делать наши революции. Все им было мало. Даже Народное единство Сальвадора Альенде казалось им слишком буржу-

азным и консервативным. Выглядит парадоксом, но единственными, кто очень часто давал нам разумные, взвешенные и примиряющие советы, были люди из Восточной Европы и Москвы. Они знали, что такое настоящая революция, и были очень осторожны...

В других выражениях, уже на нашем языке, то же самое мне шептали на ухо в Гаване. Но налетали тучи французских, немецких и американских профессоров и журналистов, которые вопили, что Альенде мелкобуржуазен, а его правительство слишком робкое... Левые интеллигенты западного мира из своих окопов нас обвиняют и всегда будут нас обвинять. Что бы мы ни делали... Вот об этом нам всем надо бы подумать. Потому что левые интеллигенты — порода, которая, как я считал, вымирает, — сами, вероятно, никогда ничего не поймут".

Эта порода не вымирает, сегодня она с такой же страстью бросилась обвинять советский строй. В 1995 г. меня пригласили участвовать в круглом столе "Крах советского блока и уроки для левого движения Европы". В Мадриде, в роскошном салоне "Амбассадор". Синхронный перевод на три языка, на столах конфеты в вазочках. Съехались левые интеллектуалы из Оксфорда, Сорбонны и т.д., изда-

тели левых журналов. Из каких они партий, трудно понять — они над партиями, представляют мозг левого движения.

В первый день я наслушался такого, что спать почти не пришлось. Встал рано, вышел побродить. Рядом — прекрасный сквер перед музеем Прадо. Величественное здание Министерства Потребления как символ Запада. Все дышит довольством, огромным накопленным богатством. На скамейке, тоже как символ, лежит человек. Бездомных в Мадриде множество, но в этот час все они уже скатали свои одеяла и растворились в городе. Этот, видно, занемог. С трудом, не поднимая головы, жует булку. Бросает ее на землю. Расстегивает штаны и мочится, не поднимаясь. Ему тошно смотреть на прохожих, и он закрывает лицо кепкой. Мне тоже тошно смотреть на него, на Министерство Потребления.

Все это, в ухудшенном варианте, переносят в Россию. Чингиз Айтматов, начиная поход против советского строя, поминал Испанию, где построен "настоящий рабочий социализм". Испанцы, которые его возили по стране, говорили мне, что он таких сцен, как я перед Министерством Потребления, насмотрелся досыта. Знал, что говорит, инженер человеческих душ.

Вернулся я в отель, пошел завтракать — сидят мои собеседники по круглому столу. Уставились на меня и как будто не видят. Я поклонился — никакого ответа. Не понравилось им мое выступление. Что же я такого сказал? Просто предложил в качестве "урока для европейских левых" разобраться, чему они так радуются при крахе СССР. Предложил посмотреть на события в СССР в понятиях жизни и смерти, хлеба и тепла. Это было воспринято как большевизм. Послышались крики: "Кто его пригласил? Это же явный противник перестройки! Мы были у Юрия Карякина, он нам раскрыл всю правду о советском строе!". Организатор, заведующий отделом идеологии Компартии Испании, призвал крикунов к терпимости. Мол, вы же видите, товарищи, перед нами закоренелый сталинист, но потерпите еще 20 минут. Толерантность, товарищи, толерантность!

Я выступал вторым, после историка-испанца, который четыре года жил в Москве, изучая "крах СССР". Он сказал, что реальность России очень далека от той модели, которую придумали себе европейские левые. Казалось бы, что тут такого обидного? Но за два дня никто вообще не упомянул наши с ним выступления,

ни в каком смысле — выступления единственных докладчиков, прибывших с места событий. Зато для нас с ним все было поучительно.

Вот выступает марксист из Оксфорда. Приветствует попытку создать в России "нормальное общество" — ведь говорил же Маркс, что нельзя строить социализм в крестьянской стране. И задержали, мерзавцы, на 70 лет развитие капитализма! Постепенно распаляется профессор: "Никаких западных капиталовложений страны советского блока не получают, напрасно надеются! Идет необратимое разрушение производства! Эти страны погрузятся в варварство типа африканского! Европа должна создать санитарный кордон, как США на Рио-Гранде, иначе ее захлестнет волна голодающих!" Его слушали с удовольствием, хотя, казалось бы, естественно было бы спросить: если у тебя такие жуткие прогнозы, чему же ты радуешься? Ты что, людоед?

Выступает экономист из Сорбонны, троцкистка. Та же песня, только конкретнее: "Мы призывали к революции, которая разрушила бы СССР, эту империю номенклатуры. Нельзя поддерживать тех, кто защищает СССР. Главное сегодня — скорее демонтировать остатки советских социальных структур: бесплатное

образование, здравоохранение, солидарность трудовых коллективов. Только тогда возникнет нормальная буржуазия и нормальный пролетариат. И этот пролетариат начнет правильную пролетарскую революцию. При этом, товарищи, основа демократии и социализма — освобождение женщины".

Зачем же этот марксист в юбке требует добить остатки советской системы, позволяющие нам кое-как выжить? Да, видите ли, русские буржуазию объедают, не дают ей первоначальное накопление провести и в революцию не кидаются — жуют краюшку да лежат на печи. Все не по Марксу. Я задал этой даме три вопроса:

— Во имя демократии вы призывали разрушить СССР, зная, что 76% граждан хотят его сохранить. Вы что, просвещенный авангард, имеющий право вести неразумные массы к предписанному вами счастью?

— Вы требовали антисоветской революции в стране, которую сами называли "этнической бомбой". Сегодня, когда катастрофические результаты налицо, считаете ли вы свою установку на революцию ошибочной?

— Вы — борец за свободу женщин. Учли ли вы, призывая к ликвидации СССР, что означа-

ет для 30 млн. женщин азиатских республик замена советского строя на шариат?

В ответ дама долго и нервно говорила, совершенно не по сути вопросов. Только на третий вопрос ответила, что теперь женщины смогут начать нормальную борьбу за свое истинное освобождение. Спасибо, заступница!

В коридоре она решила меня сразить: "Вы что же, считаете, что при Брежневе все было хорошо?" (в теории спора это называется "бабий аргумент"). Я не упорствовал. Да, говорю, не все было хорошо, многое даже очень плохо. Но разве, если человек болен, это оправдывает его убийство, тем более врачом, который обещал его лечить? И потом, как же понять: вы за народ, против номенклатуры — а поддерживали как раз революцию номенклатуры против народа? Обиделась, пробурчала, что ее партия — единственная, кто хранит верность идеалам Октябрьской революции. А мы только все напортили. Надо понимать, что обязаны кровью наших детей смыть вину наших отцов, превратить людей в пролетариев и опять бросить их в бой против мировой буржуазии.

Все это было очень грустно. Порода революционных интеллигентов не вымерла ни на Западе, ни у нас. У нас-то хоть они локализо-

вались вокруг Нуйкина да Карякина, компартия от них вроде бы очистилась. На Западе они оторваны от масс, от здравомыслящих людей. Я езжу по всей Испании, читаю лекции самым разным людям — такого догматизма нигде не видел. А ненависти к СССР среди простых людей нет и в помине, хотя те, кто сохранил здоровое отношение к СССР, находятся в глухой обороне и не поднимают голоса. Зато как они благодарят за информацию — она к ним не доходит. Но марксисты-антисоветчики откуда-то имеют деньги, имеют прессу .

Конечно, разрыв союза и даже переход на сторону бывшего противника — вещь в политике довольно частая. Решение о разрыве с СССР (и, по сути, с Кубой и освободительным движением третьего мира) — выбор левых сил Запада, и выбор вполне объяснимый. Обостряется глобальный кризис, и усиливается консолидация всех "осажденных в цитадели богатства" — против бедного большинства человечества. В этой цитадели левым (включая коммунистов) предложили почетное место "цивилизованной оппозиции" как необходимой и важной части политического устройства. Сдача союзников была обязательным условием, и это условие, как видим, было принято.

В отношении Кубы это проявилось еще с большим драматизмом, чем в отношении СССР,— Куба не провинилась даже сталинизмом. Тут вообще не к чему придраться, "нарушения прав человека" на Кубе смехотворны по сравнению с тем, что происходит у ее "демократических" соседей. (Не будем говорить о Гватемале, где в 80-е годы без суда и следствия убили 3% населения — для СССР это было бы эквивалентно 11 млн. человек. Укажем Венесуэлу, где предыдущий президент, социал-демократ, признал, что во время его правления в одном поселке убили полторы сотни забастовщиков, а их тела бросили в реку — он извинился перед родственниками и назначил вдовам небольшие пенсии).

Кубинцы по требованию США даже перестали препятствовать "лодочной эмиграции". А в США этих любителей демократии ловят и сажают в концлагерь, многих заковывают в кандалы. Держат их в Гуантанамо, и кое-кто, пытаясь убежать обратно в тоталитаризм, уже подорвался на американских минах. Но и Кубу сдали — она как бы исчезла из поля зрения.

Однако разрыв с советским проектом западные левые провели без объяснения — а оно сильно облегчило бы положение коммуни-

стов в СССР. Разрыв, совершенный в самый тяжелый момент, стал ударом в спину. И зачем было оправдывать разрыв повторением антисоветских мифов? Достаточно было представить его как завершение этапа истории. Мол, страница перевернута, начинаем новый этап с чистого листа. И потом, раз не декларируется разрыв с "отцами" — с Торезом и Марше, с Тольятти и Берлингуэром, но производится разрыв с СССР, элементарная этика обязывает вернуть советским коммунистам долги, сделанные этими "отцами".

Но это — шутка, и дело не в обидах. Нам надо понять истоки общей болезни. А кроме того, раз уж, как говорят, КПРФ "восстановила связи с братскими компартиями Запада", хотелось бы знать, на какой идейной основе. В чем теперь заключается это "братство"?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
БЕЗ АНТИСЕМИТИЗМА И ЮДОФИЛИИ	9
ЕДИНСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ИЗРАИЛЯ	22
ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ?	44
РАЗЖИГАНИЕ АНТИСЕМИТИЗМА КАК ВСЕМИРНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА	62
ПЕРВЫЙ МИФ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ РОССИИ	76
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНТИСЕМИТИЗМА	98
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ АНТИСЕМИТИЗМА В РОССИИ	116
ОТ «КОМИССАРОВ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ» К АНТИСОВЕТИЗМУ	133
СИОНИСТОВ ОБИЖАЮТ	144
СТАНУТ ЛИ ЧУЖИМИ СЫНЫ ИЕГУДЫ?	168
ДИССИДЕНТЫ — СОВЕТСКАЯ «ЗАКВАСКА» АНТИСОВЕТСКОГО ПРОЕКТА	184
ЗАПАДНЫЕ ЛЕВЫЕ И КРАХ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА	222

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

ЕВРЕИ, ДИССИДЕНТЫ И ЕВРОКОММУНИЗМ

Редактор	П. С. Ульяшов
Художник	В. П. Чечеткин
Набор и верстка	А. А. Кувшинников
Выпускающий редактор	С. В. Маршков

ООО «Алгоритм — Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 151-55-63.

Оптовая торговля: «Столица-Сервис» — 916-1882,

Книжный клуб «36.6» — 267-2833, «Крафт» — 186-9378.

Сдано в набор 18.11.01. Подписано в печать 17.11.01.
Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бумага газетная. Гарнитура HelvDL.
Печ. л. 8. Тираж 5000 экз. Заказ № 1639.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии
м. В. И. Смирнова. 214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-9263-0046-3

Как утверждает
С.Кара-Мурза,
Советскому обществу
противостоял
сложившийся в течение
многих лет
антисоветский проект,
в котором участвовала
часть советской
интеллигенции - так
называемые
диссиденты и
советские евреи, а
также важное течение
в среде левой
западной элиты -
еврокоммунизм.
Почему вся эта
элита - и наша и
западная, стала
противником
советского строя и
какую роль она
сыграла в его
гибели - об этом книга.